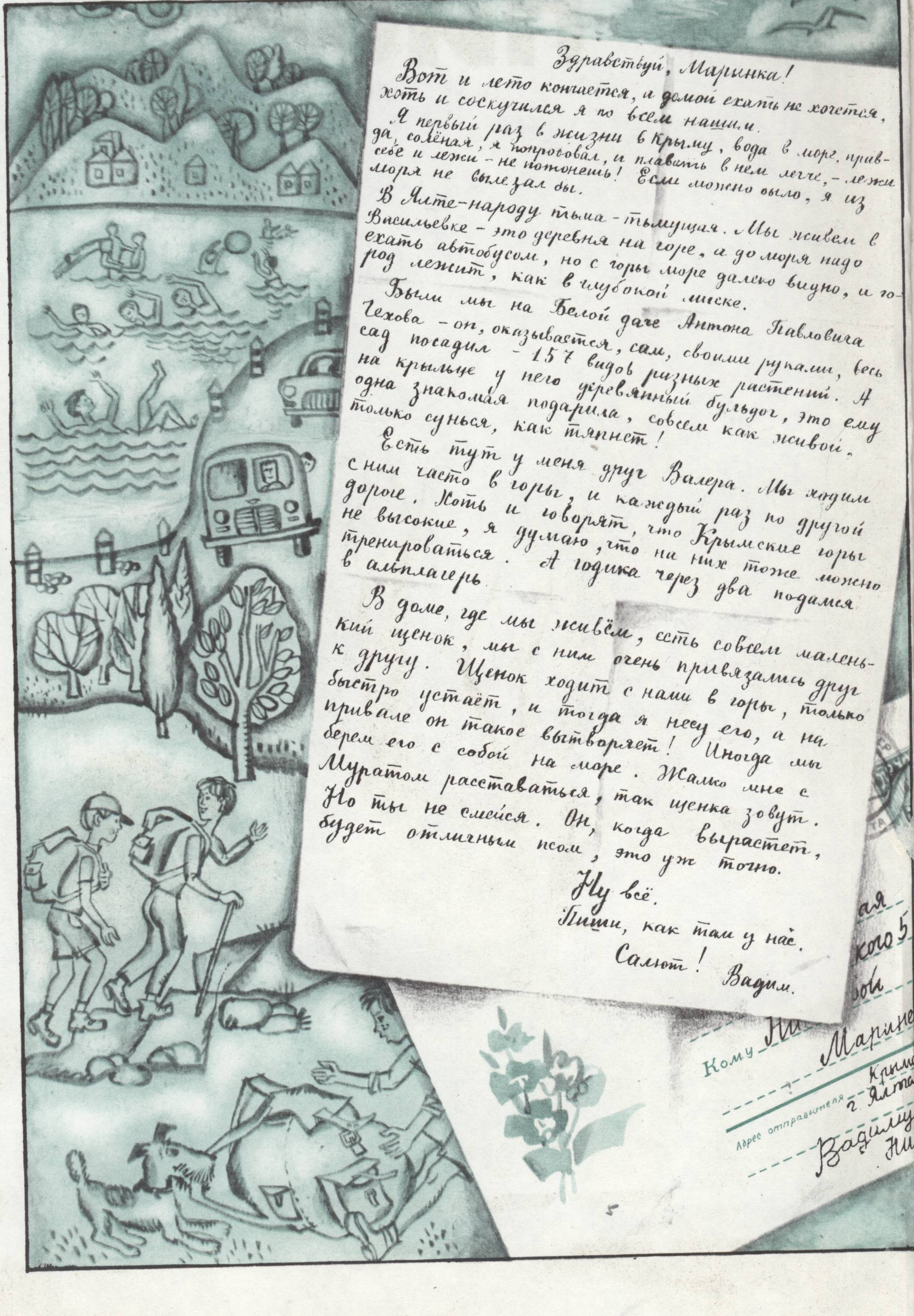
ПИОНЕР

АВГУСТ 8

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА» 1969 г.





Здравствуй, Маринка!

Вот и лето кончается, и домой ехать не хочется, хоть и соскучился я по всем нашим.

Я первый раз в жизни в Крыму, вода в море правда солёная, я попробовал, и плавать в нем легче, — лежи себе и лежи — не потонешь! Если можно было, я из моря не вылезал бы.

В Ялте — народу тьма-тьмущая. Мы живем в Васильевке — это деревня на горе, и до моря надо ехать автобусом, но с горы море далеко видно, и город лежит, как в глубокой миске.

Были мы на Белой даче Антона Павловича Чехова — он, оказывается, сам, своими руками, весь сад посадил — 157 видов разных растений. А на крыльце у него деревянный бульдог, это ему одна знакомая подарила, совсем как живой — только сунься, как тяпнет!

Есть тут у меня друг Валера. Мы ходим с ним часто в горы, и каждый раз по другой дороге. Хоть и говорят, что Крымские горы не высокие, я думаю, что на них тоже можно тренироваться. А годика через два подамся в альплагерь.

В доме, где мы живём, есть совсем маленький щенок, мы с ним очень привязались друг к другу. Щенок ходит с нами в горы, только быстро устаёт, и тогда я несу его, а на привале он такое вытворяет! Иногда мы берем его с собой на море. Жалко мне с Муратом расставаться, так щенка зовут. Но ты не смейся. Он, когда вырастет, будет отличным псом, это уж точно.

Ну всё.
Пиши, как там у нас.
Салют!
Вадим.



Солнце и дожди вырастили в лесу белый гриб великанских размеров. Уж не тебе ли он достанется? Сорвалось и упало в траву, прямо к ногам, спелое яблоко — хорошо! Смотри, как заиграл поплавок,— не щука ли?

Еще жарко. Еще лето. Но в березовые косы незаметно вплелась желтая прядь...

Вдруг вспомнятся друзья, которые сейчас где-то далеко. Что-то не пишут они. Почему?



● Темнеет раньше. Временами накрапывает дождь. Но во дворе, где обитает дружная компания **«мушкетеров»,** по-прежнему происходят события неожиданные и необыкновенные. События, которые, между прочим, могут повториться в любом дворе...

● Август — пора звездопада. Выйди ночью — увидишь, как чертят темное небо летящие к земле метеориты. Кому-то доводилось находить их, кому-то еще доведется. История одной такой находки — в очерке **«Джордано Бруно из Глазатова».**



● Этот юноша опасен. Уже в свои семнадцать лет он опасен империи. Вот почему его гонят из университета, и отправляют в ссылку, и тайно следят за ним урядники, и крадутся по пятам шпики... Продолжается повесть **М. ПРИЛЕЖАЕВОЙ «Жизнь Ленина».**



● **«Дайте нам организацию революционеров — и мы перевернем Россию!»** В нашем ленинском кабинете сегодня рассказ о создании Лениным партии — единой, крепкой, боевой организации революционеров.

● Юра Красиков творит чудеса. Начал и никак не может остановиться. Чудеса одно другого невероятнее. Не мудрено, что повесть о них автор **Б. САРНОВ** вынужден был назвать фантастической.

● За названием **«Сухой колодец»** скрывается рассказ, где, случайно попав в высохший, брошенный посреди пустыни колодец, Сережка встретился один на один с... коброй.

● Широко открыты двери наших клубов. В спортивном **«Три мяча и шайба»** гостей принимает Баскетбольный Мяч. **«Сорок сорок»** принесли на хвостах новые смешинки. **«Ума палата»** недавно приобрела отличные головоломки и щедро предлагает читателям решить их раз и навсегда.

ПИОНЕР

Выходит с 15 марта 1924 г.

Ежемесячный детский журнал Центрального Комитета ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина

АВГУСТ 8

Издательство «Правда»

1969 г.



Б. САРНОВ

ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

Рисунки Е. МЕДВЕДЕВА.

«Здравствуйте, я папа Юры Красикова...»



Черная «Волга» мчалась по Ленинградскому шоссе. Притормозила перед дорожным указателем, на котором было написано длинное непонятное слово «ВНИИФТХИУ», развернулась, вновь набрала скорость и полетела по узкой, прямой, асфальтированной дороге. Справа и слева темнел лес.

Между деревьями показался фасад огромного современного здания. «Волга» скользила вдоль него, не тормозя. Авто-

бус с надписью «Служебный» уже дважды останавливался, выпуская одних пассажиров и беря других, а здание все тянулось и тянулось...

Проехав его из конца в конец, «Волга» остановилась. Высокий моложавый мужчина лет пятидесяти вышел из машины и скрылся в подъезде.

Коридор был такой длинный, что по нему надо бы не ходить пешком, а ездить на мотоцикле. На массивной двери золотом по черному стеклу сверкнула надпись: «ДИРЕКТОР ВНИИФТХИУ, ДОКТОР ХИМИЧЕСКИХ НАУК, ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫЙ ЧЛЕН АКАДЕМИИ НАУК СССР В. П. КРАСИКОВ».

Человек, приехавший на «Волге», так решительно распахнул эту строгую дверь, что сразу же можно было догадаться: это он самый и есть — академик Красиков.

— Аллочка, привет! — сказал академик хорошенькой секретарше.— Кто-нибудь звонил?

— Елена Николаевна,— ответила Аллочка.— Просила позвонить, как только придете.

Академик торопливо подошел к одному из телефонов, взял трубку, но тут же, раздумав, положил ее на место.

— Ладно, потом,— сказал он хмуро.— Вызовите ко мне Карташова и Феднера.

Он прошел в свой кабинет, бросил портфель в кресло, подошел к столу.

Вошли вызванные сотрудники. Один — почтенный, седовласый человек лет шестидесяти, другой — совсем молодой, с коротким ежиком светлых волос.

— Ключ от семнадцатой лаборатории будет у меня в сейфе! — сказал академик седовласому.

— Слушаю, Виктор Петрович,— почтительно поклонился тот.

— Ампулу с веществом «Це» я забираю домой!

— Хорошо, Виктор Петрович.

— Вы распорядились, чтобы приготовили портативный контейнер?

— Все готово, Виктор Петрович.

Седовласый подал академику небольшую, но, как видно, очень тяжелую коробку.

Виктор Петрович отпер сейф, достал оттуда стеклянную колбочку, наполненную прозрачной жидкостью. Проверив, хорошо ли завинчена металлическая крышка, он бережно уложил колбочку в контейнер, а контейнер спрятал в портфель.

— Спасибо, Леонид Карлыч, у меня все.

Еще раз почтительно наклонив голову, седовласый бесшумно вышел из кабинета.

— Шеф, не томите! — сказал молодой.— Вся эта таинственность вам не к лицу. Говорите скорее: когда? Завтра?.. А может, прямо сейчас?

— Вы с ума сошли, Коля! Такие вещи так просто не делаются. Я вообще сомневаюсь, имеем ли мы право...

Он не успел закончить свою мысль, потому что дверь внезапно отворилась, и на пороге появилась хорошенькая Аллочка.

— Виктор Петрович, возьмите городской!

— Кто?! — раздраженный тем, что его прервали, резко спросил академик.

— Елена Николаевна.

Сразу сбавив тон, академик покорно взял трубку.

— Да?.. Прости, Ляленька, никак не мог... Я был занят... Но я же все-таки на работе... О господи!.. Ну, и что я должен сделать?.. Об этом не может быть и речи!.. Ну, Ляля, ну, сама подумай, что ты говоришь! Завтра у меня ученый совет, потом министерство. А вечером... Ты с ума сошла! Как я могу отменить ученый совет?!

Академик беспомощно отвел трубку от уха, как видно, пережидая какой-то очень темпераментный монолог, и страдальчески посмотрел на Колю. Переждав немного, он снова приложил трубку к уху и заговорил уже в другом тоне, обретя вдруг удивительное сходство с седовласым, который только что вышел из его кабинета.

— Хорошо, Ляленька... Я что-нибудь придумаю... Да, Ляленька... Обязательно, Ляленька... Ну, конечно, Ляленька... Ну, целую тебя!

Швырнув трубку на рычаг, Виктор Петрович мрачно объяснил насмешливо улыбающемуся Коле:

— Опять мой Юрка проштрафился. Придется поехать в школу, ничего не поделаешь... Вот что, Коленька! Не будем комкать этот разговор. Тут в двух словах не скажешь. Приезжайте-ка лучше завтра вечером ко мне домой. Ладно? Договорились? Ну, вот и отлично!..

Постучав согнутым пальцем в невзрачную, обшарпанную дверь и услышав обычное «Войдите!», Виктор Петрович испытал вдруг какую-то робость.

«Ну, погоди, мерзавец!» — подумал он, имея в виду своего сына Юру, непосредственного виновника предстоящего визита.

Однако деваться было некуда.

Виктор Петрович решительно отворил дверь и вошел.

— Здравствуйте, я папа Юры Красикова! — волнуясь, сказал он полной женщине, сидящей за столом. И оттого, что впервые за много лет его фамилия прозвучала без имени-отчества, без привычного обрамления из уважительных эпитетов и высоких званий, волнение его усилилось.

На миг ему даже представилось, что он больше не Виктор Петрович Красиков, академик, профессор, почетный член Британского королевского общества, доктор

«Гонорис Кауза» Принстонского университета и все такое прочее... Он снова Витя. Ему тринадцать лет. Он получил двойку по алгебре и потерял дневник.

Женщина, сидящая за столом, сказала:

— Каждый день! Каждую минуту! Каждую секунду мы с ужасом ждем какой-нибудь очередной выходки Красикова!

Услышав свою фамилию в таком необычном сочетании слов, Виктор Петрович испуганно втянул голову в плечи. Он уже окончательно забыл, что речь идет не о нем, а всего-навсего о его сыне, что Юрка — тоже Красиков.

— Так трудно переводить школу на новые рельсы,— продолжала женщина, сидящая за директорским столом. — Это ведь был не обычный урок. Впервые в нашей школе урок географии на английском языке. Вела его практикантка, студентка из государства Зимбабве... И вот на этом ответственнейшем уроке ваш Юра берет в рот лезвие безопасной бритвы и делает вид, что хочет его проглотить!..

При этом сообщении Виктор Петрович в ужасе закрыл глаза.

— Если бы это произошло на моем уроке или на уроке другого нашего учителя... Мы все знаем Юру, мы привыкли, что с ним постоянно надо быть настороже... У меня есть педагогический опыт, я бы нашлась, что-нибудь придумала... Но девушка-практикантка растерялась! В конце концов ее даже нельзя в этом винить. Она иностранка. Она вообще еще плохо ориентируется в жизни нашей страны... Она испугалась, завизжала... Короче говоря, урок был сорван. И все это исключительно по вине вашего сына.

— Видите ли, Евгения Ивановна, я...— Ошеломленный Виктор Петрович попытался что-то сказать, умоляюще приложив руку к груди, но Евгения Ивановна не дала ему продолжать.

— Да, я знаю,— сказала она.— Вы очень заняты, у вас совершенно нет времени, воспитанием сына занимается жена. Все это мне известно. Я уже не раз беседовала с вашей супругой, но, к сожалению, безрезультатно. У меня не было другого выхода. Я просто обязана была вызвать вас...

— Дело в том...— сказал Виктор Петрович.

— Поймите меня правильно,— снова перебила его Евгения Ивановна.— Так больше продолжаться не может. Это была последняя капля!

— Я вас понимаю, но...

— Вы скажете: «Но что я могу поделать?» Действительно, случай трудный. Но я не могу себе представить, чтобы интеллигентные родители не смогли как-то воздействовать на своего сына. Поймите и наше положение...

Заглянув в лежащую перед ней записку, Евгения Ивановна стала перечислять:

— Двадцать восьмого февраля Красиков принес на урок ботаники живую мышь... Третьего марта Красиков на уроке геометрии вытащил из парты живого котенка.. Ну, что это? Вчера он принес мышь, сегодня кошку, завтра он приведет с собой в школу живого льва!

Виктор Петрович подобострастно хихикнул этой незатейливой шутке, но Евгения Ивановна не склонна была шутить.

— Необходимы самые крутые меры. Если в течение ближайшей недели Юра решительно не изменится к лучшему, я буду вынуждена поставить на педсовете вопрос о переводе его в другую школу...

Она встала, давая понять, что разговор окончен. Растерянный Виктор Петрович тоже встал. В глубине души он был счастлив, что неприятный разговор позади, но изо всех сил старался изобразить на лице сознание максимальной родительской ответственности.

У дверей школы Виктора Петровича ждала жена. Увидев его, она испуганно вскинула голову:

— Ну? Что?!

— Пытался проглотить лезвие безопасной бритвы! На уроке практикантки! Из государства Зимбабве! — Все это Виктор Петрович выговорил крайне раздраженным тоном, словно обвиняя жену: «Вот, пожалуйста, плоды твоего воспитания!»

— Какой кошмар! — вскрикнула жена.— Ребенок мог покалечить себе все внутренности!

— Ребенок! От этого ребенка стонет вся школа! Черт знает что! По меньшей мере двадцать лет я не чувствовал себя таким идиотом! Почтенный, во всем мире уважаемый ученый должен сидеть, как школьник, как мальчишка, и покорно выслушивать пошлые нотации: «Неужели вы, интеллигентный человек, не можете воздействовать...»

— А кто в этом виноват? — перешла в атаку жена.— У мальчика переходный возраст. Моя власть над ним кончилась! Ребенку нужен отец! А ты ни о чем, кроме своей науки, знать не желаешь!

В ее голосе задрожали слезы, и Виктор Петрович мгновенно струсил.

— Ляля, успокойся, перестань. Ну, я прошу тебя! Ты же знаешь, что я бесконечно занят... У меня сейчас особенно трудный момент...

— У тебя всю жизнь трудный момент! Когда мы поженились и я хотела поехать на две недели в Гудауту, у тебя тоже был трудный момент! Когда у Юрика была корь и я сходила с ума, у тебя был особенно трудный момент! Ты всю жизнь думаешь только о себе, о своих критических

точках! Но пойми! Они же мертвые! А тут живое существо. Твой родной сын... Он гибнет! Если сейчас не вмешаться, будет поздно. Все будет кончено!

Она заплакала уже по-настоящему, навзрыд.

— Ну, Ляля, ну, перестань! Ну, я прошу тебя! — суетился вокруг нее напуганный неожиданной сценой Виктор Петрович.— Кто гибнет? Откуда ты взяла? Ну, хорошо, я обещаю тебе... Каждый вечер я буду играть с Юрием партию в шахматы... Мне будет трудно, но я постараюсь... Я выкрою время...

— Две партии! — сказала жена, постепенно успокаиваясь. — И не только в шахматы... Ты должен беседовать с ним. О жизни...

— Да, да, конечно, и беседовать тоже! — согласился Виктор Петрович, радуясь, что так дешево отделался. По давнему опыту он знал, что могло быть гораздо хуже.

«Джин» выходит на свободу

Домашний кабинет академика Красикова напоминал обиталище средневекового алхимика.

Стеллажи вдоль стен вместо книг были сплошь уставлены всевозможными колбами, пробирками, ретортами. Такие же колбы и реторты загромождали узкий и длинный стол на тонких металлических ножках. На другом столе, более массивном, разместилась всевозможная аппаратура: термостат, крохотные аптекарские весы, микроскоп.

Виктор Петрович и Коля продолжали разговор, начатый в институте.

— Если даже один процент подтвердится!.. Ого-го! — сказал Коля.

— Какой там процент, что вы! Я не сомневаюсь, что все мои прогнозы подтвердятся полностью,— ответил Виктор Петрович.

В то время как ученые вели этот, пока еще не очень понятный нам разговор, дверь кабинета отворилась, и на пороге появился Юра. Он был с шахматами.

— Здрасьте,— сказал он, обращаясь к Коле.

Отдав эту необходимую дань вежливости, Юра повернулся к отцу:

— Мама сказала, что ты хочешь поиграть со мной в шахматы.

— Я? Хочу?! — искренне удивился Виктор Петрович.— Ах да, верно... Я давно хотел поиграть с тобой в шахматы. Вот что, Юрий! Ты садись и расставь пока фигуры, а мы тут должны закончить один очень важный разговор...

Юра сел на тахту — единственный предмет в комнате, на котором не было колбочек и приборов,— и неторопливо стал расставлять на доске шахматные фигуры. На лице его было написано: «Мне-то это ни к чему, но если вам с мамой так хочется,— что ж, пожалуйста, я могу и потерпеть...»

К разговору взрослых он почти не прислушивался, тем более что весь этот разговор казался ему состоящим из многократного повторения одних и тех же непонятных слов:

— Флюктуация...

— Экстраполяция...

— Сублимация...

— Телепортация...

Юра скучал. А разговор все продолжался, и Юра поневоле начал вслушиваться в этот разговор, сначала просто так, а потом все с большим и большим интересом.

Особенно заинтересовала его одна Колина фраза.

— Скажите, шеф, — спросил Коля.— Это случайно не вы пишете под псевдонимом братья Стругацкие?

— Вы зря смеетесь, — ответил отец.— Все это вовсе не так уж фантастично. Науке давно известно о существовании отдельных индивидуумов, наделенных способностью простым усилием воли передвигать в пространстве различные мелкие предметы.

— Ну да, телекинез.

— Я находился под воздействием препарата каких-нибудь несколько секунд, но не дай вам бог пережить то, что пережил за эти секунды...

Виктор Петрович отпер бюро, достал контейнер, открыл и вынул из него маленькую стеклянную колбу с завинчивающейся металлической крышкой.

— Один глоток этой жидкости,— задумчиво сказал он,— и мы с вами стали бы чудотворцами в самом прямом, буквальном смысле этого слова...

— Какого же черта мы ждем?! — взорвался Коля.— Надо срочно ставить эксперимент!

— Я боюсь,— тихо сказал Виктор Петрович, ставя колбочку на стол.

«Так я и знал!— с отчаянием подумал Юра.— Струсил! Эх! Ученый называется! Люди прививали себе чуму и не боялись. А тут... Чего испугался?!»

— Я боюсь выпустить джина из бутылки,— сказал Виктор Петрович Коле.

— Но это просто смешно!— возмутился Коля.— Проверить-то надо? Если вы боитесь доверить мне, выпейте сами! Себе-то вы доверяете?

— В том-то и дело, что нет,— грустно сказал Виктор Петрович.— Как же вы не понимаете? Это такая штука, что я даже самому себе боюсь довериться...

Последние слова Виктор Петрович произносил уже в передней, провожая Колю.

Убедившись, что он остался в отцовском кабинете один, Юра подбежал к столу, на котором стояла заветная колбочка. Воровато оглянувшись, взял колбочку в руки и поднес ее к губам.

— Вы представляете себе, насколько это опасно? — доносился из передней голос отца.— Абсолютная власть над миром!

При слове «опасно» Юра отвел колбочку от рта и прислушался. Но, услышав про власть над миром, вновь решительно приблизил колбу к губам и единым духом проглотил все ее содержимое.

Он хотел потихоньку поставить колбочку на место, но она вдруг выскользнула у него из рук.

«Ой! Только не упади!» — успел подумать Юра. И тут случилось невероятное.

НА ПОЛПУТИ К ПОЛУ КОЛБОЧКА ОСТАНОВИЛАСЬ И ПОВИСЛА В ВОЗДУХЕ.

«Вернись обратно ко мне в руку!» — мысленно приказал Юра.

И КОЛБОЧКА ПОСЛУШНО ВЫПОЛНИЛА ПРИКАЗ: ПЛАВНО ПОДНЯЛАСЬ И ТИХО ОПУСТИЛАСЬ НА ПРОТЯНУТУЮ ЮРИНУ ЛАДОНЬ.

Крепко держа колбочку в руке, Юра взял со стола графин и наполнил колбочку самой обыкновенной кипяченой водой. Осторожно поставил графин на место, колбочку — на стол и тихо, на цыпочках, пошел к тахте.

Когда Виктор Петрович, проводив Колю, вернулся в кабинет, Юра с самым невинным видом сидел за шахматной доской.

Виктор Петрович поспешно подошел к столу и, взяв колбочку в руку, стал пристально разглядывать ее на свет. Убедившись, что с его сокровищем решительно ничего не произошло, он облегченно вздохнул и, проверив на всякий случай, хорошо ли завинчена крышка, бережно спрятал колбу в контейнер, а контейнер запер в бюро. Ключ от бюро он спрятал в самый дальний ящик стола.

Покончив наконец со всеми этими мерами предосторожности, Виктор Петрович, потирая руки, сел к Юре на тахту и приступил к шахматной партии.

Виктор Петрович играл рассеянно, явно думая не о шахматах. Но тем не менее очень скоро на доске сложилась такая ситуация, что даже ничего не смыслящему в шахматах свидетелю этой игры сразу стало бы ясно: положение белых (а белыми играл Юра) безнадежно.

Юрин взгляд скользнул по доске, перешел на груду разбросанных по тахте «съеденных» фигур, задержался на некоторых из них, скользнул дальше, наконец остановился, заметив «съеденного» белого ферзя: он застрял между диванными подушками и был еле-еле виден.

Юра глянул на этого застрявшего ферзя, и внезапная мысль загорелась в его глазах.

«Пусть мой ферзь окажется на доске, вон там!» — мысленно приказал Юра.

И В ТОТ ЖЕ МИГ НА ДОСКЕ ПОЯВИЛСЯ БЕЛЫЙ ФЕРЗЬ.

Юра, еще не привыкший к своему могуществу, не веря глазам своим, посмотрел на место соединения диванных подушек, где только что торчал белый ферзь: теперь никакого ферзя там не было и в помине.

Тогда, все еще не очень уверенно, Юра протянул руку к ферзю на доске:

— Шах!

Ничего не заметивший, всецело погруженный в себя, Виктор Петрович автоматически сделал ход.

— Еще шажок!— уже увереннее сказал Юра.

Виктор Петрович, озадаченно хмыкнув, сделал следующий ход.

— Мат! — как ни в чем не бывало, спокойно объявил Юра.

— Смотри-ка! — ничего не подозревающий Виктор Петрович был искренне изумлен.— Зажал меня, зажа-ал... Главное, неожиданно как! Я и оглянуться не успел... Ну, а теперь спать! Время позднее... Только не забудь, шахматы собери...

Юра скользнул взглядом по тахте.

РАЗБРОСАННЫЕ В БЕСПОРЯДКЕ ШАХМАТНЫЕ ФИГУРЫ САМИ СОБОЙ ОКАЗАЛИСЬ В КОРОБКЕ.

— Я собрал,— сказал Юра.

— Уже собрал? — удивленно оглянулся Виктор Петрович.— Ну, молодец! А я и не заметил...

Так и не проведя обещанную душеспасительную беседу о жизни, Виктор Петрович поспешно выпроводил сына из кабинета, и Юра остался наконец один на один со своим только что обретенным удивительным даром.

Ровно в 7. 30 утра зазвенел будильник. Елена Николаевна, Юрина мама, деловито подошла к двери Юриной комнаты, распахнула ее и привычно провозгласила:

— Соня-засоня! Проснись! Опять в школу опоздаешь!

Однако, к ее изумлению, Юра даже не думал спать.

Совершенно одетый, он сидел за столом. Сна у него не было ни в одном глазу. Перед ним на столе стояли 15 пустых бумажных стаканчиков из-под мороженого. На полу валялись обертки от «Мишек» и «Трюфелей». Перед Юрой на кушетке,



Юра решительно приблизил колбу к губам и единым духом проглотил все ее содержимое.

на столе, на стульях, просто на полу в беспорядке были разбросаны следующие предметы:

1. Коньки «Норвеги» с ботинками.
2. Две пары боксерских перчаток.
3. Духовое ружье.
4. Шпага.
5. Рапира.
6. Эспадрон.
7. Две маски для фехтования.
8. Спиннинг.
9. Великолепный охотничий нож.

В руках у Юры был новенький, только что из магазина стартовый пистолет — предмет самых давних и самых страстных его вожделений.

— Мам, ты проснулась? — радостно сказал Юра. — Вот здорово, что ты наконец проснулась! А я ждал-ждал, все боялся вас разбудить. Смотри!

Он нажал спусковой крючок стартового пистолета, искренне желая продемонстрировать матери все достоинства этой прекрасной и в высшей степени полезной вещи.

Раздался оглушительный выстрел.

Комната наполнилась голубоватым дымом.

Когда дым рассеялся, Елена Николаевна в полуобморочном состоянии сидела на Юриной кушетке. Юра стоял перед ней на коленях, всячески тормошил, стараясь привести в чувство:

— Мам! Ну что ты? Ну очнись же, мам...

Елена Николаевна открыла глаза и сразу, без перехода, приступила к допросу:

— Юрий! Только не лгать! Откуда у тебя огнестрельное оружие?

— Мам, ну что ты? Да успокойся ты! Ну какое же это огнестрельное оружие? Это стартовый пистолет. Его в «Динамо» продают кому хочешь. Каждый может купить, только справку нужно с места работы...

— А где ты взял справку? И откуда у тебя финка? — Елена Николаевна взяла в руки охотничий нож и с неподдельным ужасом стала его разглядывать.

— Мам, ну какая же это финка? Ты что, финки никогда не видела? Это охотничий нож. Его кто хочешь может купить, только по билету. По членскому билету общества охотников. Я давно хотел такой...

— А откуда у тебя членский билет? И где ты взял деньги на мороженое? И на это? И на это? — говорила Елена Николаевна, указывая на боксерские перчатки, на спиннинг, на остальные вещи, в беспорядке разбросанные по комнате.

Юра оглянулся на свои сокровища, и к нему постепенно вернулось чувство реальности. Он сообразил, что так просто не отвертится, что надо срочно, сию же минуту создать какую-то более или менее правдоподобную версию появления в комнате всех этих ценных вещей. Радость его мгновенно пропала. Тусклым, безжизненным голосом он пробурчал:

— Мне подарили.

— Кто подарил?

Не отличаясь большой фантазией, Юра сказал:

— Один мальчик.

— Какой мальчик? Как его фамилия? И с какой это стати он решил делать тебе такие дорогие подарки?

Тупо глядя в сторону, Юра молчал.

— Ну, вот что! — решила Елена Николаевна.— Сейчас уже поздно, быстро иди завтракать — и в школу! Я не желаю, чтобы отца опять вызывали к директору. А вечером мы вернемся к этому разговору!

Виктор Петрович Красиков сидел за столом у себя в кабинете. В руках у него была колбочка, наполненная самой обыкновенной водой. Но он этого не знал. Он даже не подозревал, что джин уже вырвался из бутылки и весело разгуливает на свободе. Он спокойно разглядывал содержимое колбочки на свет и напряженно о чем-то размышлял. Наконец, тяжело вздохнув, он отрицательно покачал головой, словно отмахиваясь от какой-то назойливой мысли, и решительно запер колбочку в бюро. Ключ от бюро он тщательно спрятал в самый дальний ящик письменного стола.

Распахнулась дверь. На пороге стояла Елена Николаевна.

Едва взглянув на ее лицо, Виктор Петрович сразу понял, что его ждут какие-то новые неприятности. Но то, что он услышал, превзошло самые мрачные его ожидания.

— Виктор! — сказала Елена Николаевна трагическим голосом. — Случилось самое худшее. Наш Юра связался с бандитской шайкой!

А новоявленный член бандитской шайки в это время держал путь в школу.

Несмотря на то, что времени у него было не так уж много, он не слишком торопился. Он зевал по сторонам, останавливался, заглядывался на прохожих, принимал активное участие во всех мелких уличных происшествиях.

И вот в поле его зрения попал шикарный юнец в сверхмодных клешах на пуговичках внизу, с широченным кожаным поясом, с нелепой, скорее женской прической, которую московские подростки по недоразумению называют прической «под битлс».

Судя по тому, какими глазами Юра посмотрел на этого красавца, он дорого бы дал, чтобы выглядеть так же шикарно.

Вдруг Юру осенило.

Он пошептал что-то себе под нос, пристально глядя на расклешенные брюки парня.

И В ТОТ ЖЕ МИГ НИЧЕГО НЕ ПОДОЗРЕВАЮЩИЙ ЮНЕЦ ОКАЗАЛСЯ В ЮРИНЫХ ШКОЛЬНЫХ БРЮКАХ, А ЮРА — В ДЛИННЮЩИХ КЛЕШАХ С ПУГОВИЧКАМИ ВНИЗУ И ШИРОЧЕННЫМ КОЖАНЫМ ПОЯСОМ.

Подметая тротуар этой прекрасной обновкой, Юра горделиво шел по улице Горького. Остановился на минутку перед витриной магазина ВТО. В витрине были выставлены книги, пластинки, ноты, грим, парики. Особенно привлекли Юрино внимание парики. Два парика были женские. Один — белокурый, другой — медно-рыжий. Оба с длинными и толстыми косами. Третий парик был жгуче-черный, непонятно, то ли женский, то ли мужской. Скорее всего это был парик для исполнителя роли Ленского в опере «Евгений Онегин».

При виде третьего парика Юра замер. И ВОТ НА ВИТРИНЕ УЖЕ ОСТАЛОСЬ ТОЛЬКО ДВА ПАРИКА, А ТРЕТИЙ ОКАЗАЛСЯ У ЮРЫ НА ГОЛОВЕ.

«Кудри черные до плеч», которые Владимир Ленский привез «из Германии туманной», на Юриной голове выглядели, конечно, довольно нелепо. Но в конце концов ненамного нелепее, чем прическа «под битлс», о которой Юра так мечтал.

Проходя мимо парикмахерской, Юра остановился. Долго с удовольствием рассматривал свое отражение в зеркалах. Пошел дальше. На него оглядывались.

Вполне удовлетворенный своим внешним видом, наслаждаясь впечатлением, которое он производит на окружающих, Юра неторопливо продолжал свой путь по направлению к школе.



Когда дым рассеялся, Елена Николаевна в полуобморочном состоянии сидела на Юриной кушетке.

Тем временем Виктор Петрович Красиков, ведомый своей супругой Еленой Николаевной, вошел в Юрину комнату.

Комната имела вполне благопристойный вид.

Ни шпаг, ни рапир, ни боксерских перчаток, ни ножа, ни духового ружья, ни стартового пистолета тут не было и в помине.

— Ничего не понимаю! — растерянно сказала Елена Николаевна.— Пять минут назад здесь был просто склад оружия.

— Ляля, милая, тебе надо меньше думать о Юре. Так ведь недолго сойти с ума. Вот у тебя уже и галлюцинации начались... Ну о чем ты говоришь? Какой склад оружия?

— Оставь, пожалуйста! Я не психопатка! Револьвер, финка и эти ужасные штуки для бокса... С собой он не мог все это унести... Виктор! Ты же знаешь! Во всем, что касается Юрия, у меня дикая интуиция. Поверь мне, мы теряем сына!

— Ну, Ляля! Ну, опомнись! У тебя же нет решительно никаких фактов. А факты, как известно,— упрямая вещь. Ученый может верить только фактам... Пойдем, я тебе накапаю валерьянки...

Юра в длиннющих клешах и в парике Владимира Ленского вошел в вестибюль своей родной школы. И тут ему сразу же представился случай убедиться, что, если уж человеку не везет, даже способность творить чудеса не поможет.

Первый человек, которому Юра попался на глаза, был именно тот, кого Юра сейчас меньше всего хотел бы встретить: Евгения Ивановна, директор.

— Это еще что за чучело? Конечно, Красиков? — сказала Евгения Ивановна, даже не успев еще толком разглядеть, кто скрывается в обличье Владимира Ленского.— И неужели ты думаешь, Красиков, что в таком виде я тебя допущу до занятий? Здесь советская школа, а не кафе «Аэлита»! Немедленно домой! Остригись и надень школьные брюки!..

Обескураженный Юра вышел за дверь, стащил с головы парик и запихал его в портфель. Долго, с неописуемым сожалением разглядывал он свои прекрасные клеши. Бесконечно жаль было ему с ними расставаться. Но выхода не было...



И в тот же миг Юра оказался в длиннющих клешах с пуговичками внизу и широченным кожаным поясом.

Гипноз или джиу-джитсу?

Юра Красиков в школьных брюках, в обычном своем виде, прыгая через две ступеньки, бежал вверх по лестнице. Лестница и школьные коридоры были пусты. Во всех классах уже давно шли уроки. Большие часы на этаже показывали без десяти девять. Юра посмотрел на них и быстро прошептал что-то себе под нос.

МИНУТНАЯ СТРЕЛКА ЧАСОВ МГНОВЕННО ОТСКОЧИЛА НАЗАД, ТЕПЕРЬ ОНА ПОКАЗЫВАЛА 25 МИНУТ 9-ГО. ТО ЖЕ САМОЕ ПРОИЗОШЛО СО ВСЕМИ ШКОЛЬНЫМИ ЧАСАМИ: НА ДРУГИХ ЭТАЖАХ, В КАБИНЕТЕ ДИРЕКТОРА. ВСЕ ЧАСЫ 44-Й ШКОЛЫ, МАЛЕНЬКИЕ, БОЛЬШИЕ, СТЕННЫЕ И ДАЖЕ РУЧНЫЕ, ПОКАЗЫВАЛИ ТЕПЕРЬ 25 МИНУТ 9-ГО.

Юра Красиков уверенно отворил дверь и появился на пороге своего класса, где уже довольно давно шел урок физики.

Последнее обстоятельство было маленькой удачей в цепи постигших Юру неудач, потому что физик в отличие от других учителей 44-й школы относился к Юре без раздражения и без предвзятости. Он даже не раз защищал Юру на педсоветах, говоря, что именно из таких живых, любознательных детей и вырастают Ньютоны.

— Ой, простите, Матвей Матвеевич,— сказал Юра физику с самым невинным видом.— Я не знал, что урок уже начался...

— Садись на место, Красиков, и не болтай пустяков. Ты отлично знаешь, что урок уже приближается к концу!— ответил физик вполне благодушным тоном.

Но Юра на этом не успокоился.

— Почему к концу?— изобразил он на лице самое искреннее изумление.— Ровно полдевятого...

Сорок пар глаз устремились на классные часы. (Прекрасные электрические часы в каждом классе были предметом особой гордости администрации сорок четвертой школы.) Часы действительно показывали половину девятого.

— Я был о тебе лучшего мнения, Красиков,— сокрушенно заметил Матвей Матвеевич. — Остроумный человек может придумать не менее ста пятидесяти разнообразнейших причин своего опоздания на урок. Только самые неизобретательные и тупые дети ссылаются в таких случаях на отставшие часы.

— Но часы вовсе не отстают,— сказал Юра.— Внизу тоже полдевятого!

— И у меня полдевятого!

— И на моих!

— И у меня!— закричали обладатели собственных часов.

Матвей Матвеевич пожал плечами и, всем своим видом показывая, что он готов считаться с общественным мнением, даже если оно отстаивает заведомую ерунду, вынул из жилетного кармана золотые мозеровские часы на цепочке.

— Действительно, — озадаченно сказал он после небольшой паузы.— И на моих почему-то половина девятого... Ну что ж, поскольку мои часы не имеют обыкновения отставать, а кроме того, поскольку трудно допустить, чтобы самые разные часы вдруг отстали ровно на одно и то же время, остается предположить, что тетя Паша по какому-то недоразумению дала звонок раньше времени. Но даже если мы, к большому огорчению Красикова, начали урок на несколько минут раньше, чем нам полагалось, все лишние минуты уже ушли на выяснение этого печального обстоятельства. Посему будем считать инцидент исчерпанным и вернемся к нашим баранам. Ты можешь сесть, Красиков...

Юра сел на свое место. Расстегнул портфель, достал учебники. Он был рад, что все обошлось, но, с другой стороны, ему вовсе не улыбалась перспектива томиться на уроке физики еще целых 45 минут, в то время как на самом деле пол-урока уже прошло.

Взглянув на стенные часы, Юра беззвучно пошептал что-то себе под нос.

И В ТОТ МИГ ВСЕ ЧАСЫ 44-й ШКОЛЫ, ВКЛЮЧАЯ ВЕЛИКОЛЕПНЫЙ МОЗЕР МАТВЕЯ МАТВЕЕВИЧА, СТАЛИ СНОВА ПОКАЗЫВАТЬ БЕЗ 10 МИНУТ ДЕВЯТЬ.

Никто в классе этой манипуляции не заметил, потому что Матвей Матвеевич уже продолжал урок, а урок, надо сказать, был не совсем обычный и вопреки Юриным ожиданиям даже интересный.

Матвей Матвеевич демонстрировал классу знаменитый опыт Отто Герике.

— Итак, берем две полусферы,— говорил он, показывая два пустых металлических полушария,— и соединяем их. Вот так! Перед нами шар, полый внутри. Как видите, разъединить эти две полусферы не составляет никакого труда. Это может проделать каждый из вас... Пожалуйста! Прошу!.. А теперь мы выкачаем из шара воздух. Ну попробуйте теперь разъединить эти два полушария,— сказал физик.— Кто у вас самый сильный?

В каждое полушарие было впаяно кольцо, к каждому кольцу была привязана довольно толстая, прочная веревка.

Два самых сильных парня в классе долго пыхтели, тянули полушария каждый к

себе, но у них ничего не получалось. Физик предлагал тянуть впятером, вшестером. Опыт превратился в веселую возню, напоминающую перетягивание каната.

Когда все попытки разъединить полушария кончились крахом, Матвей Матвеевич утешил запыхавшихся силачей:

— Ничего, друзья, не расстраивайтесь! Эта задача не под силу не только вам. Когда в 1654 году в городе Магдебурге Отто Герике впервые проделал свой знаменитый опыт, полусферы, из которых он предварительно выкачал воздух, не смогли разорвать восемь пар лошадей!.. Теперь вы поняли, какова сила атмосферного давления?.. Кто это там не понял? Ну, конечно! Красиков не понял! Пожалуйста, Красиков. Что ты хочешь спросить?





— Нет, я ничего, я все понял, Матвей Матвеевич! Я хотел спросить: можно, я попробую?

— Красиков опять в своем амплуа! — иронически сказал физик.— Он не верит мне! Он не верит замечательному ученому XVII века Отто Герике! Он не верит своим товарищам! — Физик сделал выразительный жест в сторону пыхтящих силачей.— Он не верит даже своим глазам! Ну что ж, Красиков, убедись на собственном опыте!

Силачи, презрительно ухмыляясь, с шуточками и издевками отдали шар Юре.

Юра взялся за кольца, и — раз!...

В МЕРТВОЙ ТИШИНЕ РАЗДАЛСЯ ЛЕГКИЙ ХЛОПОК, КАК БУДТО ПРОБКА ВЫЛЕТЕЛА ИЗ ЗАКУПОРЕННОЙ БУТЫЛКИ ШАМПАНСКОГО.

Юра легко-легко, с подчеркнутой небрежностью, как фокусник — ап! — развел руки в стороны. В каждой его руке было по металлическому полушарию.

Бледный физик вошел в учительскую, ни слова не говоря, сел в углу, вынул свои великолепные мозеровские часы и сосредоточенно начал считать у себя пульс.

— Матвей Матвеевич, голубчик! Что с вами? Вам плохо! — испуганно спросила Евгения Ивановна.

— Нет, ничего... Дело в том, что Красиков...

— Как! Опять Красиков? Неужели он посмел явиться на ваш урок в этих ужасных брюках?

— Какие брюки? — слабым голосом спросил физик.— При чем тут брюки? Только что на моем уроке Красиков нарушил закон Ньютона...

— Я так и знала,— сказала старенькая преподавательница пения.— Я все время твержу, что этого мальчика следует показать невропатологу.

Как только прозвенел звонок и потрясенный физик вышел из класса, самый грозный из классных силачей, здоровенный верзила-второгодник по фамилии Поперечный, мрачно потребовал у Юры Красикова объяснений:

— Так что ж, Красиков, ты, значит, теперь сильнее меня? А?..

И по привычке он уже совсем было собрался слегка смазать Красикова по лицу.

Но тут произошло нечто уж вовсе не понятное.

Не успев даже прикоснуться к Юриной физиономии, Поперечный внезапно отлетел в сторону и, потеряв равновесие, упал.

Мгновенно образовался круг болельщиков, предвкушающих веселую потеху. Акции Красикова, никогда особенно высоко не котировавшиеся на этой бирже, вдруг резко пошли в гору.

Поперечный, не пытаясь даже осознать причину своего внезапного падения, тяжело поднялся и медленно пошел на Юру, всем своим видом выражая презрение и полную уверенность, что от тщедушного противника сейчас останется мокрое место.

Девочки завизжали.

Поперечный схватил Юру за воротник рубашки. Рубашка затрещала, брызнули пуговицы.

И вдруг — опять никто не понял, как это произошло,— толкаемый какой-то непреодолимой силой, верзила Поперечный отлетел от худенького, хрупкого Юры и тяжело рухнул на учительский стол. Стол опрокинулся. Лежавшие на нем физические приборы, ручка, чернильница, забытый физиком классный журнал и прочая школьная утварь разлетелись в стороны.

Залитый чернилами Поперечный беспомощно барахтался на полу, пытаясь встать, но, толкаемый все той же непонятной и непреодолимой силой, против своей воли скользил все дальше и дальше, пока не оказался окончательно притиснутым к противоположной стене класса.

— Джиу-джитсу! — сказал кто-то из болельщиков, пытаясь найти более или менее правдоподобное объяснение случившемуся.

—При чем тут джиу-джитсу? Обыкновенный гипноз! — авторитетно разъяснил



И вдруг Поперечный отлетел от худенького, хрупкого Юры и тяжело рухнул на учительский стол.

любимец учителей, эрудит и отличник Сашуня Парфенов, которого ребята звали «Паршуня», не столько имея в виду его моральный или физический облик, сколько просто так, по созвучию.

— Ах, так? Гипноз? — азартно сказал Юра.— Давай, Паршуня, на тебе попробую! Узнаешь, какой это гипноз!

Пробовать на себе, гипноз это или не гипноз, Сашуня не захотел и быстро юркнул за спины других болельщиков.

Больше скептиков не нашлось.

Таким образом, весь 6-й «В» поневоле вынужден был признать Юру Красикова самым сильным человеком в классе.

А в учительской происходило нечто вроде стихийно возникшего педсовета. В повестке дня стоял один вопрос: как быть дальше с Юрой Красиковым?

— Я думаю, товарищи, что вы все неправы! — взволнованно говорила самая молоденькая из всех учителей Анна Петровна.

Анна Петровна недавно окончила институт. Но от всех остальных учителей она отличалась не только молодостью. На каждой из ее коллег лежала тяжелая печать учительской профессии. В каждой из них за версту можно было узнать педагога. А про Анну Петровну ничего такого не скажешь. Обыкновенная московская девушка. Очень хорошенькая. Модная прическа: начес, челка.

— Нельзя действовать одними взысканиями! — убежденно восклицала Анна Петровна.— Это его только ожесточит и оттолкнет от нас!

— А как же еще прикажете действовать? Они другого языка не понимают! — сказала пожилая математичка Олимпиада Васильевна, неодобрительно косясь на девушку.

— Великолепно понимают! — горячилась Анна Петровна.— Вспомните Макаренко! Если Красиков почувствует, что мы в него верим, он сразу изменится! Поручите ему какое-нибудь важное, ответственное мероприятие, и вы увидите!

— Ну хорошо,— задумчиво сказала Евгения Ивановна.— Попробуем воздействовать на Красикова.

Звенел звонок. Быстро пустели школьные коридоры. Расходились по классам учителя.

Евгения Ивановна остановилась перед дверью 6-го «В». Из-за двери доносился отчаянный топот, возня, громкие голоса.

Евгения Ивановна решительно отворила дверь и вошла. Шум немедленно прекратился. Все ребята за партами, как ни в чем не бывало, стройно встали при ее появлении. Если бы не опрокинутый учительский стол, не разбитая чернильница, не валяющиеся на полу классный журнал и физические приборы, 6-й «В» можно было бы считать образцом порядка, прилежания, отличной дисциплины.

— Что у вас происходит? Можно подумать, что здесь только что бесновалась стая диких зверей... Немедленно убрать! — распорядилась Евгения Ивановна, указывая глазами на следы разгрома, и спокойно пошла по проходу между партами, как человек, уверенный, что ему достаточно только приказать и вовсе нет необходимости следить за исполнением приказа.

Не успела она дойти до конца класса и повернуть обратно, как по молчаливому велению Юры Красикова...

...СТОЛ, СТУЛ, ФИЗИЧЕСКИЕ ПРИБОРЫ, КЛАССНЫЙ ЖУРНАЛ — ВСЕ, ЧТО СЕКУНДУ НАЗАД В БЕСПОРЯДКЕ ВАЛЯЛОСЬ НА ПОЛУ, ТОТЧАС ЖЕ ОКАЗАЛОСЬ НА СВОИХ МЕСТАХ.

— Ну вот, видите? — удовлетворенно сказала Евгения Ивановна, обернувшись и увидев картину полного благолепия.— Оказывается, в вас живет не только инстинкт разрушения. Я всегда говорила, что 6-й «В» все может... Стоит ему только захотеть!

Она села за стол и сразу приступила к делу:

— Сегодня у нас с вами большой и радостный день!

Ребята изумленно переглянулись: они понятия не имели, чем сегодняшний день отличается от всех предыдущих.

— Старейшему учителю нашей школы,— все так же торжественно продолжала Евгения Ивановна,— Марку Самсоновичу Лисовскому присвоено высокое звание заслуженного учителя республики. Сегодня в 4 часа Марк Самсонович ожидает у себя дома корреспондента из газеты, который будет писать о нем очерк. Естественно, это будет очерк не только о нем, но и обо всей нашей школе. Педагогический совет решил выделить группу учеников... Красиков, пересядь, пожалуйста, на первую парту...

— Я больше не буду,— заученно сказал Юра.

— Выделить группу наиболее достойных,— как ни в чем не бывало, продолжала Евгения Ивановна,— лучших учеников Марка Самсоновича, которые примут участие в этой встрече. Мы долго думали, кому из вас оказать это высокое доверие. И решили...

Евгения Ивановна сделала эффектную паузу, после которой стала торжественно оглашать фамилии избранных:

— В беседе с представителем печати примут участие ученики 6-го «В» класса: С а ш а П а р ф е н о в...

Сашуня встал. И он сам и все ученики 6-го «В» класса ни на секунду не сомнева-

лись, что уж кто-кто, но он-то безусловно окажется в числе избранников.

— Лена Пыльникова...

Встала за своей партой благонравная Лена Пыльникова. Она тоже ничуть не была удивлена тем, что именно на нее пал высокий жребий.

Другая такая же благонравная девочка, наперед зная, что сейчас будет названа ее фамилия, старательно изобразила на своем лице приличествующие случаю равнодушие и безропотную готовность служить обществу. Но ее ожидало жестокое разочарование.

— И Юра Красиков! — неожиданно для всех закончила перечень избранников Евгения Ивановна.

Юра испуганно вскочил. На лице его отразилась растерянность, смешанная с подозрением: а нет ли во всем этом какого-то подвоха?

Класс принял известие о включении Красикова в число достойнейших как величайшую сенсацию века. На него оборачивались, корчили ему комические рожи. Он тоже не оставался в долгу.

— Вам троим,— уже непосредственно к избранникам обратилась Евгения Ивановна,— выпала великая честь представлять всю школу! Я уверена, что каждый из вас,— она пристально посмотрела на Юру; он мгновенно перестал комиковать и застыл под ледяным взглядом,— будет достоин доверия, которое мы ему оказали...

«Верните мне моего Леню!..»

Марк Самсонович Лисовский был один из тех, о ком говорят: «Широко известен в узких кругах». На протяжении вот уже двух десятков лет его имя мелькало то в «Учительской газете», то в журнале «Литература в школе», то в журнале «Семья и школа», а порою даже в журнале «Дошкольное воспитание».

Статьи и заметки, сочиненные Марком Самсоновичем, подписаны были всегда скромно: «М. Лисовский, учитель». В статьях и заметках, в которых речь шла о Марке Самсоновиче (а таких тоже было немало), имя его поминалось обычно так: «Известный московский учитель М. Лисовский...» или так: «Как сообщил в беседе с нами педагог-энтузиаст М. Лисовский...»

Марк Самсонович и в самом деле был педагог-энтузиаст. Чтобы убедиться в этом, достаточно заглянуть в его квартиру, что мы с вами как раз и собираемся сделать, тем более, что трое «достойнейших» — Сашуня Парфенов, Лена Пыльникова и Юра Красиков,— поднявшись по лестнице старого московского дома, уже остановились перед дверью этой квартиры и тихо переругиваются, поощряя друг друга нажать кнопку звонка.

Марк Самсонович — худенький человек с восторженными глазами и пышной седой шевелюрой — открыл им дверь и сделал широкий приглашающий жест:

— Милости прошу!

Друзья прошли узкий коридор, который казался еще уже, чем он был на самом деле, так как по обеим его сторонам до самого потолка громоздились полки, на которых вместо книг стояли и лежали стопками в неимоверном количестве пожелтевшие от времени, исписанные школьные тетради.

Пройдя коридор, Сашуня, Лена и Юра очутились в довольно просторной, светлой комнате, которая тоже казалась гораздо более тесной, чем в действительности, из-за поистине невиданного количества разместившихся в ней книг.

Вдоль каждой стены до самого потолка, как и в коридоре, громоздились книжные полки из простых, некрашеных сосновых досок. На этих полках стояли уже не тетради, а самые настоящие книги. Огромные, толстенные и совсем тоненькие, почти брошюрки... Они стояли не по росту, в кажущемся беспорядке. Ни одна из них не была похожа на другую. Впрочем, была у всех этих книг при всем их несходстве одна общая черта: все они были без переплетов, в ветхих бумажных обложках. И почти из каждой торчали какие-то закладки. Чувствовалось, что каждую из этих книг хозяин любовно знает «в лицо», помнит мельчайшие складочки и щербинки на ее обложке, все пометки и подчеркивания на каждой ее странице.

У единственного кусочка стены, свободного от книжных полок, стояла кушетка, на которой тоже в беспорядке были разбросаны груды ветхих, старых книг. У окна разместился старинный, потускневшего красного дерева, очень дряхлый письменный стол. На нем среди множества книг и тетрадей дремал облезлый, худой кот.

Кот слегка шевельнул левым ухом, приоткрыл разбойничьи чингисханьи глаза, оглядел вошедших презрительно и опять погрузился в дремоту.

— Корреспондент явится с минуты на минуту,— суетился Марк Самсонович.— Но я надеюсь, мы с вами успеем привести все это в более или менее божеский вид...

— Успеем! — уверенно сказал Юра.

— Только вот как быть с Леней? — задумчиво спросил Марк Самсонович. И, поколебавшись немного, фальшивым заискивающим голосом позвал: — Танюра! Будь

добра! Прогони Леню... Или возьми его к себе!..

Вошла худенькая девочка лет четырнадцати, холодно кивнула, взяла на руки кота и унесла.

— Марк Самсоныч,— заинтересованно спросила Лена Пыльникова.— А почему вы сами не могли его прогнать?

— А зачем мне портить с ним отношения? — резонно возразил на это Марк Самсонович. И, услышав звонок, тотчас сорвался с места.— Корреспондент!

— Ну вот! Дождались! Корреспондент уже идет, а здесь такое творится. Прямо стыдно даже! — сказала Лена.— Давайте хоть немного приберем...

— Засохни! — величественно оборвал ее Юра.— Сейчас будет полный порядок.

Лена брезгливо провела пальцем по некрашеным сосновым полкам, по старому, разваливающемуся письменному столу, по кушетке, по потертому кожаному вольтеровскому креслу. Скользнула взглядом по ветхим, жалким, растрепанным книгам.

— Я прямо удивляюсь,— сказала она.— Заслуженный учитель республики, и такая мебель! Неужели Марк Самсоныч не в состоянии приобрести какой-нибудь приличный гарнитур? И книги все такие грязные, обтрепанные... Прямо неудобно перед корреспондентом!

— Я сказал: засохни! — снова оборвал ее Юра.

Он беззвучно пошевелил губами, глядя поочередно то на стол, то на кушетку, то на полки с книгами. И под его взглядом комната преобразилась.

Вместо дряхлого старинного письменного стола появился новенький, полированный, в стиле «модерн», с портретом Брижжит Бардо под стеклом; вместо некрашеных сосновых полок — роскошные застекленные стеллажи из полированного ореха; вместо старых, растрепанных книг — ровные, аккуратные тома подписных изданий (Большая Советская Энциклопедия, полное собрание сочинений Вальтера Скотта, Библиотека приключений, Библиотека научной фантастики); вместо старого вольтеровского кресла — два изящных современных креслица на тонких металлических ножках и журнальный столик, на котором раскрыт журнал «Огонек»; вместо старой кушетки — современная тахта, покрытая пледом, телевизор на ножках, плоский, с огромным экраном.

Лена Пыльникова застыла, раскрыв рот, потрясенная всем этим великолепием.

— Ой! Юрик! Это все гипноз? Да? Гипноз?

— Ясно, гипноз! — сказал молчавший до сей поры Сашуня.

— Ха-ха! Как же! Гипноз! — саркастически ответил Юра.— Можете проверить, все настоящее!

Минуты две он наслаждался произведенным эффектом, потом вдруг спохватился.

— Тьфу ты, черт! Чуть не забыл самое главное!

Пошептав что-то себе под нос, он щелкнул пальцами.

Появился роскошный, редкой красоты и размеров ангорский кот. Лениво потянувшись, он вспрыгнул на тахту и величественно там расположился.

Совершенно очумевшая Лена бросилась к тахте, стала играть с котом, гладить его, переворачивать на спину. Кот добродушно позволял все это с собой проделывать. В нем не было и тени Лениного нахальства. При всех своих великолепных статьях он был воплощенная деликатность и благовоспитанность.

— Что, Паршуня? Скажешь, и это гипноз? — язвительно спросила Лена, как истая женщина, сразу приняв сторону победителя. И, еще раз оглядев комнату, удовлетворенно подвела итоги: — Теперь даже иностранных корреспондентов принять не стыдно...

До иностранных корреспондентов дело пока еще не дошло. Но корреспондент из газеты действительно уже явился. Это был корректный юноша в замшевой куртке. У него было вежливое, скучающее лицо человека, смирившегося с тем, что ему, как всегда, опять всучили самое неинтересное редакционное задание.

Широким гостеприимным жестом Марк Самсонович ввел гостя в коридор, совсем как экскурсовод, показывающий посетителям залы музея.

— Здесь,— торжественно провозгласил он,— хранятся все лучшие сочинения моих учеников, классные и домашние работы, собранные за тридцать пять лет моей педагогической деятельности. А также все рукописные журналы, стихи, рассказы наиболее одаренных членов школьных литературных кружков, которыми я руководил. Должен сразу сказать, что литературный кружок — это краеугольный камень моего педагогического метода. Я всегда считал и считаю, что преподавание литературы в школе без литературного кружка есть чистейшая фикция! Вот, пожалуйста! — Марк Самсонович выхватил из скопища старых тетрадок одну.— Классная работа ученика 6-го класса «А» 635-й школы Свердловского района Димы Чепурного. Ныне это крупнейший ученый, литературовед, доктор филологических наук. В прошлом мой ученик. Или вот! — Новая тетрадка безошибочно выхвачена из скопища ей подобных.— Григорий Половинкин! Тоже мой ученик. Ныне знаменитый поэт! Слыхали, конечно?

— Ну как же,— сказал корреспондент,

уверенно делая вид, что ему прекрасно знакома фамилия знаменитого поэта.

— А вот, не угодно ли! «Первое мая», стихи Паши Палева. Ученика 4-го класса «Б». Тоже писателем стал. Драматургом. И довольно известным.

— Это какой Палев? Тот самый? — оживился корреспондент.

— Вы имеете в виду песни? Да, он. Но песни — это так, между прочим. А вообще-то он писатель...

— Так он тоже ваш ученик? — Теперь в голосе корреспондента звучало уже неподдельное уважение.

— Мой,— небрежно ответил Марк Самсонович.— Среди моих учеников много знаменитых писателей. Клышко, Кутов, Кобликов, Пичугин...

— Как же, как же,— фальшивым голосом солидно протянул корреспондент.

— Ну, а теперь,— делая свой широкий приглашающий жест, продолжал Марк Самсонович,— милости прошу в мою библиотеку. Это святая святых! Собственно, с нее-то все и началось. Я начал собирать ее сорок с лишним лет назад, шестнадцатилетним мальчишкой... Должен вам сказать, что в отличие от многих библиофилов я не отношусь к книге как к фетишу. Я беспощадно подчеркиваю, загибаю страницы, если мне это нужно. Помните, как говорил Маркс? Книги — мои рабы!.. Конечно, я уверен, что вам доводилось видеть и не такие раритеты, но кое-что, полагаю, поразит и вас... Достаточно сказать, что мне удалось собрать все прижизненные издания Блока... Почти все прижизненные издания Пушкина...

Последние слова Марк Самсонович произносил уже в комнате. Рука его привычно потянулась к тем полкам, на которых должны были стоять книги, о которых он говорил, и вдруг наткнулся на холодное, мерзкое стекло.

— Что это? — отдернул он руку, как будто бы прикоснулся к змее.

Ничего не понимая, он отодвинул стекло и достал первую попавшуюся книгу. На новеньком ледериновом переплете красовалось золотое тиснение: «Луи Буссенар. Похитители бриллиантов». И золоченый череп, перекрещенный двумя стрелами.

— Что это? — еще раз спросил Марк Самсонович уже с неподдельным ужасом. Ноги его подогнулись, он непроизвольно опустился в изящное жидконогое креслице и несколько секунд полулежал в забытьи. Потом приподнял голову, испуганно оглянулся и слабым голосом, ни к кому конкретно не обращаясь, сказал:

— Боже мой! Где я?

— Марк Самсоныч! Не волнуйтесь, вы дома. Вы у себя дома,— как маленькому, объяснила ему Лена.— Это сделал Красиков. Но не думайте, пожалуйста. Это не гипноз! Юра Красиков, он еще и не такое может!

— А книги? Где мои книги? Моя библиотека!

— Я их пока на нашем школьном дворе сложил, где макулатура,— сказал Юра.

— Мои книги — макулатура?! — Марк Самсонович опять в изнеможении откинулся на спинку кресла и закрыл глаза.

— Быстро давай назад все его барахло! — тихо сказал Юре Сашуня.

— Ну что ты стоишь, как бревно? Он же умереть может! — тормошила Юру Лена.

Юра пожал плечами.

Вместо полированных застекленных



Марк Самсонович схватил своего любимца и исступленно прижал к груди.

стеллажей опять появились некрашеные сосновые полки с растрепанными старыми книгами.

— Мои книги! — не веря своим глазам, умильно воскликнул приведенный в чувство, ничего не понимающий Марк Самсонович.— Какое счастье! Боже, как вы меня напугали!

Дрожащими руками он перебирал обложки, страницы, гладил корешки.

— А это что? — вдруг с ужасом указал он на полированный стол с портретом Брижжит Бардо.— Немедленно верните мне мой стол!

— Пожалуйста! Я ведь хотел как лучше! — оскорбленно сказал Юра.

Появился прежний стол, заваленный книгами и тетрадями.

Ангорский кот, лежавший на тахте, заинтересовавшись перестановкой мебели, потянулся, соскочил с тахты и вспрыгнул на стол.

— Что это? Брысь! — закричал Марк Самсонович.— Откуда этот зверь? Вон! Немедленно вон отсюда!

— Это вместо вашего облезлого Лени,— сказал Юра.— Его, небось, вы боялись прогнать, а такого красавца гоните.

— Разве можно даже сравнивать его с вашим страшилищем! — сказала Лена.— Пусть хоть он останется, а?

— Нет! Ни в коем случае! Немедленно верните мне Леню! — истерически закричал Марк Самсонович.

Вместо роскошного ангорского кота на столе появился тощий и наглый Леня.

Марк Самсонович схватил своего любимца и исступленно прижал к груди. Он гладил его, целовал, не выпускал из рук, опасаясь, как бы он опять не был подменен невесть откуда взявшимся чужим котом.

— Скажите,— указывая на Юру, обратился к Марку Самсоновичу в суматохе всеми забытый корреспондент.— Этот мальчик — тоже ваш ученик? Интересно, как он это делает? Очевидно, какая-то особая форма гипноза?

И тут даже вечный скептик Сашуня Парфенов не выдержал.

— Какой там гипноз, что вы! — сказал он.— Можете потрогать, все настоящее...

Корреспондент попытался потрогать Леню. Тот злобно зашипел, выпустил когти и яростно ударил лапой корреспондента по руке.

— Черт его знает! Кажется, и в самом деле не гипноз,— зализывая исцарапанную руку, неуверенно сказал корреспондент.— Очевидно, мы имеем дело с явлением, пока еще неизвестным науке...

Он достал из кармана блокнот, шариковую ручку. Выражение вежливой скуки на его лице окончательно уступило место живому и неподдельному интересу.

ПРОДОЛЖЕНИЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

Лев МОЧАЛОВ

КТО ЗВАЛ ТЕБЯ?

— Кто звал тебя?
— Никто!
— Куда же ты идешь?
А ну, сними пальто,
останься!
Хлещет дождь.
Гулять в такую тьму,
в двенадцатом часу!..
— Я другу моему
лекарство
отнесу.
— Лекарство?
Ну, иди,
да приходи скорей.
И щелкнет позади
щеколда у дверей.
Ударит ночь в лицо
своим сырым крылом,
уйдет во тьму крыльцо,
и ни души кругом.
И все, что на уме,
какой угодно страх
мерещится во тьме,
таится в двух шагах.
Но ты идешь во тьму,
торопишься туда,
где плохо одному,
куда пришла беда.
Нет,
не заключено
лекарство в пузырьке —
в твоих словах оно,
в протянутой руке.
Пусть вымокло пальто,
пусть не проходит дождь.
Пускай тебя никто
не звал,
а ты идешь!..

Улуру АДО

Нелегко пасти оленей

Нелегко пасти оленей?
Тяжело, мой друг.
Подгибаются колени,
в горле — сердца стук.

За оленем гнаться трудно.
Вьется мошкара.
Как собака, лижет тундру
летняя жара.

Мечутся стада оленьи,
ужаса полны.
Я посереди волненья,
как внутри волны.

Гул стоит, не видно света.
Кажется: пыля,
кружится не стадо это,
а сама земля.

Завертелось все на свете
вроде колеса...
Но рукой коснулся ветер
моего лица.

Землю тронула прохлада
влажною рукой.
И на север, к морю, стадо
потекло рекой.

Эх, уйдут мои олени
вброд на острова!
Там вокруг одни каменья,
не растет трава.

Я за топотом помчался,
за мельканьем ног.
Крик мой возле губ кончался
и помочь не мог.

Так летел я через ямы,
темные, как смерть.
Прямо к морю, к морю прямо —
только бы успеть!

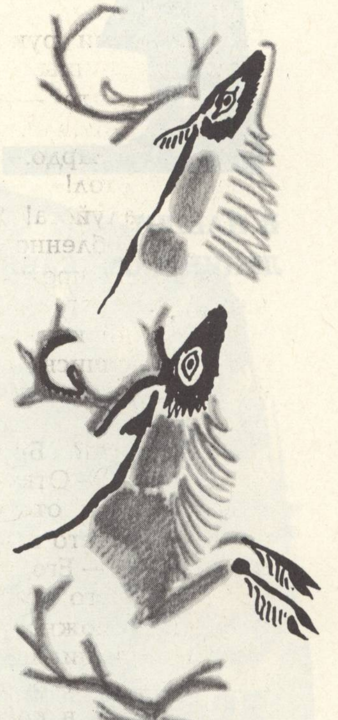
Но когда покинет тундру
летняя жара,
кажется: не так уж трудно
было мне вчера.

Ласково оближет спину
и уснет у ног,
вроде виноватой псины,
смирный ветерок.

Расцветет костер, как лютик,
стихнет сердца стук.
Благодарно взглянут люди
на тебя, пастух.

Песню звонкую тогда лишь
можно будет спеть...

Ради этого, товарищ,
стоит попотеть!



Перевел с юкагирского
Г. ПЛИСЕЦКИЙ.

Рисунок
Н. ДОБРОХОТОВОЙ.





В НАШЕМ ЛЕНИНСКОМ КАБИНЕТЕ

Г. ГРЕБЕННИКОВ

«С ОСНОВАНИЯ И РАНЬШЕ...»

В Центральном партийном архиве хранятся личные документы Ленина — его партийные билеты разных лет. В одном из таких билетов за № 224332 в графе «Время вступления в партию» стоит дата — «1893 год». А в графе «Какой организацией принят» написано: «Основатель РКП».

Этот билет Владимир Ильич получил в 1920 году, когда у всех коммунистов в стране происходил обмен старых партийных билетов на новые.

При обмене заполнялась анкета. На вопрос анкеты «С какого времени состоит в РКП?» Владимир Ильич ответил:

«С основания и раньше (1893)».

И дальше:

«Какие документы или удостоверения имеются у Вас, указывающие на Ваше пребывание в нашей нелегальной партийной организации?»

«История партии — документ».

Вдумайся в этот ответ. Да, вся история нашей партии — это ярчайший документ деятельности ее основателя и вождя Владимира Ильича Ленина. И теперь ты, конечно, догадываешься, почему в заголовке стоят кавычки. Это слова из анкеты, заполненной почти полвека назад Лениным.

Но почему так написал Владимир Ильич? Почему после слов «с основания и раньше» поставил в скобках разъясняющую дату — 1893 год?

Вернемся к нашей апрельской беседе. Помнишь заключительные слова: «Наш орленок расправил свои крылья!»? Так говорили друзья юности Владимира Ильича, под его руководством постигавшие революционное учение Маркса. Именно тогда, в Самаре, организовал Ленин первые марксистские кружки, начал воспитывать, сплачивать вокруг себя рабочих-революционеров, готовить их к боям за свержение царя, капиталистов и помещиков.

То был 1893 год.

В 1893 году Владимир Ильич уезжает в тогдашнюю столицу — Петербург. С большими предосторожностями, уже как опытный конспиратор-подпольщик, завязывает он знакомства с революционерами и так же, как в Самаре, собирает их вокруг себя.

Марксистам надо было добиваться, чтобы революционная теория овладела рабочими массами. А для этого нужна была партия. Нужен был самый передовой, крепко организованный, сильный отряд рабочих, который бы всеми способами, настойчиво и постоянно нес в массы рабочих марксистскую науку, воспитывал у рабочих революционное сознание, готовил их к свержению царя, капиталистов и помещиков.

Ленин начал создавать такую партию рабочего класса. И он создал ее.

Правда, Первый съезд Российской социал-демократической рабочей партии — РСДРП состоялся лишь в 1898 году, когда Ленин был уже в сибирской ссылке, в Шушенском. Но идея основания этой партии целиком принадлежала ему.



Рисунок С. ТРОФИМОВА.

Поэтому и датирован в партийном билете Ленина его партстаж 1893 годом: Владимир Ильич состоит в партии с ее основания и даже раньше...

В 1895 году Ленин объединил марксистские кружки Петербурга в «Союз борьбы за освобождение рабочего класса». Такие союзы были созданы в Москве, Киеве, ряде других городов. На заводах и фабриках все чаще и чаще появлялись революционные листовки. Они звали рабочих к забастовкам и политическим выступлениям в знак протеста против непосильного гнета царского самодержавия — двенадцати — четырнадцатичасового рабочего дня (в том числе и для детей!), против нищенской заработной платы, изматывающих штрафов по любому поводу, против нечеловеческих жилищных условий (в рабочих бараках проживало по тридцать — сорок семей, «отгороженных» друг от друга лишь каким-нибудь тряпьем)...

Руководя Петербургским «Союзом борьбы», Владимир Ильич думал над тем, как объединить все действительно революционные силы России в единую, сплоченную, монолитную партию. Ее программу Ленин разрабатывал в тюремной камере, куда в декабре 1895 года заточили его царские жандармы. Из тюрьмы Владимиру Ильичу удалось передавать на волю свои шифрованные указания по организации партии. Он писал их молоком между строк «безобидных» книг. И ленинское призывное слово разносилось по всей стране.

Мы уже сказали тебе, что Первый съезд РСДРП состоялся во время пребывания Ленина в ссылке. Избранный на этом нелегальном съезде Центральный Комитет был сразу же арестован.

Надо было начинать сначала. И Ленин еще в ссылке думает о созыве Второго съезда партии, о собирании воедино всех революционных сил страны. Этой цели должна была послужить боевая революционная газета, которая через широкую сеть своих агентов — рабочих корреспондентов явилась бы коллективным пропагандистом марксизма, коллективным революционным агитатором, коллективным партийным организатором.

«Дайте нам организацию революционеров, — писал Ленин, — и мы перевернем Россию!»

Создать такую организацию и помогла ленинская газета «Искра», которую Владимир Ильич после шушенской ссылки стал издавать за границей. Ты, наверное, знаешь, что эпиграфом газеты были знаменательные слова декабристов «Из искры возгорится пламя!».

И пламя разгорелось! Его зажгли страстные ленинские статьи в «Искре», тайно расходившейся — сквозь полицейские посты и кордоны — по промышленным городам страны. Особое значение для сплочения разрозненных революционных организаций в одну партию имела гениальная книга «Что делать?», вышедшая в 1902 году. Именно на ней, впервые на такой большой книге, поставил Владимир Ильич свой псевдоним «Ленин».

«Мы идем тесной кучкой по обрывистому и трудному пути, крепко взявшись за руки, — писал Владимир Ильич. — Мы окружены со всех сторон врагами, и нам приходится почти всегда идти под их огнем. Мы соединились... и выбрали путь борьбы...»

Подготовленный Лениным, ленинской «Искрой» Второй съезд РСДРП одобрил этот путь революционной борьбы. Съезд проходил нелегально, за границей. И проходил в острой идейной схватке. Нашлись среди людей, называвших себя революционерами, и такие, кто выступал против строго дисциплинированной, хорошо организованной пролетарской партии. Группу таких сторонников расплывчатой партии возглавлял Мартов. Он готов был зачислять в ее ряды всех, кто пожелает, даже не участвующих в повседневной революционной работе.

Ленин решительно выступил против этого вредного настроения. И победил. Была принята ленинская программа партии, а при выборах в Центральный Комитет большинство получили сторонники Ленина. С тех пор их стали звать большевиками.

Сторонников же Мартова, тормозивших создание боевой партии, прозвали меньшевиками. Все их старания оказались тщетными. В России была создана ленинская, большевистская, Российская социал-демократическая партия!

Официально партией большевиков — РСДРП(б) — она стала называться с 1912 года, после Шестой (Пражской) партийной конференции. Потом, уже после победы Великого Октября, Седьмой съезд в 1918 году решил переименовать партию в РКП(б) — Российскую коммунистическую партию (большевиков).

Именно с таким названием и получил Владимир Ильич свой партийный билет, с которого мы начали нашу беседу.

Добавим только, что начиная с 1927 года по инициативе старых большевиков Замоскворечья вождю и основателю Коммунистической партии Владимиру Ильичу Ульянову (Ленину) выписывается партийный билет № 00000001.

И сколько бы ни прошло еще лет, в партбилете № 1 всегда будет стоять великое, бессмертное имя первого коммуниста Родины Октября.

★



Виктор МАКСИМОВ

СУХОЙ КОЛОДЕЦ

РАССКАЗ

Рисунки П. БАГИНА.

Рыжее солнце держало пустыню в цепких палящих щупальцах. Небо, пропитанное зноем, слегка коробилось облаками, а от песков несло жаром, как от раскаленной печки.

Сережка едва поспевал за отцом. Ноги гудели, и нестерпимо тяжелым казалось ружье, болтавшееся за спиной.

— Отец,— сказал Сережка хрипло: в горле першило от солоноватой пыли.— Я заморился.

Мужчина, худой и высокий, повернул к нему коричневое лицо.

— Крепись... Вот дойдем до той акации, видишь, слева у большого холма?—Прищурившись, он кивнул головой вдаль.— Там отдохнем... Дойдешь?

Акация забытой, ободранной метлой торчала на горизонте. Сережка прищурился, как отец, тяжело перевел дух.

— Дойду.

Отец молча снял с него ружье, привычным движением ловко вскинул себе за плечо.

Сережка нахмурился, потянулся за ружьем. Отец сдвинул жесткие брови и, указав глазами на акацию, произнес:

— Неблизко.

— Да,— согласился Сережка.— Я дойду.

— Ну, и хорошо... А ружье побудет у меня.

Отец поправил на поясе брезентовую сумку, в которой притаились две гюрзы и кобра, и уверенно зашагал к горизонту. Сережка побрел следом по зернистому песку.

Второе лето отец берет Сережку с собой на отлов ядовитых змей. Второе лето они вместе бродят по пустыне. Правда, ловить змей Сережке пока не приходилось: отец не доверяет. Змею надо взять обязательно живой и здоровой, чтобы она могла в питомнике давать яд. Этим ядом потом лечат людей...

— Душно. — Отец остановился и движением руки подозвал Сережку. — Ты ничего не замечаешь?

Сережка рассеянно оглядел пески. В горячем воздухе замерли листья джиды, повернувшись ребром к солнцу, а желтые лапочки ферулы еще больше пожелтели и скрутились в жгут. Все казалось вялым, каким-то мятым и неинтересным.

— Ничего... А что?

— Да я так,— усмехнулся отец. — Что-то уж совсем тихо вокруг. Будто пустыня ждет чего-то.

— Чего ей ждать? — устало сказал Сережка. — Пойдем... Дышать нечем.

Не прошли они и сотни шагов, как солнце вдруг потускнело и словно бы задернулось грязно-бурой пеленой. По барханам побежали маленькие песчаные смерчи, будто шаля и играя вперегонки. Потом разом налетел шквал и, сердито завывая, стал вертеть песок возле остановившихся людей.

Сережка оторопел и схватился за отца. Ветер пытался сбить его, смять, унести.

— Это ненадолго! — прокричал отец в самое ухо Сережки.

По черной, мрачной туче, заволокшей полнеба, судорожно прыгали ярко-белые молнии. Дождь ринулся к земле. Отчетливо стали видны синие полосы воды.

Сережка быстро прикрылся брезентовой сумкой. Но вымокнуть он так и не успел. На пески кое-где упали лишь мелкие брызги.

— Видишь! — Отец двумя пальцами растер на переносице Сережки спекшиеся комки песка. — Вот и вся гроза... Пойдем, уже совсем недалеко.

Идти стало невмоготу. Ноги подкашивались. Наконец подошли к акации. Ее серебристые листья, редкие и тонкие, свисали гроздьями. Они не давали тени.

Невдалеке горбатились пятнистые холмы. Там краснела шелюга, желтел молочай.

— На этом месте когда-то кишлак стоял. — Отец снял с плеча ружье, прислонил его к акации, не спеша отцепил брезентовую сумку и вместе с рогулькой бросил на песок. — Богатый кишлак...

— Ты был в нем?

— Нет... От туркменов слышал.

— Кто же разрушил его?

Отец ладонью смахнул со лба росинки пота.

— Крысы.

— Какие? — удивился Сережка, пристально взглянув в глаза отцу: не разыгрывает ли он его.

— Обыкновенные, земляные.— Заметив недоверчивый взгляд Сережки, кивнул головой.— Да... Жители кишлака, можно сказать, истребляли змей. Из их шкурок рубахи шили. Продавали выгодно. Перевели змей в округе... Вот тогда-то и почувствовали себя крысы вольготно. Разорили поля, дамбу изрыли так, что вода ушла. А с нею и жизнь из кишлака.

Отец достал флягу и, не открывая ее, постучал по донышку пальцем. Фляга зазвенела.

— Наказала пустыня людей за жестокость... Ну, ладно... Ты, Сережка, побудь здесь. Я скоро вернусь.

— Далеко?

— Воды принесу.

Жаркая сморщенная пустыня валялась в ногах. Шальной ветер швырялся песком. Где же здесь вода?

«Найдет,— подумал Сережка об отце. — Раз идет, значит, знает».

Над головой терлись друг о друга листья акации и томительно шуршали.

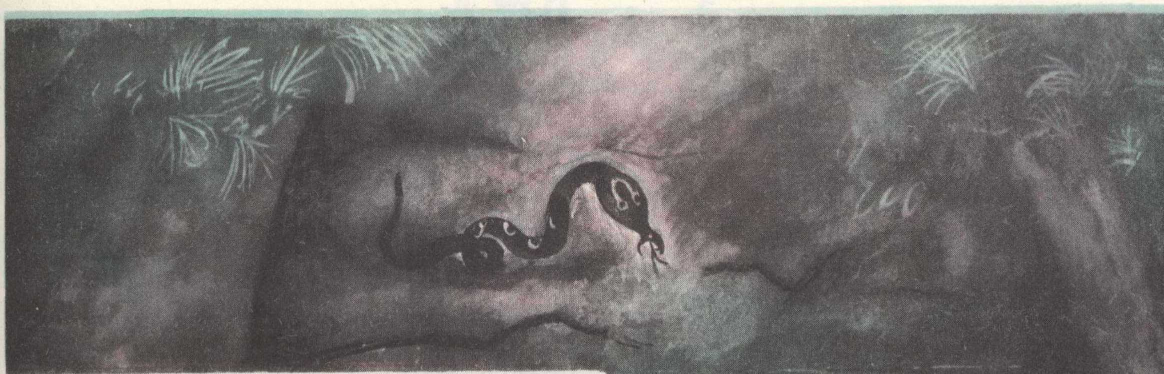
— Будь осторожен. Места змеиные.— Отец похлопал ладонью по стволу ружья. — Оно заряжено.

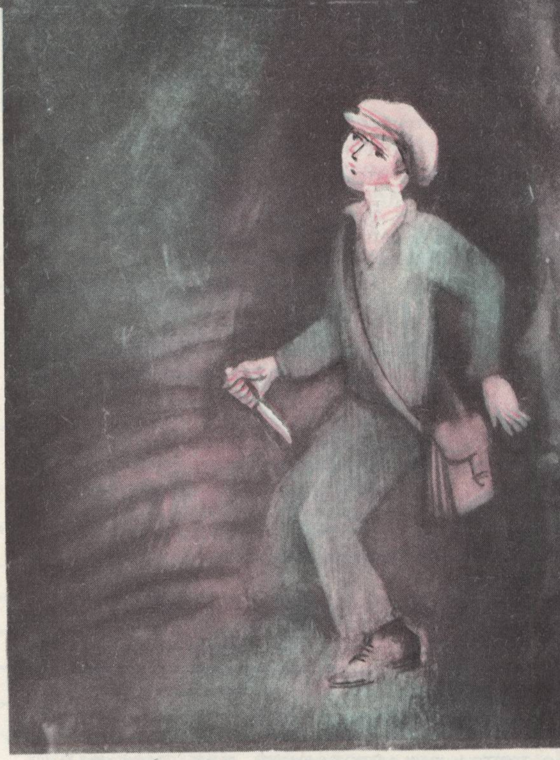
— Хорошо.

Сережка прислонился спиной к акации. Хотелось пить. Но еще больше спать. Кажется, лег бы и уснул. Но он снисходительно усмехнулся своим мыслям. Он все равно бы не уснул, даже если бы ему предложили. Солнце острыми лучами искололо бы до смерти. Лучше двигаться.

Сережка посмотрел на рыжие кусты, испуганными зверьками прижавшиеся к песку. Тоже, небось, хотят пить. А вон полуистлевшие корневища. Наверно, деревья были пышными и зелеными. В сочной листве пели соловьи. Вода журчала в арыке...

Разноцветные островки трав манили к себе. Подумать только — люди когда-то





играли здесь на домрах, смеялись. А верблюды, эти всклокоченные корабли пустыни, заходили сюда, как в порт, и сосали мягкую прозрачную воду.

Сережка взял ружье и пошел по кустам, по выгоревшим зарослям травы.

Неожиданно нога его повисла в воздухе, кусты раздались, и, не удержавшись, Сережка рухнул в пустоту. Он упал на бок, перевернулся и тотчас вскочил на ноги. Ружье осталось наверху, зацепившись ремнем за ветку.

Сережка осмотрелся. Он попал в заброшенный колодец. Воды в нем не было. Стенки были глинистыми, слегка влажными и твердыми. С досады Сережка закусил губу.

«Метров пять будет. Сам не выберусь. Придется ждать отца».

Он почувствовал во рту солоновато-приторный вкус.

«Кровь, что ли?»

Пальцем коснулся губ. Они были разбиты и начали опухать.

Как быть?.. Сережка вспомнил про нож, лежащий в кармане. Достал его, взглянул... Сердце радостно екнуло. А что, если в стенах колодца выдалбливать ямки, ставить в них ноги и подтягиваться? Так можно выбраться.

Сережка принялся за работу. Высоко над ним чернела продольная трещина. Только бы добраться до нее. А там уж как-нибудь...

Голубой клочок неба медленно приближался. Два удара ножом — и ямка готова. Переложил нож в другую руку. Два удара — и еще ямка. До трещины можно дотянуться рукой. Сережка приподнялся на носках. Кончики пальцев скользнули по шершавому краю трещины. Зашуршала по стене осыпающаяся глина.

Из темной расселины послышалось шипение, и, удивленно поводя головой, показалась змея.

«Кобра!»

От неожиданности Сережка остолбенел, холодные мурашки побежали по жаркому, мокрому телу. Кобра изогнулась.

«Сейчас бросится».

Сережка отшатнулся и, не удержавшись на стене, полетел вниз. Оглушенный падением, он лежал на дне колодца и ждал рокового броска.

Прошла долгая минута. Кобра шипела и все еще покачивалась в колодезном желтоватом сумраке.

Сзади, за спиной, послышался шорох.

«В змеином гнезде!.. Пропал!»—мелькнула мысль.

Зажмурясь, он уткнулся лицом в глину. Шорох нарастал. Тогда Сережка резко оглянулся и увидел — тонкий ручей песка заполнял колодец.

Сережка окинул взглядом стенки колодца. Слой глины кончался где-то в полуметре на выходе. Дальше шел песчаник.

Ручей ширился, сливаясь с мелкими струйками.

— Севун! — в отчаянии вскрикнул Сережка. Сухой поток будет литься беспрерывно, пока до краев не заполнит колодец.

Значит, теперь — смерть. От змеи или от песка.

Горечь переполнила Сережку. Он до боли сжал зубы.

— Нет! Пока не все...

Выхватил ногу из осыпи. Ботинок сорвался с ноги, и его сразу проглотил песок. Сережка поднатужился и взобрался на стену. Ломая ногти, по выдолбленным ямкам он снова полез вверх.

— Нет! — упрямо шептал он бледными от внезапной решимости губами. — Пока не все!

Змея была уже близко. Холодные глаза ее, не мигая, следили за человеком. Сережка карабкался ей навстречу. В душе не было страха. Ведь другого выхода нет. Надо было осилить змею...

— Сережка! — послышался недоумевающий окрик. — Сережка!..

Голос доносился глухо, со стороны, и постепенно удалялся. Сережка что было сил закричал:

— Я здесь!

Торопливые шаги приблизились. Змея, напуганная шумом, опять забралась в трещину.

— Где ты, Сережка?

— Я здесь...

Над колодцем показалось лицо отца.

— Осторожнее... Здесь кобра.

Губы отца скривились напряженной улыбкой.

— Я спущу ружье...

Не успел он договорить, как змея вдруг выбросилась почти наполовину из трещины, злобно раскрыла пасть.

«Ударит зубами».

Дрожащими пальцами нащупал Сережка брезентовую сумку и хлестнул ею по треугольнику змеиной головы.

Кобра черной молнией взвилась в воздухе и, несколько раз куснув брезент, соскользнула к ногам Сережки.

Он наступил ей на хвост. Нога сразу по колено вошла в песок, будто в топкий ил.

Сережка успел руками захватить змею чуть ниже пасти. Сухая трясина тянула в себя. Кобра дернулась, вырвалась из-под ноги и оплела Сережку.

— Дави, — сурово выдохнул отец. — Дави, чтоб задохнулась.

Кобра крутила пастью, выставив кривые зубы, по которым желтыми каплями стекал яд. Сережка сдавил ей горло. От напряжения у него потемнело в глазах. Песок туго стягивал живот и подбирался к груди.

Но вот тело кобры обмякло. Мокрой тряпицей заболтался раздвоенный язык. Сережка левой рукой отпустил горло змеи, а правой крепко прижал ее к стене.

Кобра ожила, ударила хвостом. Еще мгновение... Но Сережка уже раскрыл сумку и рывком затолкнул в нее змею. Очутившись в западне, кобра затрепыхалась, как рыба в сети.

«Поздно, голубушка...»

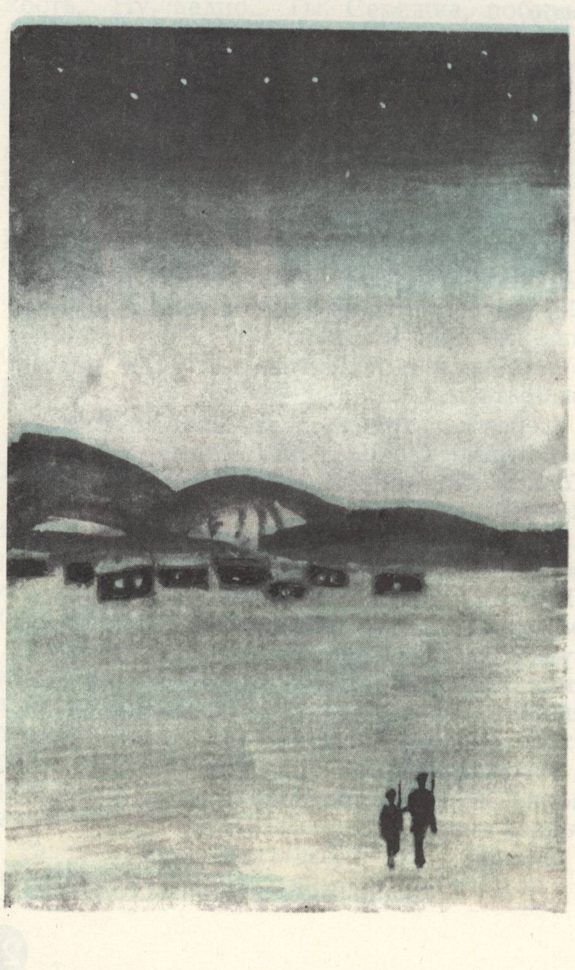
Сверху раздался звонкий голос отца, и к груди Сережки упало кольцо просмоленной веревки...

Солнце усталой жар-птицей садилось в барханы. Напоследок оно взмахнуло лучистыми крыльями и скрылось в песчаном гнезде. И лишь кое-где еще летали над черной пустыней его легкие светлые перья.

На пески свалилась холодная ночь. Синие жаринки звезд прожигали ее насквозь. За кишлаком, на острых гребнях барханов, лаяли шакалы.

Мужчины возвращались домой. Сережка, прихрамывая, шел впереди. Брезентовая сумка с живым грузом приятно оттягивала ремень. Первая самим пойманная змея... И ничего, что шел он в одном ботинке, а вторую ногу пришлось обмотать отцовой рубахой: в пустыне можно обжечь ноги, а змеелову такое никак нельзя...

★





ТВОЙ БАНКОВСКИЙ СЧЕТ

В Госбанк эта сумма в семьдесят два рубля пятьдесят копеек поступила из Московской сберегательной кассы № 7811.

Человек, внесший ее туда, звался Александром Александровичем Генераловым. Свой вклад он просил использовать для строительства обсерватории во Дворце пионеров на Чукотке.

Других сведений об Александре Александровиче в строгих денежных документах Госбанка не содержалось, да и не могло содержаться.

А мне почему-то очень захотелось узнать о нем побольше. То ли любопытным показался этот хвостик в пятьдесят копеек, то ли это настойчивое желание, чтобы перечисленные им в банк деньги пошли именно на строительство обсерватории, а не на какие иные нужды.

Захотелось узнать, что он за человек и чем в жизни занимается. Конечно, он связан со звездами, неспроста же — обсерватория. Может быть, астрофизик или астроботаник? А то и вовсе представитель какой-нибудь астрономической профессии, названия которой мы не слышали. В последнее время появилось много таких. И наверняка он любит ребят, раз захотел помочь им строить пионерский дворец и вот, поди же, стал участником пионерской операции «Чукотка».

Ниточка к А. А. Генералову шла только одна — через сберегательную кассу № 7811.

Получить адрес сберкассы в справочном бюро было делом минуты. Найти ее на проспекте Мира оказалось тоже легче легкого.

А вот разузнать хоть что-нибудь о посетителе сберкассы Генералове было куда труднее, чем я думал.

Да, говорили любезные сотрудницы кассы, да, документ, подтверждающий получение суммы в семьдесят два рубля пятьдесят копеек, у нас имеется. Действительно, внес ее товарищ Генералов и точно так при этом указал: «На строительство обсерватории». Но кто он, как выглядит, не припомним, и откуда, не знаем.

Пришлось разыскивать Александра Александровича с помощью дедуктивного метода и адресного стола. Поиски, признаться, шли не гладко, но все-таки он отыскался наконец, неуловимый Генералов. Правда, не совсем...

— Точно, только я не «А. А.», а «А. Н.»,— сказал мне Генералов, человек высокий, худой, с ежиком седеющих волос и при этом, должно быть, очень жизнерадостный и веселый. Как выяснилось позже, по профессии он наладчик, работает на «станколинии».— Точно, было такое дело. Это мой сынище все придумал. Сашку любят во дворе да и слушаются, кажется. Он не один был, их там человека три-четыре...

Вот так и выяснилось, что Александру Александровичу Генералову всего-то навсего двенадцать лет. А его друзьям — Алеше Болотову, Тане Кузовлевой и Сереже Лубкову — столько же или чуть меньше.

Все они живут на проспекте Мира в доме № 124. Случилось так, что в июне ребята никуда не уезжали, и тогда-то они и надумали: что толку слоняться по двору. Куда лучше, если у всех есть работа, и план, и норма, и рабочая смена, и рабочая усталость после смены. И тогда Саша Генералов, взяв с собой Сережку, отправился в Останкинское тепличное хозяйство, и требовал, и настаивал, и упрашивал, чтобы ребятам дали работу. Он оказался человеком настойчивым, и в конце концов работу ребятам дали. И Саша стал бригадиром маленькой рабочей бригады.

Я разговаривал с Дмитрием Ивановичем Бурминым, который отводил ребятам участки для прополки.

Он сказал, что бригада Саши Генералова была замечательная. Он сказал, что ребята трудились здорово и заработали все вместе семьдесят два рубля пятьдесят копеек.

А летом в Москве на всех углах мороженое, а в «Детском мире» на проспекте Мира, я видел, продаются просто чудесные вещи—спиннинги и ласты, бинокли и подзорные трубы с пяти-десятикратным увеличением...

А Саша Генералов, как выяснилось, действительно любит смотреть на звезды, и все другие ребята из его бригады тоже, наверное, что-то любят...

Жаль, не удалось выяснить, что. К середине лета ребят в Москве уже не было...

В Госбанке СССР, где ведутся сложные финансовые операции, с одного текущего счета на другой переводятся огромные деньги, есть один счет, который здесь считается крупным. Это счет Саши Генералова и его друзей и счет Лены Думкиной из Караганды, которая внесла на него тридцать пять рублей, и Владика Сысоева из Липецка, который внес рубль, и твой счет тоже. Твой текущий банковский счет. Он все время растет. И это здорово.

Значит, будет у чукотских пионеров свой хрустальный дворец. И будет в нем звездная обсерватория. Наверняка будет...

*

Операция «Чукотка» продолжается, каждый пионерский отряд, каждая группа ребят, каждый пионер может послать заработанные ими деньги по адресу: Москва, Госбанк СССР. Текущий счет № 70008 Управления по кассовому исполнению Госбюджета правления Госбанка СССР. Так называется твой текущий счет.

В. МАТВЕЕВ



Слово и время

В этот раз мы познакомим вас со стихами Ярослава Васильевича Смелякова, с поэтом гражданским, романтическим и современным.

Его темы — это жизнь нашего государства. Жизнь самого поэта — это история нашей страны, потому что им почти поровну лет, и потому еще, что поэзия Я. Смелякова — это влюбленный и строгий рассказ о незабываемом времени, о людях и делах людей.

Любой человек знает, как бывает подчас нелегко вспомнить о том, что было неделю назад. Или еще: много ли дней помнится из прошлого года? Не очень...

А вот искусству подвластно время: искусство может восстановить не день, а десятилетия, эпохи, и особенно ярко о живой жизни ушедших времен умеет говорить поэзия.

И вот, читая книги Ярослава Смелякова, мы неожиданно попадаем в, казалось бы, невозвратный день и год, где на площадях, по которым и мы тоже ходим сегодня, в ту пору кипели митинги и раздавался клич молодежи тех лет «Даешь!». Время живет и кипит в этих стихах.

«Винтовка, кумач и лопата» — вот лозунг тех дней. Страна строила себя и охраняла. Охранила и выстроила — это мы знаем, а читая стихи поэта, который так страстно и так точно говорит нам о романтической и героической молодости людей своего поколения, мы ощущаем то, как это было. Мы слышим живые голоса и песни иного времени — мы узнаем в лицо горячую молодость своей страны.

Вот что умеет делать поэзия!

Читайте теперь стихи.



Ярослав СМЕЛЯКОВ

*

Если я заболею,
к врачам обращаться не стану.
Обращаюсь к друзьям
(не сочтите, что это в бреду):
постелите мне степь,
занавесьте мне окна туманом,
в изголовье поставьте
ночную звезду.

Я ходил напролом.
Я не слыл недотрогой.
Если ранят меня в справедливых боях,
забинтуйте мне голову
горной дорогой
и укройте меня
одеялом
в осенних цветах.

Порошков или капель — не надо!
Пусть в стакане сияют лучи.
Жаркий ветер пустынь, серебро водопада —
вот чем стоит лечить.

От морей и от гор
так и веет веками,
как посмотришь — почувствуешь:
вечно живем.

Не облатками белыми
путь мой усеян, а облаками.
Не больничным от вас ухожу коридором,
а Млечным Путем.

*

Кладбище паровозов,
Ржавые корпуса.
Трубы полны забвенья.
Свинчены голоса.

Словно распад сознанья —
полосы и круги.
Грозные топки смерти.
Мертвые рычаги.

Градусники разбиты,
цифирки да стекло —
мертвым не нужно мерить,
есть ли у них тепло.

Мертвым не нужно зренья —
выкрошены глаза.
Время вам подарило
вечные тормоза.

В ваших вагонах длинных
двери не застучат,
женщина не засмеется,
не запоет солдат.

Вихрем песка ночного
будку не занесет.
Юноша мягкой тряпкой
поршни не оботрет.

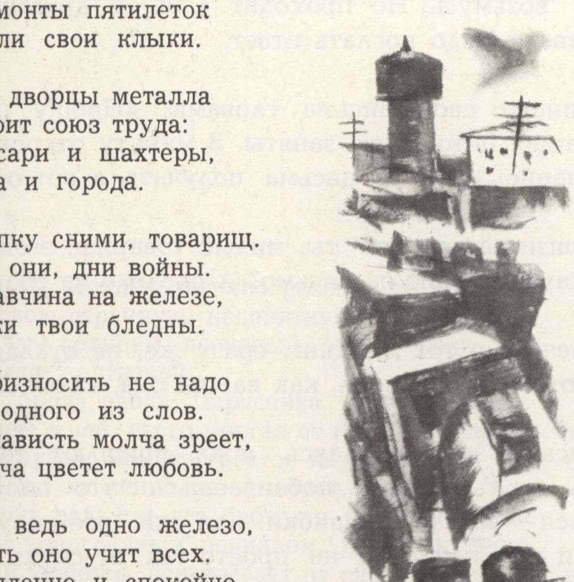
Больше не раскалятся
ваши колосники.
Мамонты пятилеток
сбили свои клыки.

Эти дворцы металла
строит союз труда:
слесари и шахтеры,
села и города.

Шапку сними, товарищ.
Вот они, дни войны.
Ржавчина на железе,
щеки твои бледны.

Произносить не надо
ни одного из слов.
Ненависть молча зреет,
молча цветет любовь.

Тут ведь одно железо,
пусть оно учит всех.
Медленно и спокойно
падает первый снег.





Земля

Тихо прожил я жизнь человечью,
ни бурана, ни шторма не знал,
по волнам океана не плавал,
в облаках и во сне не летал.

Но зато, словно юность вторую,
полюбил я в просторном краю
эту черную землю сырую,
эту милую землю мою.

Для нее, ничего не жалея,
я лишался покоя и сна.
Стали руки большие темнее,
но зато посветлела она.

Чтоб ее не кручинились кручи
и глядела она веселей,
я возил ее в тачке скрипучей
так, как женщины возят детей.

Я себя признаю виноватым,
но прощенья не требую в том,
что ее подымал я лопатой
и валил на колени кайлом.

Ведь и сам я, от счастья бледнея,
зажимая гранату свою,
в полный рост поднимался над нею
и, простреленный, падал в бою.

Ты дала мне вершину и бездну,
подарила свою широту.
Стал я сильным, как терн,
и железным —
даже окиси привкус во рту.

Даже жесткие эти морщины,
что по лбу и по щекам прошли,
как отцовские руки у сына,
по наследству я взял у земли.

Человек с голубыми глазами,
не стыжусь и не радуюсь я,
что осталась земля под ногтями,
и под сердцем осталась земля.

Ты мне небом и волнами стала,
колыбель и последний приют...
Видно, значишь ты в жизни немало,
если жизнь за тебя отдают.

Письмо

всем тем, кто от кого-то ждет письма, а оно все еще не отправлено

Да, это в твой адрес, дружище.

Летом во всех почтовых ящиках заметно прибывает конвертов, надписанных не по-взрослому. Ну, понятно! Летом все куда-нибудь уезжают, откуда-то приезжают, с кем-то встречаются и снова расстаются и кого-то ждут.

Уезжать интересно, особенно если далеко. Предложи тебе — ты с удовольствием. Но вот прощаться с теми, кто дорог, кто близок, кого любишь, с кем дружишь, не всегда легко. Все хорошо в новых, незнакомых краях — другая интересная жизнь, другие интересные люди и новые славные друзья, а вот кого-то, может быть, одного-единственного человечка все-таки недостает. И ты, когда придет вечер, скучаешь и немножко грустишь.

И вдруг получаешь письмо. О тебе не забыли. Помнят! Написали!

Даже неважно, что именно написали, о чем рассказали. Здорово, что захотели написать. Письма о многом говорят между строк.

Сразу все стало по-другому. Хорошо! Весело! Ты снова со всеми, и все с тобой.

— Ну что будем делать? Куда пойдем? Знаете что, давайте...

А написать в ответ? Да, надо, завтра возьмусь. Но проходит день, и другой, и третий. Что-то кольнет вдруг. Ах, да, ответ. Надо послать ответ.

Ну ладно, завтра обязательно...

Бывает, вполне взрослые люди начинают свои письма словами: «Прошу простить задержку с ответом...» И не всегда, потому что заняты. В минуту откровенности от них можно услышать признание: «Люблю письма получать, а вот отвечать...»

Но признаваться в этом — значит признаваться, что ты, милый товарищ, эгоист.

Попробуй-ка посчитать: сколько минут уходит на письмо? А сколько на сборы? В сто, двести раз больше?

А что, если взять себе за правило: отвечать в тот же день, сразу же, не откладывая. Правило скоро станет привычкой. Потом ты увидишь, как важна она, такая привычка.

А может быть, тебе надо написать письмо, не дожидаясь, пока пришлют тебе? Может быть, тебе даже хочется написать, но ты просто побаиваешься: что писать, как, поймут ли, не станут ли насмехаться — вот, мол, ошибки или еще что-нибудь.

Не бойся. Если письмо искреннее, если оно написано не просто так, от скуки, от безделья, — поймут. Смеяться не станут. Даже строгая твоя учительница по русскому языку не будет, пожалуй, корить тебя за ошибки в летнем письме, если увидит, что тебе захотелось сказать что-то важное.

А мама, друзья (настоящие) простят неуклюжесть и неумелость. А бабушка с дедушкой — краткость.

Ведь письма, ты знаешь, о многом говорят между строк.

Кто ждет от тебя письмеца? Кто больше всех? С этого письма и начинай. Сейчас, в эту минуту, не откладывая...



23 августа — национальный праздник Румынии. Исполняется двадцать пять лет со дня освобождения Румынии от фашистского ига. Поздравляем наших друзей!

ОТКРЫВАЯ РЕКУ

Фэнуш НЯГУ

РАССКАЗ

Рисунки А. ВОВИКОВОЙ.

Лето. Полдень лениво разыгрывает на поле свою странную, непонятную игру. Прожаренный солнцем песчаный обрыв реки искрится желтизной.

У брода бабка Параскива стирает белье. Рядом с ней, часто моргая от горячих солнечных лучей, Бэникэ греется на песке.

Лежа на спине, он считает, сколько раз ударит вальком его бабка, и ест кусок хлеба с виноградным повидлом. Жует он лениво, и кажется, испытывает от еды ту же скуку, что и от беседы с отцом утром. Тогда он, Бэникэ, упершись локтями в старый буфет, — вытащили на двор для починки — обдумывал, как бы завладеть латунными крючками от ботинок, которые обувала мать.

— Так бы и вцепился в эти крючки! — поймал его взгляд отец.

— Я бы псу в уши вдел.

— Ты ведь его вчера убить собирался.

— Ага. Дурак он.

— А ты-то откуда знаешь?

— Я на него ошейник с железными шипами надел и повел на соседнюю улицу с собаками драться. А он не стал — трус.

— Ему бы сперва с волками подраться.

— Знаю.

— Все-то ты знаешь, только ничего не говоришь. Вот скажи, куда девались три коробки сапожного крема?

— Я в них тюрьмы для сверчков сделал.

— Ах так! Это, значит, ты за сверчками вчера в кустах ползал. И много поймал?

— Вначале шесть, потом четыре, а потом еще шесть. Много?

— Да, порядком. Небось, целую свечку извел на шарики. Или по кусочку от всех свечей отщипнул?

Рассказ печатается с сокращениями.

— Я саранчой их ловил. Обвязал ей брюшко ниткой, она в норку залезет и мне сверчков тащит. Так как считаешь, будет из-за свечей крик?

— Будет. Обязательно будет. И не вздумай звать меня на помощь, когда бабка Параскива задаст тебе перцу.

— Может, и не будет скандала-то? Бабка Параскива сказала, теперь свечи гроша ломаного не стоят. В старину, мол, людей хлебом не корми — свечку поставить дай...

«Сказать-то она сказала, а все равно всплывет», — подумал Бэникэ.

Он дотянул ноги до воды, и прохлада блаженно разлилась по всему телу.

За рекой, на порыжевшем, высушенном ветром пастбище, две лошади отбивались от мух. Под ними шуршал источник, льющийся в реку по деревянному желобу. «Сюда рыбы приплывают напиться, — подумал мальчик и встал. — А вдруг какая-нибудь щука или карп, соблазненные струей холодной воды, попытаются подняться по желобу! Надо подстеречь их здесь и поймать», — решил Бэникэ.

Не повезло. Он сидел неподвижно у источника целые четверть часа, и ничего не попалось.

Разочарованный, опять спустился к бабке Параскиве и тут увидел пустое корыто — оно крутилось у берега, — прыгнул в него и стал раскачивать, уцепившись руками за края. Корыто накренилось и легко скользнуло на середину речки. От восторга Бэникэ засмеялся — точно во рту у него зазвенел колокольчик. Бабка Параскива и не слышала и не видела, что произошло, и так он поплыл вдоль солнечной реки. Сперва ему стало страшно, и он зажмурился, потом, позабыв об опасностях, открыл глаза, огляделся и удивился, глядя на незнакомый мир, в который он попал. Вначале казалось — вода не движется, а берега текут вспять, точно две травяные речки. Берега текли над ним и ниже, унося жеребенка, переходившего реку вброд, поляны, тополя с их удлиненными тенями, и две кучи арбузов, сложенные в конце проселка, разделенного рекой надвое.

Река свернула прочь от села и двинулась в поле. Над ним пронеслась стая голубей. «Должно быть, за просом полетели», — решил мальчик.

— Послушайте, — крикнул он им вслед, — не вздумайте залететь за солнце, там живут ястребы и кошки. За солнцем стоит дом ветра!

Внезапно перед ним выросли своды моста. Корыто, снесенное в сторону течением, слегка ударилось о среднюю сваю. Над ним, на мосту, зарычали моторы, и мальчик вцепился обеими руками в железный брус. Ехали грузовики, и весь мост дрожал, волны эха усиливались на воде.

«Ух, тяжелые, — подумал мальчик, — пшеницу на гумно везут». Наверху, на внутренней белой стенке моста, он увидел нарисованную углем лодку и человека в ней. «Была бы это настоящая лодка, я спустил бы ее на воду и отправился бы в путешествие».

Грузовики уже проехали, а Бэникэ все еще продолжал держаться за сваю. Он следил за стаями тоненьких быстрых рыбок, мелькавших в воде.

— Напрасно вы, рыбешки, в тень прячетесь, — обратился он к ним. — Тут, наверху, солнце и пахнет майораном.

Произнеся это, он опустил руки в воду, и корыто снова тронулось вниз по течению. Справа на холме возвышалась серая башня, ее деревянные крылья лениво вращались. «Понапрасну машет крыльями старая мельница». Он подъехал к испорченному мельничному желобу, пригляделся и заметил вверху в оконной раме барана с колокольчиком на шее и длинными, закрученными рогами. Вид у барана был воинственный, но мальчик не испугался: «Ведь я на воде, а он не умеет плавать». Надул щеки, засвистел, а потом крикнул:

— У, разбойник!

Близ ольшаника речка раздваивалась: один ее рукав направлялся к группе белых акаций и тополей, другой, узкий и неторопливый, прорезал поле. Там, где русло делилось на два рукава, ныряла в одиночестве болотная утка. «Она приплыла из тьмы, — подумал Бэникэ. — Это фея вод выслала ее мне навстречу».

— Эй ты! — окликнул ее Бэникэ, но птица не ответила, и он понял, что ей не разрешено говорить. «Если она заговорит, фея тут же превратит ее в камень, и она уйдет на дно».

На берегу, среди желтых тарелок подсолнуха, вились пчелы. Их полет рождал чуть слышную, назойливую песню.

Вдруг река стала шире и обратилась в озеро, по которому плавали стаи гусей. Снежно-белые, словно их занес сюда порыв вьюги, они с гоготом плавали между отлогими берегами. Дальше — утрамбованная стена преграждала течение. «Страна сказок», — подумал Бэникэ и, заметив, что его корыто стоит на месте, стал бить ладонями по воде. Корыто скользнуло к берегу, где виднелись деревянные домишки, обнесенные проволочной сеткой.

Какая-то девушка — она закусывала в тени белой акации, — увидев мальчика, подбежала к берегу с полотенцем в руках и недоуменно воскликнула:

— Бэникэ!

Мальчик ничуть не удивился, что она знает его имя — здесь, в этой сказочной стране, все могло случиться, — и крикнул ей:

— Скажи этому жирному большому гуса-

ку, — пускай заплывает за корыто и подтолкнет меня к берегу.

Девушка вошла в воду, замочив полы платья, завернула Бэникэ в полотенце и подняла его на плечи.

— Ты откуда едешь? — спросила она, ставя мальчика на траву.

— У-ух, как далеко я был! — сказал Бэникэ. — Я много проехал и очень устал. А куда я попал?

— Это птичник. Бабушка Параскива знает, что ты уехал на корыте?

— Да я ведь не собирался ехать. Меня река утащила.

— Ладно, — сказала девушка. — Я сама тебя домой отведу.

— А ты не сможешь. Ты ведь не знаешь, где мы живем. И я тоже не знаю, — заключил он и застыл, потому что из кукурузы вышел баран.

Баран был точь-в-точь как тот, что был в окне мельницы, и шел он, опустив голову, окруженный целым стадом овец.

— Испугался? — спросила девушка. — А ты с ним поговори, так — спокойно, и он тебе ничего не сделает.

— Да ведь он не понимает, — сказал мальчик. — Как же с ним говорить, если он не человек?

— А ты попробуй, — настаивала девушка. — Послушай, баран, — обратилась она к барану. — Бэникэ хочет поиграть с твоими овечками, можно?

Баран остановился, прочно упершись ногами в землю. Мальчик криво усмехнулся.

— Возьми его за рога, — подталкивала Бэникэ девушка. — Он ведь думает, что ты хочешь своровать его овечек.

— Я не буду их воровать, баран, — сказал мальчик. — Только наш кот ворует. В воскресенье бабушка Параскива зарезала курицу и отложила для меня шею и печенку, а кот их сожрал. Но я его не бил. Я только обул его в скорлупу от орехов. Знаешь, — продолжал он, все больше смелея, — ты мне нравишься, правда. Хочешь, я подарю тебе колокольчик от моих санок? Он желтый, с тоненьким язычком, а на конце язычка — свинцовая горошина. Завтра принесу тебе. А может, ты сам за ним придешь?

Баран опустил голову в знак глубокой благодарности и молча удалился. Бэникэ подождал, пока тот отойдет подальше, потом оторвал три завязки от фартука девушки, который она забыла под акацией, и принялся плести из них кнут...

Под вечер девушка отправилась с Бэникэ в деревню. Устав от необычайного путешествия, мальчик заснул, и снилось ему, будто он мчится в пролетке, запряженной четырьмя зайцами.

Перевела с румынского
Татьяна ИВАНОВА.



Я НАУЧИЛСЯ ВОДИТЬ ТРАКТОР

Я отдыхал на Дальнем Востоке у бабушки. Все лето ездил я с дядей Гришей на его работу и видел, как осушают болота и корчуют лес. Жили мы на стане среди лесов и болот. Мы с дядей Гришей работали на корчевателе. Я научился водить трактор. Трактор полз, собирая все свои силы, чтобы справиться с большущими деревьями, которые повалили раньше. Была это трудная работа: толстые корни и коряги выворачивались из-под рогов трактора и, казалось, грозили выдавить радиатор и лобовые стекла. Но трактор не сдавался. Он с ревом налетал на них, и они поддавались...

Тучи мошкары облепили лицо, солнце беспощадно печет. Все раскалено. В кабине нечем дышать от пыли. Но все же побеждали мы.

Потом мы выливаем на кучу только что собранных коряг ведро солярки и поджигаем все. Куча тут же вспыхивает ярким пламенем, и ветер подхватывает клубы черного дыма.

Как-то утром на одном из участков из-под заросшего мхом пня мы выгнали лисят. Они были совсем маленькие, но очень ловко убежали от нас.

В выходной день мы с дядей Гришей ездили на огород, окучивали картошку. Рабочие ездят на огород все вместе, на машине. И это очень здорово. Я и дядя Гриша окучили картошку быстрее всех и стали разжигать костер. Когда мы возвращались домой, выехали уже на шоссе, я вспомнил, что забыл на огороде майку. Все согласились меня ждать. Я очень торопился, но все-таки, когда возвращался, успел разглядеть в карьере, затопленном водой, ондатру. Она плавала. Я раньше ее не видел.

Мне понравилось жить на стане и очень жаль, что лето кончается.

Саша **МАРУХИН**,
г. Киев

НАШИ НОВЫЕ ДРУЗЬЯ

Дорогой «Пионер»!

После того, как ты поместил мое письмо в журнале, я получила очень много писем (около 500) из разных городов нашей страны. Некоторые письма очень интересные: девочки пишут о своих школах, о своих городах и деревнях, о своих друзьях, о том, как они проводят время, что вяжут. Все благодарят меня за узор для ажурной кофточки, присылают мне образцы новых вязок. Я стараюсь всем ответить.

Меня даже пригласили в гости в Москву и в Одессу, и я очень благодарна за приглашение. С Ирой Барышниковой, я думаю, мы обязательно встретимся. Она живет в Волгограде, а я каждое лето езжу туда к бабушке.

Письма до сих пор приходят ко мне. Я получаю их каждый день, и, когда два дня подряд их не было, я даже скучала.

Огромное спасибо тебе, «Пионер», что ты помог мне найти так много друзей!

Ира **КАЛАШНИКОВА**,
г. Никополь

Здравствуй, экспедиция «Здравствуй»!

Спасибо, что напечатала наше донесение и подру-



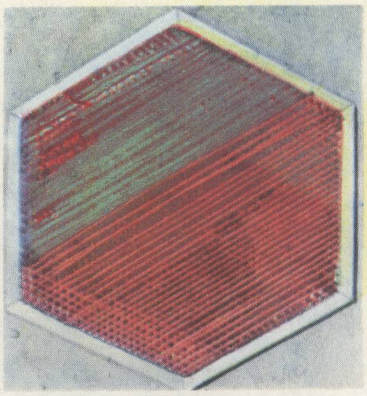


Перед вами один из уголков музея, где все экспонаты сделаны ребятами.

жила нас с ребятами, которых мы раньше не знали. Ребята просят нас поподробнее написать им, как сшить шерстяные тапочки — читы, как самим выткать ковер, сплести корзину-бокал, сделать керамическую посуду. Мы им отвечаем. А они рассказывают нам о себе, о том, чем они увлекаются, и о том, что умеют.

Из писем наших новых друзей мы знаем, что ребятам понравилась наша затея с «живым» краеведческим музеем. Они тоже хотят пойти по родному краю, поучиться мастерству народных умельцев, а потом на большом краеведческом слете показать друг другу все, чему научились. Мы очень хотим, чтобы все эти слеты удались ребятам, и стараемся помочь им советом.

Юные краеведы Грузии









Читы, которые так заинтересовали многих наших читателей. Их умеют вязать почти все грузинские ребята.

У девочек из грузинского села Гамбори, которые готовят шерсть для пряжи, золотые руки. На небольшом ткацком станке (смотри верхнее фото) они выткали вот эту красивую ковровую попону.

МЫ НАЗВАЛИ ЕГО ГОЛУБЫМ

Уже два года наш туристский клуб «Жаворонок» занимается археологической разведкой в пойме речки Алтаты.

По берегу речки Алтаты до нас еще не ступала нога археолога. И мы внимательно осматривали берег. Ой, как много мы прошли в тот день и как мы устали! Перебрались на другую сторону реки и стали возвращаться, а берег все продолжали осматривать. И вдруг... видим: как будто льдинки рассыпаны по земле и блестят. Стали собирать их, рассматривать, и куда девалась усталость! Это были кварцитовые отщепы. Потом мы нашли маленькие скребочки, обломки каменных ножей, даже два наконечника стрел.

Некоторые скребки затупились, видно, что ими когда-то, очень давно, пользовались люди. Мы начали исследовать все вокруг...

А когда потом показали свои находки археологам, оказалось, что мы обнаружили место первой на Алтате неолитической стоянки. Здесь жили люди около пяти тысяч лет назад.

Но это еще не все. Мы нашли следы еще одного селища бронзового века. На этом месте густо разрослись голубые цветы синеголовника. И мы назвали его Голубым.

Люся РОГОЖИНА,
Саратовская обл.
Дергачевская восьмилетняя школа № 6.



Журавли

Кружится листва золотая,
И где-то в туманной дали,
Родные края покидая,
Печально кричат журавли.

И тонкою веткой махая,
Как будто девчонка рукой,
Береза, их вдаль провожая,
Шумит золотою листвой.

Олег ДЕМЧЕНКО, 15 лет,
г. Георгиевск
Краснодарского края.

Тишина

Дремучий лес стоит безмолвно,
Деревья старые молчат.
Лишь иногда сухие листья
Под быстрым зайцем прошуршат.

Светлана ЛЫСЕНКО

Колокольчик

Колокольчик, колокольчик,
Почему ты не звенишь?
Почему ты, молчаливый,
У дороженьки стоишь?
Почему ты у дорожки,
Как когда-то, не звенишь?
А стоишь ты, молчаливый,
И куда-то вдаль глядишь?

Наташа МАРНОПОЛЬСКАЯ,
11 лет,
г. Шоста Сумской области.

*

В конце прошлого года редакция газеты «Пионерская правда» обратилась с просьбой к ребятам, живущим в разных странах, принять участие во Втором Международном конкурсе детских рисунков «Я ВИЖУ МИР». Теперь конкурс закончен. В нем участвовали ребята сорока семи стран. Лучшие из ста двадцати тысяч присланных работ будут представлены на выставке детских рисунков, которая откроется в декабре 1969 года. А пока корреспондент «Кораблика» побывал на Сущевской улице в Москве, где находится редакция газеты, и выбрал вот эти три интересные рисунка.



Коля БАРАНОВ,
10 лет, Моздок.
ЧАБАНЫ.



Никол УАЙТХАУЗ,
13 лет. Великобритания.
ОХОТНИЧЬЯ СЦЕНКА В АНГЛИИ.

Эти фантастические рассказы написал **Георгий ЛАВРОВ.** Ему 12 лет. Он живет в Москве.

Контакт

И вот наступил столь долгожданный для человечества миг. Сначала на небе появилась чуть заметная точка. На нее были устремлены антенны всех станций слежения. Она все росла и росла и наконец превратилась в космический корабль, который с диким свистом сел на небольшое поле.

Из корабля через некоторое время выбрались несколько существ. По земным меркам они были уродливы. Плоские хвосты, множество бородавок и противная зеленая морда. Почувствовав людей, они сбились в кучу и завертели глазами. Тут же был включен Саморегулирующийся Телеметрический Рецептор для Анализа Х-опасности, кратко именуемый «Страхомером». Определив, что опасности нет, к инопланетянам торжественно приблизилась делегация ученых. Пришельцы странно застыли.

Земные ученые действовали быстро и слаженно. Перед загадочными существами установили «КК» — Конденсатор контактов. Он ежеминутно посылал инопланетянам огромное количество сигналов по всем известным людям каналам общения. Как ни странно, гости не реагировали. Решили настроить «КК» на прием и постараться понять, как эти существа между собой общаются. Но, кроме нечленораздельного верещания на самой низкой интеллектуальной волне, ученые ничего не услышали. Земляне ждали. Территория, где сел корабль, была огорожена. На нее никого не пускали, кроме избранных ученых.

Боб, Томм и Ук подошли ко входу в огороженную для пришельцев зону и попросили их пропустить к папе: у них срочное поручение от мамы. А их отец был начальником группы по установлению контактов. Ребят пропустили. На самом деле им просто хотелось посмотреть на инопланетян. Хитрым мальчишкам удалось проникнуть к кораблю. Инопланетяне, видимо, сидели внутри, занимаясь там чем-то. Ничего особенного не происходило, ребята, чтобы сократить ожидание, затеяли поиграть

в салочки. И вдруг из люка стали выскакивать интересные зеленые существа...

Через полчаса начальник группы по установлению контакта, оказавшись поблизости, был потрясен совершенно невероятным зрелищем. Боб, Тотм и Ук с восторженным визгом носились по полю, то увертываясь от зеленых страшилищ, то гоняясь за ними. При этом ребячий визг был почти не отличим от верещания инопланетян.

— Папочка! — закричали они, бросаясь к профессору.— Их зовут Мукаке, Рупаке, Лупике и Черике. Они хотели покататься и заблудились. Они теперь просятся к маме!

Профессор немного постоял, потом побрел к Академическому поселку. «Господи,— думал он уныло,— как же этих зеленых уродцев отправить обратно?!..»

Петля времени

Он последний раз вдохнул земной воздух и шагнул в кабину звездолета. Всем им не хотелось умирать.

Увы, сделать ничего нельзя. Время не покорено людьми. Играть с ним не рекомендуется. А оно может играть со всеми. Сыграло оно злую шутку и с ними.

Пятьдесят лет назад была найдена ракета с шестью мертвыми космонавтами на борту. О времени тогда знали еще мало, и поэтому был страшный переполох, когда выяснилось, что ракета та вылетела с Земли в будущем, через несколько десятилетий после того, как ее нашли. Космонавты, которые в ней погибли, еще даже не родились.

В информарии ракеты, кроме сведений о далекой планете из системы Близнецов, были обнаружены удивительные формулы — формулы синтеза живых клеток. Формулы стали применять, они сохранили жизнь сотням и тысячам людей... Но вот наиболее дальновидные люди стали задумываться: раз ракета была, то когда-то ее придется посылать в космос. Вести ее должны те самые погибшие в петле времени космонавты, и проделать она должна тот самый путь, до мелочей повторяющий путь погибшей ракеты, выброшенной в прошлое.

И где-то в пути люди должны найти те формулы, потом попасть в петлю времени и умереть во имя того, чтобы действительность не изменилась. Ведь трудно даже представить себе, что произойдет, если отнять у человечества живительные формулы и этим убить сотни тысяч спасенных людей и уничтожить все следы их деятельности в мире.

Имена погибших космонавтов до поры до времени хранились в тайне. Но вот они родились и выросли, и им исполнилось по восемнадцать лет. Тогда человечество им сказало: вы должны спасти других людей.

Всю свою недлинную жизнь они старались прожить полно, не теряя ни минуты, ни даже секунды...

Капитан последний раз вдохнул земной воздух и шагнул в кабину звездолета. За ним вошли остальные.

Люда **МОНАХОВА**, 11 лет, Ленинград.
АРТИСТ ЦИРКА.



Черное море

Как ты изменчиво,
Море Черное!
Плещешь днем тихо
Зелеными волнами!
Тянется к вечеру
Рябь серебристая.
Утром ты синее,
Чистое-чистое!
В шторм сине-белое
И непокорное.
Только лишь ночью
Действительно черное.

Светлана **ВОЕВОДСКАЯ**, 12 лет.
г. Каган.

Помните, в седьмом номере был напечатан рассказ «Кавказ» под таинственными инициалами Д. Ю.? Теперь инкогнито раскрыто. Автор рассказа — Юра Дерябин, восьмиклассник из Куйбышева. Он прислал в редакцию письмо, в котором рассказал о себе.

ОСЕННЯЯ СКАЗКА

Сергей КОЗЛОВ

С каждым днем все позднее светало, и лес стал таким прозрачным, что казалось: обшарь его вдоль и поперек — не найдешь ни одного листика.

— Скоро и наша береза облетит, — сказал Медвежонок. И показал лапой на одинокую березу, стоящую посреди поляны.

— Облетит... — согласился Ежик.

— Подуют ветры, — продолжал Медвежонок, — и она так вся и затрясется, а я буду во сне слышать, как падают с нее последние листья. А утром проснусь, выйду на крыльцо, а она голая!

— Голая... — согласился Ежик.

Они сидели на крылечке медвежачьего домика и смотрели на одинокую березу посреди поляны.

— Вот если бы на мне весной вырастали листья! — сказал Ежик. — Я бы осенью сидел у печки, и они бы ни за что не облетели.

— А какие бы ты хотел листья? — спросил Медвежонок. — Березовые или ясеневые?

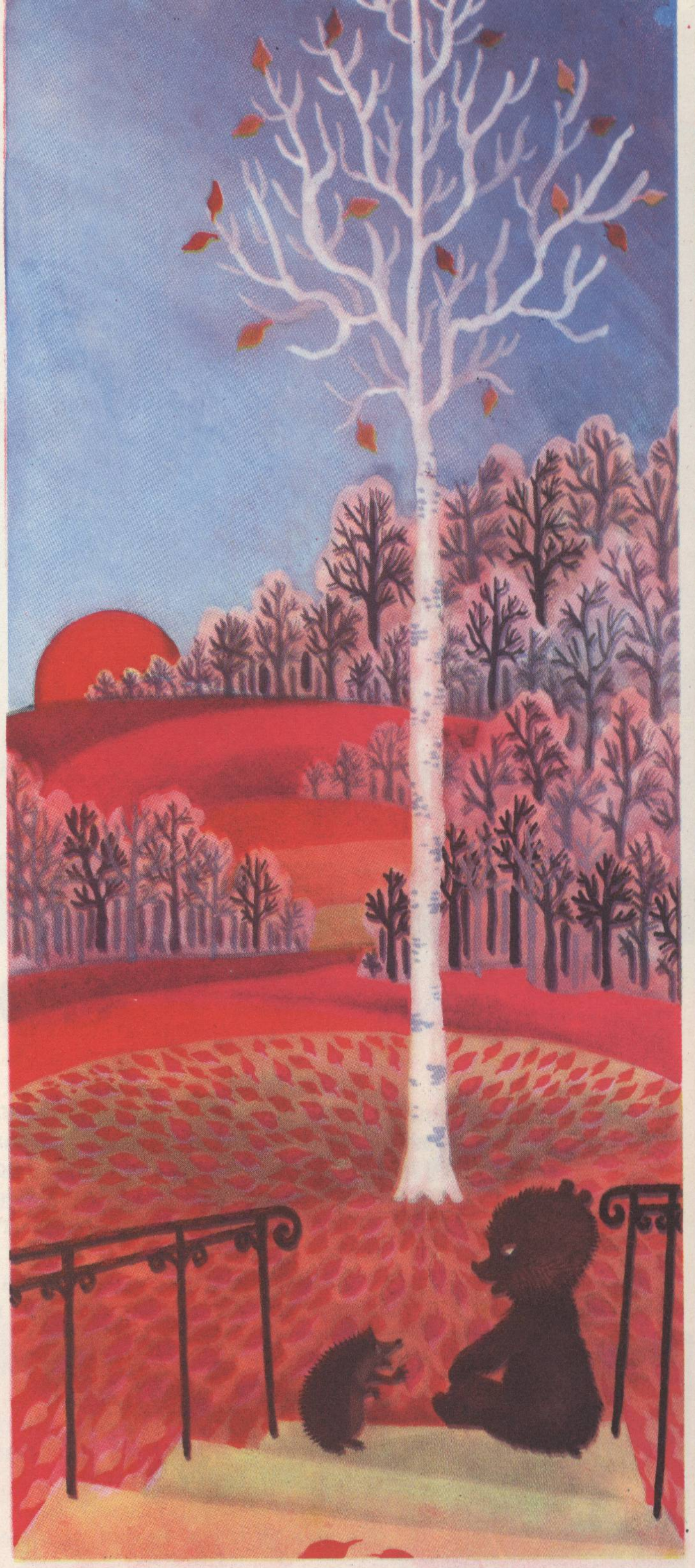
— Как у клена! Тогда бы я осенью был рыжий-рыжий, и ты бы меня принял за Маленького Лисенка. Ты бы мне сказал: «Маленький Лисенок, как поживает твоя мама?» А я бы сказал: «Мою маму убили охотники, а я теперь живу у Ежика. Приходи к нам в гости!» И ты бы пришел. «А где же Ежик?» — спросил бы ты. А потом наконец догадался, и мы бы долго-долго смеялись, до самой весны...

— Нет, — сказал Медвежонок. — Лучше, если бы я не догадался, а спросил: «А что, Ежик пошел за водой?» «Нет!» — сказал бы ты. «За дровами?» «Нет!» — сказал бы ты. «Может, он пошел к Медвежонку в гости?» И тут бы ты кивнул головой. А я бы пожелал тебе спокойной ночи и побежал к себе, потому что ты ведь не знаешь, где я теперь прячу ключ, и тебе пришлось бы сидеть на крыльце.

— Но я же ведь остался бы у себя дома! — сказал Ежик.

— Ну так что ж! — сказал Медвежонок. — Ты бы сидел у себя дома и думал: «Интересно, это Медвежонок притворяется или по-настоящему не узнал меня?» А я бы пока сбегал домой, взял маленькую баночку меда, вернулся к тебе и спросил: «А что, Ежик еще не возвращался?» А ты бы сказал...

— А я бы сказал, что я и есть Ежик! — сказал Ежик.



Рисунки И. ГАЛАНИНА.

— Нет, — сказал Медвежонок. — Лучше бы ты ничего такого не говорил. А сказал так...

Тут Медвежонок запнулся, потому что с березы посреди поляны вдруг сорвалось сразу три листика. Они немного покружились в воздухе, а потом мягко спустились в порыжевшую траву.

— Нет, лучше бы ты ничего не говорил, — повторил Медвежонок. — А мы бы

просто попили с тобой чаю и легли спать. И тогда бы я во сне обо всем этом догадался.

— А почему во сне?

— Самые лучшие мысли ко мне приходят во сне, — сказал Медвежонок. — Вон видишь: на березе осталось двенадцать листиков. Они уже никогда не упадут. Потому что вчера ночью я во сне догадался, что сегодня утром их надо пришить к веточке.

— И пришил? — спросил Ежик.

— Конечно, — сказал Медвежонок. — Той самой иголкой, которую ты мне подарил в прошлом году.



КАК ОСЛИКУ ПРИСНИЛСЯ СТРАШНЫЙ СОН

СКАЗКА

Дул осенний ветер. Звезды низко кружились в небе, а одна холодная, синяя звезда зацепилась за сосну и остановилась прямо против домика Ослика.

Ослик сидел за столом, положив голову на копытца, и смотрел в окно.

«Какая колючая звезда!» — подумал он. И уснул. И тут же звезда спустилась прямо к его окошку и сказала:

— Какой глупый ослик! Такой серый, а клыков нет.

— А зачем они мне? — спросил Ослик.

— Если у тебя будут клыки, — сказала звезда, — тебя все станут бояться.

И тут она быстро-быстро замигала, и у Ослика за одной и другой щекой выросло по клыку.

«И когтей нет», — вздохнула звезда. И сделала ему когти.

Потом Ослик очутился на улице и увидел зайца.

— Здр-р-равствуй, Хвостик! — крикнул он. Но косой помчался со всех ног и скрылся за деревьями.

«Чего это он меня испугался?» — подумал Ослик. И решил пойти в гости к Медвежонку.

— Тук-тук-тук! — негромко постучал Ослик в окошко.

— Кто там? — спросил Медвежонок.

— Это я, Ослик.

И сам удивился своему голосу.

Медвежонок открыл дверь, попятился и мигом скрылся за печкой.

«Чего это он?» — снова подумал Ослик. Вошел в дом и сел на табуретку.

— Чего тебе надо? — испуганным голосом спросил из-за печки Медвежонок.

— Чайку пр-ришел попить, — прохрипел Ослик.

«Странный голос, однако, у меня», — подумал он.

— Чаю нет! — крикнул Медвежонок, оставаясь за печкой. — Самовар прохудился!

— Как пр-р-рохудился? — проворчал Ослик. — Я тебе только на той неделе подаррил новый самовар-р-р!

— Ничего ты не дарил! Это Ослик подарил мне самовар!

— А я кто же? — удивился Ослик.

— Ты волк.

— Что ты! Я люблю тр-р-равку!

— Это давно ты любишь травку? — поинтересовался Медвежонок, выглядывая из-за печки.

— Не волк я! — сказал Ослик. И вдруг нечаянно лязгнул зубами.

Он схватился за голову и... не нашел своих длинных пушистых ушей. Вместо них торчали какие-то жесткие, короткие уши...



Он посмотрел на пол — и обомлел: с табуретки свешивались когтистые волчьи лапы...

— Не волк я! — повторил Ослик и щелкнул зубами.

— Рассказывай! — сказал Медвежонок, вылезая из-за печки. В лапах у него было полено, а на голове — горшок из-под топленого масла.

«Что это ты надумал?!» — хотел крикнуть Ослик, но только хрипло зарычал:

— Рррр!!!

Медвежонок стукнул его поленом.

— Будешь притворяться моим другом Осликом? — кричал он. — Будешь?!

— Честное слово, я не волк, — бормотал Ослик. — Я люблю травку!

— Что? Травку?! Таких волков не бывает! — крикнул Медвежонок и выхватил из печки горящую головню.

Тут Ослик проснулся...

Кто-то стучал в дверь, да так сильно, что прыгал крючок.

— Кто там? — тоненько спросил Ослик.

— Это я! — крикнул из-за двери Медвежонок. — Ты что там, спишь?

— Да, — сказал Ослик, отпирая. — Я смотрел сон.

— Ну? — сказал Медвежонок, усаживаясь на табуретке. — Интересный?

— Страшный! Я был волком, а ты меня лупил кочергой...

— Да ты бы мне сказал, что ты Ослик!

— Да я говорил, — вздохнул Ослик, — а ты все равно не верил. Я говорил, что если я даже кажусь тебе волком, то все равно я люблю щипать травку!

— Ну и что?

— Не поверил...

— В следующий раз, — сказал Медвежонок, — ты мне скажи во сне: «Медвежонок, а по-омнишь, мы с тобой говорили?..» И я тебе поверю.



С. САХАРНОВ
Рисунки Б. КЫШТЫМОВА и Э. БЕНЬЯМИНСОНА.

ВЫПУСК ЧЕТВЕРТЫЙ

Морские разбойники

Когда делали Морскую энциклопедию, возник спор: помещать или не помещать туда пиратов?

Спорили все: автор, художники, редактор.

— Пираты — уродливое явление. Они грабили пассажиров и убивали моряков,— говорили одни.

— Но именно пираты Дрейк, Кевендиш и Ноорт были первыми кругосветными мореплавателями после Магеллана. Они описали много морей и составили много карт,— возражали другие.

— Пираты сжигали прибрежные города!

— У русского царя Ивана Грозного тоже были пираты. Свои, государственные. Они защищали северные моря от нашествия иноземных купцов. Пираты грабили их, но купцы были еще большими грабителями: они скупали за бесценок у местных жителей пушнину.

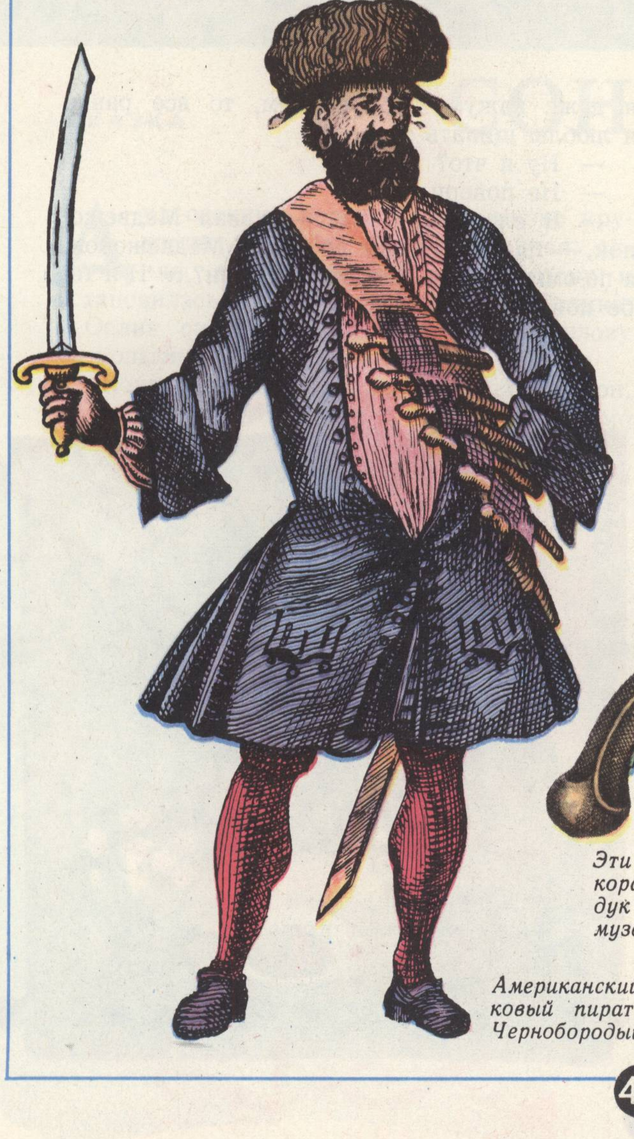
— Пираты были людьми без чести и жалости. Хорошо, что в наши дни их уже нет.

— Как нет?

Мадам Вонг

Тысячи маленьких судов снуют ежедневно в теплых водах Гонконга. Тут и рыбаки, и торговцы, и просто люди, переезжающие с острова на остров. Но уже много лет пассажиры не чувствуют себя в безопасности в самую тихую погоду. Вооруженные ограбления тут обычное дело. Осмелевшие пираты однажды даже остановили и разграбили большой английский пароход. У пиратов свой флот — быстроходные катера с пулеметами, своя разведка и хорошие отношения с полицией.

Недавно газеты всего мира поместили статьи о гонконгских пиратах. Они назвали и их старейшину. Это... некая мадам Вонг, которая унаследовала «предприятие» от покойного мужа. Деньги вложены — не пропадать же делу! Пока власти Гонконга собираются начать борьбу с морскими налетчиками, предприятие мадам Вонг процветает.



Американский средневековый пират по кличке Чернобородый.



Эти вещи с пиратского корабля — пистолет, сундук — хранятся сейчас в музее.

У берегов Калифорнии



Черный флаг над таким кораблем назывался «Веселый Роджерс».

Пассажиры богатой яхты, которая совершала увеселительный рейс вдоль берега, с восторгом встретили приближение парусника под черным пиратским флагом. На палубе парусника толпились люди, одетые в средневековые костюмы и вооруженные до зубов, стояли прожекторы и киноаппараты. Операторы, закрывая от солнца глаза зелеными козырьками, готовились к съемке.

— Дети, идите наверх, снимают фильм! — крикнул кто-то из пассажиров.

Он охнул и закрыл лицо руками — над мачтами просвистели пули. Парусник врезался в борт яхты. На ее палубу уже прыгали люди в масках...

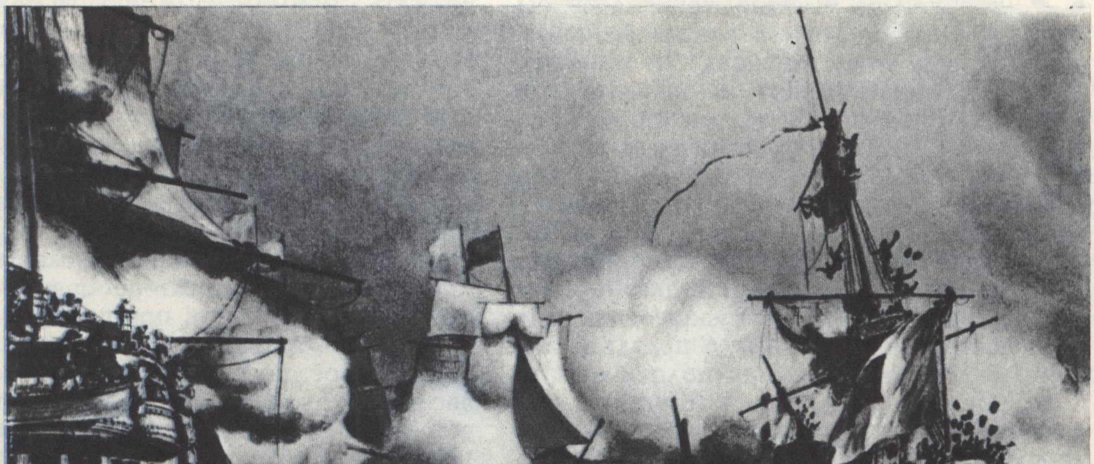
Так, инсценируя киносъемки, начали ограбление яхт предприимчивые американские гангстеры. Благо оружие в Америке продается кому угодно.

Только после длительных поисков и погони боевые корабли и вертолеты смогли задержать преступников.

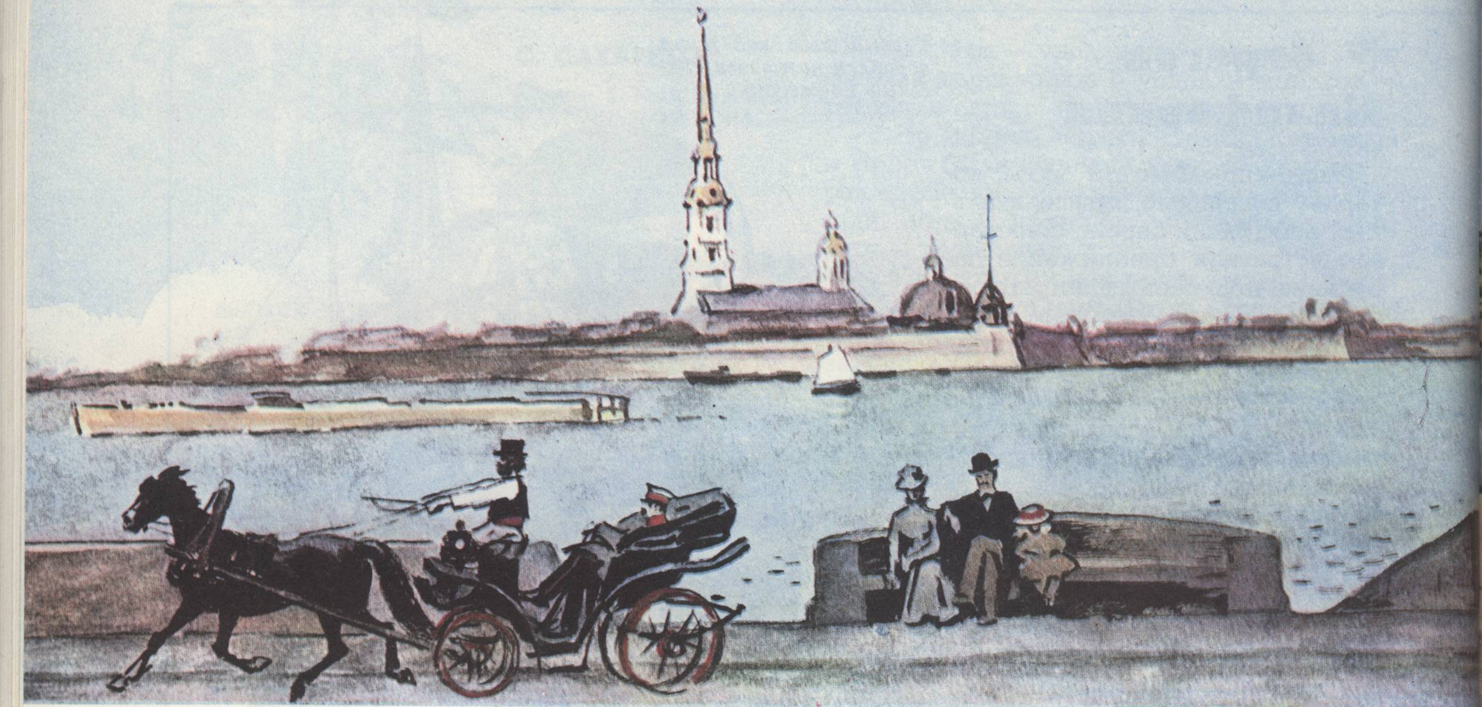
У берегов Вьетнама

Вьетнам и Гонконг — соседи. Но если у островов Гонконга трещат пулеметные очереди мадам Вонг, у берегов Вьетнама — гул орудийных залпов. Боевые корабли американского флота (среди них, может быть, есть и те, что вылавливали мнимых калифорнийских киношников) расстреливают деревушки рыбаков и топят их суда.

Эти корабли тоже пираты.



Вот так происходил бой между пиратами и торговыми судами, которые везли сокровища в Европу.



Мария
ПРИЛЕЖАЕВА

ЖИЗНЬ

Отец

Зимние каникулы подходили к концу. Скоро Ане возвращаться в Петербург, на Высшие женские курсы. Аня приехала домой на каникулы, а Саша нет. Саша писал реферат, был занят по горло в биологическом и литературном кружках. Да и ехать вдвоем получалось накладно. В Симбирск железная дорога не шла, ехать надо до Сызрани, от Сызрани на лошадях верст полтораста. Путешествие слишком дорого стоило.

Соскучившись о доме, Аня радовалась каждой мелочи Фикусам и олеандрам в столовой и зале — мама чудесно выхаживала цветы! От цветов было празднично в доме. Радовалась пестрым половичкам на полу. Милому роялю, на котором теперь, кроме мамы, с большим искусством играла сестра Оля. Белому снегу за окнами, белому саду.

Все каникулы Володя не отходил от сестры.

— Поговорим? — звал Володя, когда смеркалось. Они устраивались в зале, в уголке на диване, не зажигали огня. Иногда подсаживалась к ним Оля и тоже слушала Анютины рассказы о Петербурге, студентах, студенческих землячествах и сходках.

«Когда же, когда же и мы наконец поедем учиться в Петербург?» — мечтали Володя и Оля.

В этот день, 12 января 1886 года, как обычно, посумерничали в зале. Скоро Ане уезжать. Чемодан уложен. Совсем скоро в дорогу! И жалко расставаться с домом и тянет к оживленной питерской жизни.

— Дети, пить чай! — кликнула мама.

Молодежь поднялась идти в столовую. Мимо папиного кабинета—по детской привычке на цыпочках.

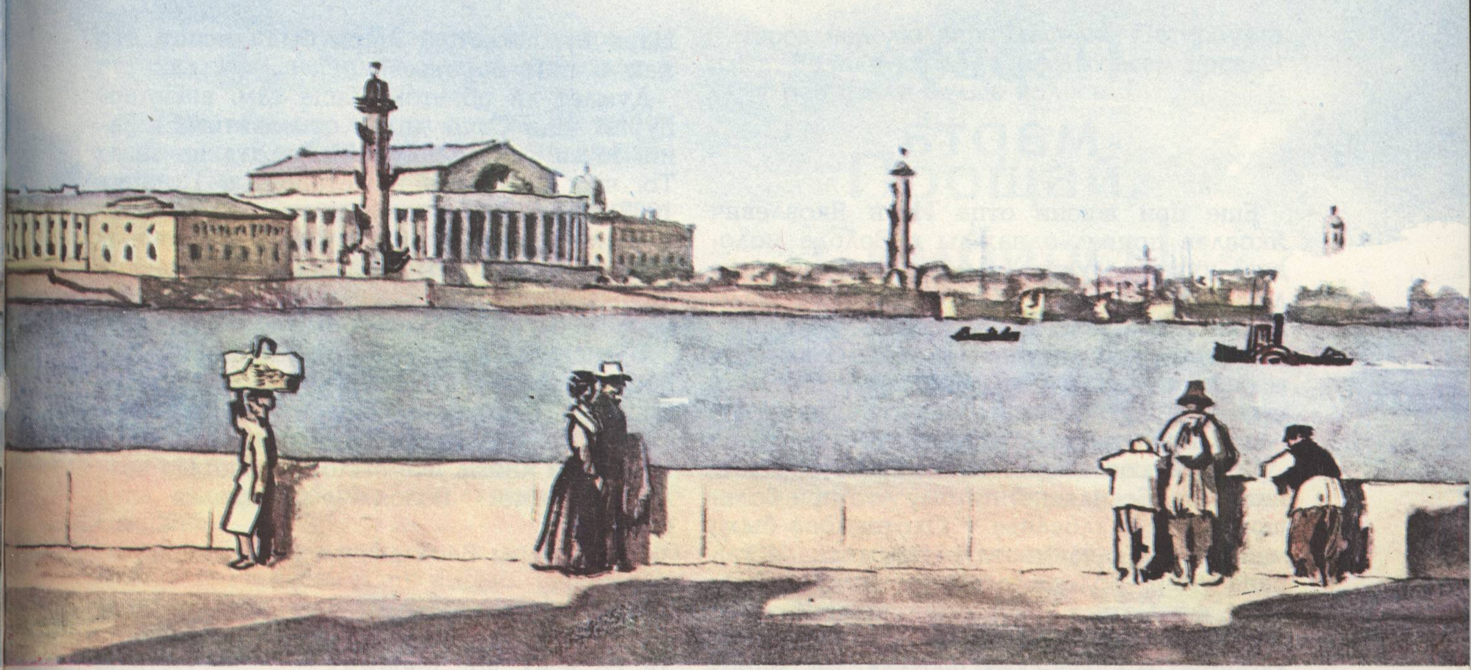
Отец очень был занят. Составлялся годовой отчет о работе школ. Илья Николаевич с утра до ночи писал. Целые дни к нему приходили инспектора и учителя обсуждать выполнение программ и успехи учащихся. Отчет директора народных училищ все рос, не видно было конца. И сейчас из папиного кабинета вышел могучий, широкоплечий Иван Яковлевич Яковлев.

— Илья Николаевич! Хоть часок отдохните, совсем ведь заработались! — сказал на прощание Иван Яковлевич.— Что это, право, не разогнете спины!

— Вот уж закончу отчет, тогда уж... кхэ, кхэ...— устало покашлял отец.

Иван Яковлевич покачал головой, уходя.

В раскрытую дверь Володя увидел ссутулившуюся папину спину. Он сидел у сто-



ЛЕНИНА

ПОВЕСТЬ

Продолжение

Рисунки О. ВЕРЕЙСКОГО.

ла, подперев висок кулаком. «Пощады папа себе не дает»,— подумал Володя.

Но в столовой так было тепло и уютно, кипел и тоненько посвистывал на подносе самовар, тревожные мысли рассеялись, на душе снова стало светло. Опять они заговорили с Аней о Володиной будущей студенческой жизни. И о том, что Саша, наверно, будет ученым, у Саши способности и все задатки ученого. А из Оли, может быть, выйдет музыкантша: такие прекрасные успехи делает она на рояле, великолепная музыкантша выйдет из Оли при ее-то труде и упорстве! Мама отнесла папе в кабинет стакан крепкого чаю и вязала у самовара, слушая разговоры детей. Немного спустя появился из кабинета отец, остановился у порога. Обвел всех долгим, пристальным взглядом. Молча ушел.

«Папа не такой, как всегда»,— кольнуло Володю.

Мама беспокойно сдвинула брови, но продолжала вязать. Разговоры продолжались. Мирно тикал маятник стенных деревянных часов.

— Пойду проведаю папу,— внезапно решила Мария Александровна. Отложила вязанье и торопливо пошла в кабинет.

— Дети! Аня, Володя! — послышался ее отчаянный крик. Они прибежали.

Отец лежал на диване, съежившись, с потухающим взором. Жестокий озноб бил его, тело содрогалось. Мама, упав на колени, кутала пледом ноги отца, стараясь согреть.

Побежали за доктором. Захлопали двери. Слышался чей-то плач, испуганный шепот. Отец лежал без сознания. Дети, потрясенные, стояли над ним.

Через час у детей не стало отца.

Гроб поставили в зале. Три дня мама не отходила от гроба. Не ела и не спала. Стояла безмолвная. Девочки плакали. Володю душили слезы. Он крепился. Только иногда убегал в свою крохотную комнатку на антресолях. «Папа, добрый, дорогой! Неужели тебя нет? Как нам быть без тебя?»

Множество людей приходило проститься с Ильей Николаевичем. Приходили учителя, ученики и друзья.

Володя знал, отец делает важную и полезную для народа работу, но только теперь понял, как много доброго сделал отец для людей!

Хоронили Илью Николаевича в морозный блистающий день. Пушистые от инея, недвижно стыли деревья. Красные снегири беспечными стайками перелетали с ветки на ветку. Ветки качались, осыпая серебристые струи. Люди несли гроб Ильи Николаевича. Впереди на руках учеников Ильи Николаевича плыли венки.

«Отец, прощай! — горько думал Володя.— Спасибо тебе».

Первое марта

Еще при жизни отца Иван Яковлевич Яковлев привел однажды к Володе молодого чуваша—учителя из чувашской школы Охотникова. У Охотникова не было полного среднего образования.

— Надо его подучить за восемь классов гимназии,— сказал Яковлев.— Потом в университет поступит. Очень нужны чувашскому народу просвещенные люди!

Володя согласился заниматься с Охотниковым. Бесплатно, потому что при большой семье жалованье у Охотникова было маленькое, едва хватало прожить. Когда папа умер, Володя особенно старательно стал заниматься с Охотниковым. Как бы в память отца. Отец ведь так заботливо хлопотал о чувашских школах, так много помогал!

— Большой человек. Жил для пользы народа,— вспоминал Охотников Илью Николаевича.

Все чаще Володя задумывался: как жить для пользы народа? Вот он учит крестьянского сына Охотникова для пользы народа. А еще? Еще Володя уже в последнем классе гимназии начал понимать, что настоящие защитники народа — революционеры. Но Володя не знал точно, как заниматься революционной борьбой. Он не любил гимназические суровые и злые порядки. Не верил в бога, сорвал с себя крест. Он много думал о том, как несправедливо устроено общество: богатые бездельничают, бедные не покладая рук трудятся, а все равно бедны. Разве справедливо? Он не любил царя. В гимназическом зале висел огромный, от пола до потолка, портрет царя Александра III. У царя было тяжелое лицо. Глаза пустые и тусклые. Царь был жесток. Царь был деспот. Но как с ним бороться?

Думает ли об этом Саша там, в Петербурге? Или Саша далек от политики и занимается только наукой? Володя не знал. То, что случилось в Петербурге 1 марта 1887 года, для Володи, для мамы, даже для Ани, которая с Сашей дружила, постоянно в Петербурге с ним виделась,— то, что случилось, было для всех как гром среди ясного неба.

В восьмом классе шел последний урок. Восьмиклассники слушали объяснения учителя. Прозвенел звонок. Учитель вышел из класса. Восьмиклассники собирали тетради и книги. Все было обычно. Но возле гимназии Володю дожидался посыльный.

— От Веры Васильевны. Велела прийти, да живее!

Вера Васильевна Кашкадамова была учительницей, давним другом отца. Володя со всех ног побежал.

Вера Васильевна, бледная, с дрожащими губами, протянула письмо. Писали из Петербурга. 1 марта группа студентов покушалась на жизнь царя Александра III. Покушение не удалось. Студенты все арестованы. Среди них Александр Ульянов.

Долго не мог Володя выговорить слова, прочитавши письмо. Саша! Брат. Тонкий, высокий, с большими задумчивыми глазами, талантливый, умный наш Саша! Что с тобой будет?

Надо подготовить маму.

Как ей сказать, что Саша арестован? И Аня арестована.

Прошло немного больше года после смерти отца. Мама еще носила траур по папе. Не заплакала, не забилась от горя, только сразу осунулась. В черном платье, такая серьезная, скорбная, что у Володи больно заныла душа, мама распорядилась, что делать по дому, как жить. А сама сегодня же собралась в Петербург. Скорее



Множество людей приходило проститься с Ильей Николаевичем.

найдите лошадь до Сызрани! Найдите попутчика. Из Симбирска ведь часто ездят в Сызрань.

Володя обходил дом за домом, где собирались ехать в Сызрань: «Возьмите, пожалуйста, маму!»

Но весть о покушении Саши на царя и аресте облетела уже весь Симбирск. Никто не хотел брать Марию Александровну. «Нет у нас лишнего места в санях. Нет и нет». И отводили глаза. Володин ученик Охотников вместе с ним обошел домов, наверное, десять. «Пожалейте мать». Нет, не пожалел никто.

Охотников побежал к земляку-чувашу, упросил. Чуваш помнил Илью Николаевича, повез Марию Александровну в Сызрань.

Володя остался старшим в доме. Самой младшей, Маняше, всего восемь лет.

— Поиграй со мной, Володя,— просила Маняша.— Отчего ты совсем не смеешься, Володя?

Володя заставлял себя играть с маленькой сестренкой, а улыбнуться не мог. «Саша! Дорогой мой брат Саша, что с тобой сделают?»

Наступил май. В гимназиях начались экзамены. Володя и Оля держали экзамены. Молчаливые, окаменелые приходили в актовые залы. Ждали вызова. Учителя поражались ответам: брат и сестра отвечали блестяще. Отвечали блестяще... А в газете «Симбирские губернские ведомости» было уже напечатано, что сын директора народных училищ Александр Ульянов...

Четвертый раз в эту последнюю гимназическую весну Володя шел на экзамен. Весенний птичий гомон полнил симбирские улицы. Зеленела трава. Где-то за забором горланил петух. И так хороша была вокруг жизнь, душист и свеж воздух, прекрасно синее небо!

Возле фонарного столба увидел людей. Какая-то бумажка приклеена была на столбе. Люди читали. Вон папин знакомый чиновник. Заметил Володю, отвернулся и поспешно зашагал прочь от столба. Соседка тоже отвернулась. Люди разошлись. Володя медленно подошел. Прочитал объявление. Потемнело в глазах. Пять студентов, покушавшихся на жизнь царя Александра III, восьмого мая были казнены. Сашу казнили.

Мало газеты — по всему городу висели объявления о казни.

Тишина, полная ужаса, встретила Володю в актовом зале гимназии. Володя раньше всех решил задачи по геометрии и тригонометрии, сдал учителю тетрадь и ушел. Ушел на Венец. Весенняя полная Волга несла к морю Каспию вольные воды. Шел небольшой пароходик, тянул на буксире баржу. Все было тихо, спокойно. Что они сделали с Сашей!

Через неделю вернулась из Петербурга мама. Володя увидел: мама совсем поседела, у нее стали белые волосы.

Прощай, Симбирск!

Почти все симбирские знакомые отвернулись от них. Избегали. Когда Мария Александровна шла по улице, встречные торопливо переходили на другую сторону, чтобы не здороваться с матерью казненного сына. Прямая, высоко подняв голову, шла по городу мама. Не плакала, не говорила о Саше.

«Сильная, гордая мама!» — с уважением думал Володя.

Как трудно и горько было им! Один Иван Яковлевич не оставил Ульяновых. По-прежнему навещал дом. Сядет возле мамы, опершись на толстенную сучковатую пал-



Когда Мария Александровна шла по улице, встречные торопливо переходили на другую сторону, чтобы не здороваться с матерью казненного сына.

ку, и молчит. Или обсуждает с мамой, как жить Ульяновым дальше. Где жить?

Володя окончил гимназию. Учителя сомневались и спорили: возможно ли брату казненного дать золотую медаль? Но Володя так великолепно выдержал выпускные экзамены, так превосходно, что учителя постановили все-таки дать.

— Надо Володе поступать в университет,— делилась мама с Иваном Яковлевичем,— но ведь в Петербурге не примут?

— Не примут. И пытаться напрасно.

А если бы даже и приняли, не хотелось маме отпускать Володю одного в Петербург. А ехать в столицу всей семьей невозможно: слишком дорога столичная жизнь, не под силу.

После смерти отца трудно было Ульяновым. Дети учились, никто не зарабатывал. Маме дали пенсию за отца, но на семью едва хватало, концы с концами никак не сведешь.

Из Симбирска решили уехать. «Уедем от нашего дома, где каждый уголок напоминает былое счастье. От нашего сада, где любимо и дорого каждое дерево. От бывших друзей и знакомых, которые все стали чужими».

Нет, не все. Володин ученик Охотников не стал чужим. Учительница Вера Васильевна Кашкадамова не стала чужой. Напротив, в беде теснее сблизилась с мамой.

В симбирской газете появилось объявление: «По случаю отъезда продается дом с садом, рояль и мебель. Московская улица, дом Ульяновой».

Дом стал похож на проходной двор. Постоянно у подъезда звенел колокольчик. Являлись покупатели, ходили по комнатам. Высматривали, трогали, щупали вещи. Оглядывали маму с головы до ног, шушукались. Мама стояла у двери, бледная и строгая, с черной кружевной наколкой на белых волосах. Володе хотелось подбежать к маме, загородить, защитить от недобрых, щупающих взглядов.

«Мама! Не показывай им наше горе, этим равнодушным людям, они не сочувствуют, у них одно любопытство».

Володя старался быть, как мама, строгим и сдержанным. Чтобы не дрогнуло лицо. Не скатилась слеза.

И думал, думал о Саше. «Саша, ты ненавидел царя. Ты хотел убить царя. Ты надеялся, тогда порядки изменятся, людям будет лучше. Но ведь шесть лет назад, в 1881 году, также 1 марта, революционеры-народовольцы убили царя Александра II. Разве лучше стало жить людям? Нисколько. Значит, другим путем нам надо идти».

А колокольчик у входной двери все звенел да звенел. Входили новые покупатели. Щупали, трогали, вытаскивали из дома Ульяновых вещи. Только рояль никто не купил. Володя погладил прохладную крышку. «Все наше детство и счастье связано было с тобой».

Рояль поехал с Ульяновыми в город Казань.

Казанская сходка

Запрещается читать недозволенные книги. Запрещается состоять в кружках и обществах. Запрещается образовывать землячества. Запрещается... Запрещается... За нарушение выговор. Карцер, штраф, исключение. И даже... отдача в солдаты, в дисциплинарный батальон.

Володя Ульянов, став студентом, надеялся, что в Казанском университете порядки свободнее, чем в симбирской мужской гимназии. Куда там! За каждым шагом и словом студентов наблюдали «педели». Так прозвали в университете надзирателей, приставленных ходить по пятам, выслеживать, нет ли чего подозрительного. Не говорит ли кто против царя и правительства? Против начальства? Против инспектора Потапова? Инспектор Потапов был грубый, громоздкий мужчина, с широкой бородой, как у царя Александра III, и оловянными глазами, в которых не светилось ни искры души. «Педели» являлись к Потапову доносить на студентов. Потапов составлял списки виноватых и без пощады вышвыривал вон из университета. Особенно бедных студентов. Бедным все труднее становилось учиться: плату за обучение увеличили в несколько раз.

Угрюмо, тягостно было в Казанском университете. Как в тюрьме. Вся Россия была, как тюрьма.

Было 4 декабря 1887 года. В этот день в газете напечатали сообщение о студенческих беспорядках в Москве. И среди казанских студентов появилось тайное воззвание: «Встаньте за свои права! Боритесь!»

Первые лекции прошли, однако, тихо. В двенадцать часов раздалось:

— Студенты! В актовый зал на сходку!

— На сходку! — загремело по коридорам университета.

Толпа буйно помчалась вдоль коридора, вверх по лестнице, в актовый зал на втором этаже. Среди первых мчался Володя Ульянов.

Двери в актовый зал были заперты. Студенты навалились, двери с треском распахнулись. Студенческая толпа ворвалась в чинный актовый зал.

— Товарищи! — объявил председатель сходки. Вмиг наступила тишина.— Товарищи! Нет выше слова — т о в а р и щ и! Кля-

немся поддерживать друг друга. Защищать свои требования. Мы требуем свободы, законности, правды...

В зале появился инспектор, бородатый, плечистый Потапов.

— Господа! Именем закона требую: разойдитесь немедленно!

— Вон! Вон отсюда! Долой! — закричала толпа.

Свист, крики полетели со всех сторон на Потапова.

Инспектор испугался, бежал из актового зала, кулачищами расчищая дорогу.

Пришел на смену ректор. Что-то он скажет? Студенты затихли. Ректору вручили петицию.

«Русская жизнь невозможна! Студенческая жизнь невозможна!» — говорилось в петиции.

— Успокойтесь, господа,— не зная, как усмирить разгоряченное юношество, принялся уговаривать ректор.

— Значит, вы не согласны выполнять наши требования? — снова забушевали студенты. — Товарищи, в знак протеста оставляем университет. Уходим. Сдавайте билеты!

На кафедру ректора лег первый билет. Потянулись руки. Студенты швыряли студенческие входные билеты. Десять, двадцать, тридцать, девяносто девять студентов не пожелали оставаться в университете. «У студентов нет прав. Не хотим быть бесправными».

Володя Ульянов тоже положил свой билет. В этот день к вечеру он был исключен из университета.

Ночью его арестовали.

А через несколько дней исключенного студента Владимира Ульянова выслали под надзор полиции в деревню Кокушкино.

Подневольный в Кокушкине

Там уже жила Аня. Ее посадили в тюрьму безо всякой вины. За то, что сестра Александра Ульянова. Без вины присудили к высылке на пять лет в Сибирь. Мама хлопотала, подавала прошения, и Анне Ульяновой разрешили отживать срок в Кокушкине.

Зима стояла студеная, вьюжная. Флигелек, где поселились высланные брат и сестра, продувало насквозь. Ночами свистело, завывало в трубе. До окон наметало сугробы. Тоскливо, одиноко было в зимнем Кокушкине.

Временами наезжал урядник. Выспрашивал кокушкинских крестьян:

— Как Ульяновы?

— Ничего. Хорошие люди. Ученые люди.

Уезжал урядник ни с чем.

Всю зиму Володя читал. Запоем, с утра до ночи. Любимым писателем его в эти месяцы стал Чернышевский. Самым дорогим и прекрасным писателем! Революционность Чернышевского покоряла Володю. Чернышевский объяснял все устройство русского общества. Властвуют царь, чиновники, фабриканты, помещики. А крестьянам и рабочим тяжело, нестерпимо. Володя знал, как живут кокушкинские крестьяне,— тяжело, бедно. Володя помнил, как, вернувшись из поездок по школам, отец рассказывал о безземелье симбирских крестьян. Прав Чернышевский! Чернышевский показывал всю неустроенность русской жизни. Звал бороться. Звал к революции. Книга Чернышевского «Что делать?» была запрещенной. Эти страницы читал Саша. Так же тайно, запершись на ключ, плотно завесив окошки. Дорогие страницы! Володя перечитывал их много раз. Новое и новое открывалось ему.

Поздним вечером, начитавшись, он звал сестру Аню в сад. Они ходили взад и вперед узенькой дорожкой, протоптанной ими в снегу. Володя рассказывал Ане о прочитанных книгах. Было много мыслей. Были мечты, планы, цель жизни! Какова у Володи цель жизни? Революционная борьба. Все силы он хочет, мечтает отдать на борьбу против царя и богатых классов. За счастье и свободу народа.

Зимняя ночь миллионами звезд глядела на соломенную деревеньку Кокушкино. На занесенный снегом маленький сад. Треснет от мороза сучок. Упадет с ветки ком снега. Ветка покачается и распрямится. Снова тихо.

Но вот пришла весна. Тронулся лед на реке Ушне. Зажурчали ручьи. Глянули голубые глазочки подснежников. Зазвенели жаворонки в небе. Раскрылись светлые листочки берез.

Как дальше будет жить Володя Ульянов? Революционная борьба — его единственная, главная цель. Но надо зарабатывать деньги на жизнь. Необходимо окончить университет, получить диплом, иметь специальность.

Весной Володя подал прошение в Казанский университет: «Прошу разрешить мне поступление в Императорский Казанский Университет».

Инспектор Потапов помнил декабрьскую сходку, слишком хорошо помнил горящие глаза студента Ульянова. Ни за что инспектор Потапов не позволит Ульянову

вернуться в университет. Володе отказали.

К концу лета Мария Александровна подала прошение министру просвещения: «Разрешите моему сыну поступить в какой-нибудь университет, в Москве, или Киеве, или Харькове, все равно...»

Господин министр просвещения ответил: «Бывшему студенту Владимиру Ульянову не разрешаю поступить в университет».

Осенью бывший студент Владимир Ульянов обратился к министру внутренних дел с просьбой отпустить его за границу. Он решил учиться в заграничном университете, если здесь, дома, ему не дают закончить высшее образование.

Министр внутренних дел отказал.

И еще раз Владимир Ульянов обращался с просьбой к министру. И еще раз власти отказали Ульянову.

Ну что ж, придется одному изучать университетский курс. И бывший студент Владимир Ульянов за полтора года самостоятельно изучил четырехлетнюю программу юридического факультета и отправился в Петербургский университет на экзамены.

Самарские годы

— Владимир Ильич Ульянов!— вызвал председатель испытательной комиссии при Петербургском университете.

Ульянов взял билет. Вопросы достались трудные. Седоволосые, важные профессора внимательно слушали. Слегка скуластый молодой человек, с искристыми, чуть суженными глазами отвечал уверенно и свободно. Профессора обменялись мнениями.



Свист, крики полетели со всех сторон. Инспектор выбежал из актового зала.

— Провинциал, из Самары, а как хорошо отвечает! — одобрил один.

— Давно не слышал таких превосходных ответов! — согласился другой.

Третий без слов поставил отметку: «Весьма удовлетворительно».

Мнение было общим: Ульянов заслуживает весьма удовлетворительной оценки. Самой высокой оценки на выпускных университетских экзаменах!

— Поздравляю, господин Ульянов! — сказал после экзамена один профессор.

— Спасибо! — вспыхнув от удовольствия, ответил Владимир Ильич.

Настроение у Владимира Ильича было превосходное. Он еще мало знал Петербург и в свободное время любил бродить с сестрой Олей по Невскому проспекту, набережной, Летнему саду, знакомиться с городом, великолепными дворцами, музеями. Оля жила этот год в Петербурге, училась на Высших женских курсах.

Сдав экзамены, Владимир Ильич направился к Оле. Хотелось поделиться радостью. Солидный профессор поздравил, по всем предметам получены высшие отметки. Не зря поработал! Скоро совсем переедет в Петербург и начнет свою самую важную работу — революционную работу!

Он весело шагал к сестре.

«Вытащу Олю, пошатаемся по Неве. А там и летние каникулы недалеко, поедем вместе в Самару».

Квартирная хозяйка Оли всплеснула руками, встретила испуганным возгласом:

— Владимир Ильич, беда навалилась, ох, какая беда!

«Снова беда!» — в отчаянии подумал Владимир Ильич.

Вошел в комнату. Оля, горячая, красная, в беспамятстве металась на подушках. Волосы растрепались, пылающие губы растрескались. Она все что-то ловила руками, о чем-то молила.

— Мама! — слышалось сквозь бессвязную речь.— Спаси меня, мамочка!

Владимир Ильич взял ее руку, она не узнавала, вырывалась. Владимир Ильич отвез сестру в больницу, вызвал телеграммой мать.

В Самаре не было железной дороги. Пока мама добралась до Петербурга, Оле совсем стало плохо. Умерла она восьмого мая 1891 года. Четыре года назад в этот день погиб Саша.

Владимир Ильич вел маму под руку за гробом. Сердце болело. Все существо протестовало против этой бессмысленной гибели. Девятнадцатилетняя девушка, прелестная, умная, так нелепо, так безвременно умерла! Мама шла за гробом бледная, без кровинки, крепко сжав губы, без слез.

Вырос на кладбище свежий холмик. Олины подруги уложили могилу цветами.

Похоронили Олю, и Владимир Ильич с матерью вернулись в Самару, домой. Теперь Ульяновы жили в Самаре.

Самарские годы были важным временем в жизни Владимира Ильича. Там он подготовился к университетским экзаменам. Там познакомился ближе и глубже с учением Маркса.

Великий немецкий ученый и революционер Карл Маркс написал знаменитую книгу «Капитал» и вместе со своим другом Фридрихом Энгельсом — «Манифест Коммунистической партии». В этих книгах Карл Маркс доказывал: рабочий класс победит капиталистов, возьмет власть в свои руки и построит на земле новое, коммунистическое общество. Владимир Ильич был поражен. С необычайным волнением он читал Маркса. Учение Маркса до глубины души увлекло и захватило его. Словно солнечным светом озарился путь в будущее. Выбран путь. Навсегда.

Люди, следовавшие учению Маркса, назывались марксистами. Владимир Ильич стал марксистом. Стал участвовать в Самарском марксистском кружке, разъяснять и пропагандировать Маркса. Конечно, пропагандировать Маркса можно было только тайно, чтобы не попасться в лапы жандармов.

После университетских экзаменов Владимир Ильич работал адвокатом в Самаре, много раз выступал на суде в защиту крестьян и бедного люда.

Работая, учился и мечтал вырваться из Самары в какой-нибудь крупный промышленный город. В Петербург. Там много заводов и фабрик. В Петербурге мощный рабочий класс. Вот куда рвался Владимир Ильич.

Давно бы уехал он в Питер, да жаль было маму. Мама тосковала об Оле. Владимир Ильич старался заботой и нежностью скрасить печальные мамины дни...

Осенью 1893 года Ульяновы уехали наконец из Самары. Мите пришло время поступать в университет, он выбрал Московский. И Мария Александровна переехала с Митей и Маняшей в Москву.

Анна Ильинична вышла замуж. Муж, Марк Тимофеевич Елизаров, в петербургские студенческие годы был товарищем Саши. Тогда они с Анной Ильиничной крепко сдружились — сблизило горе, сроднила беда. Жили Анна Ильинична и Марк Тимофеевич с Ульяновыми общей семьей. Вместе и в Москву перебрались.

Владимир Ильич один поехал в Петербург, полный сил и революционной энергии.

За Невской заставой

Был вечер. На петербургских улицах тускло светились фонари. Редкие пешеходы спешили по домам.

Владимир Ильич ехал в конке. Конка дребезжала, качалась с боку на бок на рельсах. Пара гнедых лошаденок, мотая головами, усердно тащила вагончик. Окна



замерзли, не видно было, где едут. Ехать далеко-далеко. За Невскую заставу, на рабочий кружок.

Когда Владимир Ильич садился в конку, следом за ним вскочил на подножку маленький человечек в темных очках. Владимир Ильич заметил его на остановке. Он стоял, закрывшись газетой, будто читает, а сам подглядывал за Владимиром Ильичем. «Шпик», — понял Владимир Ильич, когда человечек проворно вскочил в конку.

Владимир Ильич сел у самого выхода, поднял воротник и стал думать, как уйти от шпика. Притворился, что спит, а сам дышал на стекло, чтобы оттаял кружочек, чтобы можно было глядеть, не пропустить остановку. Он знал такую остановку, где можно улизнуть от шпика. Скосил глаза на окно, смотрит в оттаявший кружочек: не пропустить бы. Недолго осталось. Теперь и вовсе недолго. Следующая остановка. Стали.

— Кому сходить? — спросил кондуктор.

Все молчат. И Владимир Ильич молчит.

Лошади тронулись, и тогда Владимир Ильич вскочил с места и выпрыгнул из конки. И со всех ног к проходному двору. Позади слышался суматошный звон колокола, звонил кондуктор. Конку остановили. Но Владимир Ильич уже добежал до проходного двора. Юрк в ворота. Шпик тоже соскочил с конки, да поздно. Оглянулся направо, оглянулся налево. Никого.

А Владимир Ильич через проходной двор выбрался на другую улицу и благополучно пошел на кружок.

Кружок собирался на квартире Ивана Бабушкина, слесаря с механического завода за Невской заставой. Завод по имени хозяина назывался Семянниковским. За Невской заставой было много заводов и фабрик. Утром, еще темно, на разные голоса начинали гудеть заводские гудки. По-темному шли на работу рабочие. А кончали работать ночью. Совсем солнца не видели. Беспросветная жизнь! Но ведь нельзя же, нельзя же вечно так жить!

Рабочие тайно от полиции собирались на квартире слесаря Бабушкина, обсуждали свое положение.

И в этот вечер собрались и ждали лектора Николая Петровича. На самом деле это был Владимир Ильич. Он назвался Николаем Петровичем, чтобы шпики и полицейские не узнали, кто он.

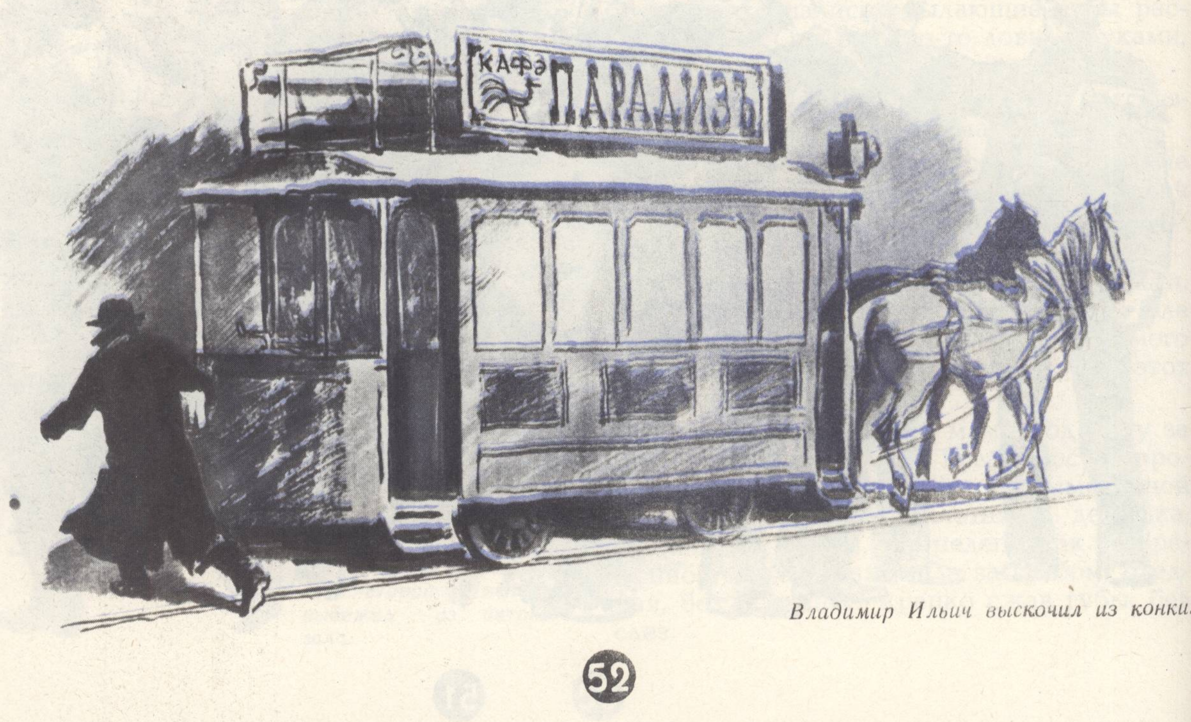
Зачем же Владимир Ильич приезжал к Бабушкину на рабочий кружок за Невской заставой? И на другие рабочие кружки приезжал.

Затем, что хотел, чтобы все рабочие узнали учение Маркса. Маркс учил: рабочие есть та сила, которая может перестроить общество. Если рабочие захотят и сумеют восстать против фабрикантов и против царя, никто их не сломит. Значит, надо объединиться рабочим. Надо поставить цель и идти к своей цели. Какая у рабочих может быть цель? Одна. Взять власть в свои руки. Устроить государство трудящихся.

Прекрасное государство, справедливое общество! Маркс назвал это общество коммунистическим.

Первая книга

В то время, когда Владимир Ильич занимался в кружке слесаря Бабушкина за Невской заставой, немало рабочих марк-



Владимир Ильич выскочил из конки.

систских кружков собралось в разных концах Петербурга. Когда Владимир Ильич приехал в Петербург, прежде всего начал искать связей с революционерами-марксистами.

— Товарищи! — сказал Владимир Ильич.— Надо нам, всем марксистам, нести учение Маркса в рабочие массы. Надо объединиться с рабочими и подготавливать революцию.

Так образовался революционный союз, который после стал называться «Союзом борьбы за освобождение рабочего класса».

Сначала «Союз борьбы» был только в Петербурге, а потом и в других городах.

Вот какое громадное дело поднял Владимир Ильич!

Но Владимир Ильич не только кружками руководил то за Невской, то за Нарвской заставой, то на Васильевском острове. Была у него еще одна важная работа. Лишь выпадал свободный час, Владимир Ильич занимался этой работой. Днем, поздно вечером, иногда даже ночью Владимир Ильич писал. Книга, которую писал Владимир Ильич, была страшна для хозяев и капиталистов. Она рассказывала рабочим, как вернее бороться с хозяевами.

Скоро Владимир Ильич закончит книгу. Товарищи-марксисты тайно ее отпечатают и распространят по рабочим кружкам.

Поздно. В комнате Владимира Ильича за тюлевой занавеской встала черная тьма. В доме напротив окна погасли. Только слабо светился одинокий фонарь на углу.

Владимир Ильич отложил перо и встал из-за стола. Сделал три шага. Комната маленькая, но он любил шагать взад-вперед.

«Итак, дорога одна, — думал, шагая, Владимир Ильич.— Русский рабочий пойдет этой прямой дорогой открытой политической борьбы к победоносной коммунистической революции».

Вот о чем писал Владимир Ильич. Книга его звала русских рабочих к победоносной коммунистической революции. Еще никто никогда не обращал к русским рабочим таких смелых призывов. А было Владимиру Ильичу в то время всего двадцать четыре года. Он был совсем молодым. Но много знал. И верил: русские рабочие совершат революцию.

ПРОДОЛЖЕНИЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ



Добрый день, дорогая редакция!

Пишут вам ученики Ватутинской средней школы № 2. Нам очень хочется узнать, какова длина взлетного поля сверхзвукового самолета новейшей конструкции. Мы спрашивали это у наших родителей, но они этого не знают. Просим написать нам об этом. Написали мало, потому что пишем первый раз в редакцию. До свидания.

ДЕМЧУК Игорь,
ОБРИВЧЕНКО Сергей.
г. Ватутино,
Черкасской области.

ВЗЛЕТНАЯ ПОЛОСА... КАК СДЕЛАТЬ ЕЕ ПОКОРОЧЕ?

Раньше с посадкой было проще. Самолеты могли садиться на любом лугу, лишь бы был ровный, да и взлетали прямо с него. Помните фильм «Небесный тихоход»? Маленькому фанерному ПО-2 для посадки достаточно было ста метров ровного поля.

Сейчас самолеты летают раз в пятнадцать — двадцать быстрее знаменитого «тихохода». Да и вес их стал побольше. К примеру, есть такой истребитель МИГ-17. Весит он шесть тонн. Попробуйте такую махину остановить после посадки! Он садится на бóльшей скорости, чем та, на которой прежде самолеты летали,— до двухсот километров в час,— и должен пробежать восемьсот пятьдесят метров, чтобы остановиться. При этом летчик пускает в ход и колесные тормоза, и щитки-закрылки, и тормозные щитки. Еще труднее посадить сверхзвуковой самолет: ему надо «постелить дорожку» более километра. А пассажирскому сверхзвуковому ТУ-144 (читали о нем в «Пионере»?) нужна бетонка еще больше. Конечно, конструкторы думают, как бы уменьшить длину пробега. И придумали.

Начнем с самого простого. Это тормозной парашют. Он выпускается сразу же после посадки и уменьшает длину пробега больше чем на треть.

Дальше. Конструкторы самолета ЯК-40 решили во время посадки изменить направление силы тяги. Струю газов (во время полета она с огромной силой вылетает назад) в момент посадки поворачивают вперед и заставляют ее реактивную силу уже не двигать, а тормозить машину. Это средство оказалось еще лучше, чем тормозной парашют. Взлетная полоса укоротилась до трехсот пятидесяти метров.

В последнее время выяснилось, что на скорость посадки влияет форма крыла. Если при посадке менять форму, или, как говорят, «геометрию», крыла, то можно тоже уменьшить длину пробега. Удлиняется крыло, срабатывают закрылки и предкрылки — снижается посадочная скорость.

Инженер-полковник Н. КОНЬКОВ,
полковник О. НАЗАРОВ.



Продолжение

ИСТОРИЯ, КОТОРАЯ МОЖЕТ ПРОИЗОЙТИ В ЛЮБОМ ДВОРЕ, ГДЕ ЕСТЬ МАЛЬЧИШКИ И ДЕВЧОНКИ.

Рассказ ведут юнкоры пионерского корреспондентского отряда «Каравелла», который поднял флаг свой в городе Свердловске на Уктусских горах. Рассказ на основе опыта, размышлений и воспоминаний.



Он был большой, тощий, лохматый и тонконогий. Похожий на какое-то африканское животное. Глаза у него были доверчивые, а характер, видимо, добродушный. Он оглядел столпившихся ребят и робко мотнул хвостом.

— Лопать хочет,— безошибочно определил Шурка Моряков. Двое добровольцев побежали за хлебом и котлетами.

— Надо как-то пса определить,— решил Костя Тумаков.

— Он нам для съемок пригодится,— сказал знаменитый фотограф и кинооператор Сашка Бобков.— А то прямо беда: нигде подходящую собаку не найдешь. Хоть сам в шкуру забирайся...

— В походе охранять будет. Сразу видно, умный пес,— поддержал Димка Калашников.— И вообще что за жизнь без собаки!

Назвали пса грозно: Гепард. Но он охотнее откликался на простое имя Тяпа. Поселили Тяпу в рассохшейся бочке, которую Шурка прикатил из своего сарая. Бочка была громадная — прямо целый водонапорный бак. Ее наполовину врыли в землю, постелили внутрь солому и старый ватник.

— Придется только Тяпу на ночь привязывать,— сказал Костя.— А то напугает кого-нибудь, знаете, какой скандал будет.

ПРИМЕЧАНИЕ «КАРАВЕЛЛЫ». Собака и в самом деле нужна. С ней веселее.

У нас тоже был пес, его звали Рубин. Большой, белый, похожий на полярного медведя. Он разрешал малышам ездить на себе. А в походах

Рисунки Е. МЕДВЕДЕВА.

он был у нас самым надежным сторожем. И в футбол он с нами играл. Мы очень жалеем, что вовремя не зарегистрировали Рубина. Он был наш, но кое-кто из скандальных соседей называл его беспризорным. Однажды Рубин совсем исчез. Мы боимся, что кто-то заманил его в лес и убил. Встречаются еще такие...





Если говорить точнее, «копытами» — кедами и сандалиями — били сами всадники, потому что лошади ног не имели. Это были простые палки с лошадиными головами из картона. Но десятилетние «рыцари» чувствовали себя на этих конях очень бодро.

«Рыцари» сближались на тонком гладком бревне. Ветер колыхал перья на их шлемах. На фанерных щитах яркими красками сверкали вставшие на дыбы львы и олени, пестрели диковинные цветы, жизнерадостно сияли солнечные диски.

Копье с резиновым мячиком на конце ударило в щит с леопардом. Владелец грозного щита, взмахнув руками, закачался и прыгнул с бревна, теряя «коня» и оружие. Его противник победно поднял копье...

Сашка Бобков с зеленой судейской лентой через плечо быстро щелкнул победителя своей «Сменой» и велел «скатываться», освобождать место следующей паре...

Бойцов на копьях сменили стрелки из арбалетов. После них на очерченную мелом круглую площадку вышли «мастера меча и щита»: кто из фехтовальщиков раньше нанесет укол или вытеснит противника из круга...

Гром кастрюльных крышек и завывание картонных труб известили о конце состязаний и начале заключительного парада. Яркая шеренга победителей выстроилась для получения наград. Призов было много...



— Нас могут спросить: «Где взять призы?», — ГОВОРЯТ художники и мастера нашего отряда.— Нигде не надо их брать. Нужно сделать самим. И это совсем не трудно.

Возьмите простой березовый чурбачок, зачистите одну сторону, выжгите на ней всадника с копьем—и вот вам приз победителю «коннику». Сделайте для лучших стрелков крошечный лук в колчане из кусочка узорчатой кожи и такие же маленькие стрелы с наконечниками из блестящей жести. Кстати, о рыцарском вооружении. Как делать мечи, щиты, копья, наверно, никого учить не надо (только не делайте мечи тяжелыми и острыми: это опасно и неудобно). Сложнее со шлемами. Их лучше делать из папье-маше: оклеивать слоями бумаги какую-нибудь форму — чайник, небольшой глобус и т. д. А можно форму из глины сделать. У нас кое-кто предлагал для этого использовать прямо голову «рыцаря»: размер будет самый точный. Но никто не захотел пробовать.

Давайте, оторвемся



ОТОРВЕМСЯ НЕНАДОЛГО от рассказа о наших друзьях.

В разных городах, больших и маленьких, очень много дворов — тоже разных, маленьких и больших. И о жизни в этих дворах пишут в редакцию ребята. Пишут отовсюду: из Сибири, Прибалтики, с Дальнего Востока, с Урала, из Москвы и Ленинграда.

Редакция познакомила нас с этими письмами и попросила написать: что мы о них думаем, что можем посоветовать ребятам?

Нам очень понравилось письмо Вити Щенёва, четвероклассника из города Андижана. Он так весело и подробно рассказывает про игры, которые придумали ребята в их микрорайоне. А еще он пишет: «У нас в доме три подъезда, и каждый подъезд сделал себе беседку. Летом в ней вьются китайские розы. Красиво! А в гараже, с которого зимой мы прыгаем в снег, летом у нас штаб. Там мы кипятили чай, варили суп. Мы называем наш штаб каютой. Рядом с нами рабочие строили новый дом. Мы им помогали, а они нам дали несколько досок. Мы сделали для малышей из досок утки-качалки, они садятся в них и катаются. И еще у нас есть поле. Зимой оно хоккейное, а летом футбольное.

А еще у нас есть собака Белка... Тут у нас в доме живет такая злая старуха. Ух, как она Белку не любит! Это из-за нее у Белки забрали щенят, а то жили бы с Белкой вместе...»

Из Риги прислали письмо Наташа Чибисова и Миша Тарасов.

Они пишут, как весело у них на спортплощадке, которую помогли оборудовать комсомольцы. Ребята в этом дворе заботятся о маленьких товарищах, показывают им кукольные спектакли. «Мы хотим посоветовать другим ребятам: озеленить свой двор, взять шефство над малышами, а главное, крепко дружить».

Это очень хорошее письмо, совсем непохожее на те, в которых девчонки жалуются на мальчишек, обвиняют их во всех несчастьях и просят помощи (такие письма тоже встречаются).

А есть письма с беспокойными и горькими строчками.

«Каждую весну мы ходим в поселковый Совет и просим, чтобы сделали детскую площадку, но нам все время отказывали. Весной прошлого года мы опять попросили. Там сказали: «Очистите место, где бы мы могли сделать площадку». Все ребята дружно принялись за работу. В один день мы очистили двор от камней и от мусора. Мы прождали все лето...» — **пишут девочки из поселка Гайдук в Краснодарском крае** (улица Заводская, 20 а).

А вот еще: «Сколько раз мы хотели залить каток, но нам жильцы не разрешают. Говорили, что когда мы будем кататься, то будем шуметь... Летом в нашем дворе мальчикам и девочкам не разрешают играть в разные игры, так как жильцы должны отдыхать. Мы, конечно, понимаем, что они устают на работе, но ведь мы играем днем, а в это время они работают. К тому же летние каникулы — это наши выходные дни, и мы тоже отдыхаем. А ведь никакие игры не проходят без смеха, споров и шума...» **Это строчки из письма Наташи Чайкиной.** Она живет в Одессе, на улице Пироговской, в доме № 3.

В этих письмах нет пустых жалоб и слезливых просьб. Ребята готовы работать, строить, придумывать веселые дела, лишь бы им помогли. Или хотя бы не мешали. Не всегда им под силу справиться с трудностями. **Мы познакомились с автором одного из таких писем, Владиком Бессоновым.** Он наш земляк, свердловчанин. Побывали у него во дворе. Там грязь, мусор, груды земли. Лопатами ничего не сделаешь. Просили ребята бульдозер, чтобы разровнять площадку,— напрасно. Просили отдать пустующую комнату для детского клуба, а в ней открыли продовольственный ларек. А зачем он, если рядом «Гастроном» и булочная?

И все ребята спрашивают: как быть, что делать? Честно говоря, трудно здесь советовать. Потому что в каждом дворе — свои дела, свои трудности. Да и что тут скажешь? Сколько ни давай советов, плохие шефы едва ли вдруг станут хорошими, а ЖКО бросится строить стадион. Вредные жильцы не подобреют, а злая старуха не станет любить собак. Мы можем сказать только одно: для хорошей, интересной жизни нужна организованность. Вы должны быть товарищами, настоящими, надежными. За каждое дело браться вместе, не давать друг другу раскисать от неудач. Если что-то не вышло, не огорчайтесь, беритесь за другое дело. Нельзя играть в футбол? Организуйте военную игру — с картами, телефонами, разведкой, тревогами. Дожди залили двор? Устройте гонки парусных корабликов.

И еще одно: если вы будете не просто ватага, а, например, дворовый отряд «Чапаевец», или спортивная команда «Вихрь», или пионерская агитбригада «Ласточка», если у вас будут свои правила, свой командир, жить станет легче. Не сразу легко, но легче. Вам будет проще доказать и сердитым соседям, и домоуправлению, и всем взрослым, что заняты вы хорошими делами и имеете право на помощь.

Беседы на полубаке

стали привычкой. «Полубак» — это бочка, которую за гаражом, где штаб, вкопали наполовину в землю, чтобы поселить в ней Тяпу. «Был бак, стал полубак»,— сказал Пашка Капустин и первый забрался на полукруглую крышу Тяпиной конуры. Сидеть там было удобно.

Шла середина августа. Темнело раньше, часто накрапывали дожди. «Катамаран» разобрали и плащ-палатку опять натянули у забора. Там собирались по вечерам. Шуршал по парусине дождь, возился в

своем жилище Тяпа. Хорошо было сидеть на «полубаке» и на мягких автомобильных камерах. Шурка Моряков притащил старый керосиновый фонарь, чтобы можно было читать вслух...

Однажды Женька Швабрин запоздал. Он пришел, когда все уже немного заскучали (книга была дочитана, и никто не мог придумать, чем заняться). Женька молча взгромоздился на «полубак» и достал из кармана куртки человечка. Голова у человечка была картофельная, туловище — катушка из-под ниток, руки и ноги из проволоки. Человечек озорно блестел стеклянными глазками.

— Его зовут Чип,— сказал Женька.— Я познакомился с ним в Африке. Он шил сапоги из крокодилов, а я объезжал зебру...

— Вот врет! — изумился Шурка Моряков. На него зашипели.

— Это известный путешественник и охотник,— не моргнув, продолжал Женька,— младший внук знаменитого Бармалея. Если хотите, мы с ним расскажем одну-две истории про удивительные приключения в лесах экваториальной Африки...

Все хором заявили, что хотят, и притихли. Даже Тяпа перестал чесаться. Удивительная история началась...

На следующий вечер почти каждый принес своего «героя». У кого был космонавт, у кого — марсианин, у кого — непонятное существо на трех ногах, с четырьмя хвостами, чешуйчатое и крылатое. Всем хотелось поскорее начать свой рассказ. Шум поднялся...

— Так не пойдет! — решил Костя.— Давайте по старшинству. Пусть начинает тот, кому больше лет.



Первым оказалось чудовище, которому исполнилось восемьдесят миллиардов лет и три года. Оно служило верховой лошадью у жестокого жителя планеты Меркурий. Потом этого жителя съел марсианский крокодил, и чудовище отправилось путешествовать по космосу самостоятельно.

Затем картонный капитан Володи Каплина поведал о тайне затонувшего фрегата, а пластилиновый водолаз Димки Калашникова — о том, как побывал в гостях у Нептуна. Остальные рассказы оставили для других вечеров...



К ЧИТАТЕЛЯМ ОБРАЩАЮТСЯ флаг-капитаны «Каравеллы», участники артековских и «орлятских» огоньков, организаторы отрядных костров и сборов:

— Не думайте, что это легко — собраться и рассказать историю. Во-первых, надо придумать так, чтобы было интересно. Во-вторых, надо, чтобы умели слушать. Это очень важно. Надо, чтобы не перебивали, не лезли с глупыми шутками и вопросами, чтобы не шептались и не спорили («А чего ты занял мое место?»). Хорошо умеют слушать там, где ребята дружные и уважают друг друга. Но, конечно, и рассказчик не должен мямлить, сбиваться, забывать, повторяться.

ДОЖДЬ БАРАБАНИЛ ПО ПЛАЩ-ПАЛАТКЕ

и не давал высунуть носа из «штаба».

— Неужели кончилось лето? — вздохнул Сашка Бобков.

— Ну, нечего хныкать,— заметил Костя.— Лето было хорошее.

— Лето было что надо! — поддержали мальчишки.

— Помните, как у Шурки Моряка на речке ботинок утоп, когда корабль испытывали?

— А помните, как на празднике Нептуна Димку в корыто уронили?

— Не Димку, а Пашку Капустина,— заспорил Бобков.

— Ну, чего спорите? У меня же снимки есть! — И упрямый Сашка, рискуя вымокнуть до нитки, помчался домой. Скоро он притащил пачку снимков в целлофановом пакете.

— Хорошая штука — фотография,— задумчиво произнес Димка, которого, как выяснилось, не роняли в корыто.— Такая память о лете остается! Жаль только, что дневник не вели, еще лучше было бы...

— Кому охота каждый день писать!

— Не обязательно каждый! Только самое интересное!

— Самое интересное и так запомнилось. Можно и сейчас записать,— рассудил Костя Тумаков.

— А зачем?

— Стенгазету можно про лето выпустить.

— Да зачем это? Мы ведь и так все знаем!

— Мы-то знаем, а другие не знают. В школе повесим!

— А какое название для газеты придумаем?..

ГОВОРЯТ члены редколлегии отрядной стенной газеты «Тигренок Санька» Саша Бабушкин и Андрей Талалеев.



— Постарайтесь придумать название поинтереснее, чтобы все знали: эта газета именно вашего отряда. И пусть она будет повеселее. Ваш художник, конечно, постарается, чтобы газета выглядела ярко, красиво. И это очень хорошо. Но главное в газете все-таки то, что написано. Пусть ваши корреспонденты расскажут о летних делах самое важное, самое веселое. То, что интересно всем. И поподробнее.

Главное в работе над газетой, пожалуй, не сам выпуск, а подготовка к выпуску. Все должно быть подготовлено: бумага, карандаши, краски, линейки, клей. И, конечно, план номера. Совершенно необходимо, чтобы все ребята сдавали свои материалы точно в срок. А то иногда бывает так:

— Почему Сережка заметку не несет?

— Он, кажется, еще не написал...

— А ну, бегите к нему, поторопите!

— А он к бабушке уехал...

При таком отношении к делу за газету лучше и не браться.

А лето еще вернулось

За несколько дней до школы наступила теплая солнечная погода.

— Братцы, пошли в кино,— распорядился Костя.— В «Экране» вторая серия «Неуловимых» идет.

Через полчаса компания в пятнадцать человек дружно шагала к кинотеатру. Там их ждало огорчение. У кассы висела табличка: «Билеты проданы».

Обратный путь показался гораздо длиннее. Шли, лениво разглядывая витрины магазинов...

— Ребята,— вдруг позвал маленький Вадик Семенов, который недавно вернулся из лагеря «Искорка»,— смотрите...

На витрине стоял сияющий горн.

— Красивая штука, пять пятьдесят стоит...— сказал Костя и позвенел в кармане мелочью.

— А зачем она? — вмешался Пашка Капустин.— Все равно через неделю уже в школу. Уроки учить...

Ух какая тут поднялась буря!

— Если в школу, значит, флаг, что ли, спускать? Нытик!

— А осенний поход?

— А фильм «Новогодние приключения» снимать хотели! Забыл?

— А снежная крепость?

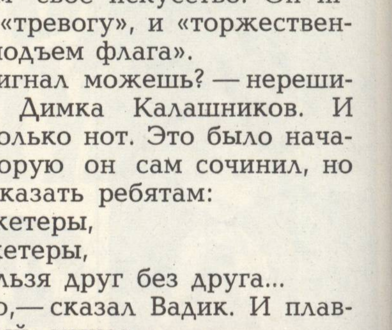
Через полчаса в своем дворе Вадик показывал друзьям свое искусство. Он играл и «сбор», и «тревогу», и «торжественный марш», и «подъем флага».

— А такой сигнал можешь? — нерешительно спросил Димка Калашников. И просвистел несколько нот. Это было начало песенки, которую он сам сочинил, но еще стеснялся сказать ребятам:

Ко мне, мушкетеры,
Ко мне, мушкетеры,
Никак нам нельзя друг без друга...

— Я попробую,— сказал Вадик. И плавно заиграл новый сигнал...

ОТРЯД «КАРАВЕЛЛЫ» уверен: если крепко сдружились за лето, если ребята настоящие, если дела хорошие, разве может рассыпаться ваш отряд? Никакая осень ему не страшна! У кого не дрогнет сердце, кто не помчится на зов, если горнист во дворе заиграет сигнал, который летом созывал вас всех вместе?





НА ЭТОТ РАЗ ХОЗЯИН КЛУБА— МЯЧ БАСКЕТБОЛЬНЫЙ

М. Баскетбольный: Ты любишь баскетбол? Я тоже. Ты считаешь, что лучше игры нет? Я тоже.

— А ты знаешь, что такое пок-то-пок? Ты незнаком с доктором Джеймсом А. Найсмитом? Ты можешь ответить, почему корзина-мяч, а не иначе?

Тогда ты не знаешь моих предков, дружище. Впрочем, этой беде можно помочь. По моей просьбе некоторые сведения о них сообщает тебе мой старый болельщик, писатель **Георгий ЮРМИН**.

Прадедушка Пок и дедушка Баскет.

Да, мой друг, прадедушка современного баскетбола носил другое имя. Его называли пок-то-пок. Что означает это имя в переводе на наш с вами язык, я сказать не берусь. Я знаю лишь, что игрой в пок-то-пок более двух с половиной тысяч лет назад увлекались индейцы из племени инков, майя и ацтеков, которые жили на земле нынешней Мексики, Гватемалы, Гондураса.

Площадка для игры в пок-то-пок напоминала лежащую на земле римскую цифру I. Представляешь? Со всех сторон она была окружена высокой каменной стеной. В середине обеих перекладин единицы, на большом расстоянии от земли висело по деревянному кольцу. Две команды, в каждой из которых было по три-четыре игрока, соревновались, кто забросит больше мячей в кольцо противника. А делать это было довольно трудно, потому что по тогдашним правилам играть разрешалось только локтями, коленями или бедрами.

Мяч для игры в пок-то-пок делали из каучука, и был он не надувным, а литым.

Дедушка Баскет родился на свет много позже. Около восьмидесяти лет назад. История его рождения довольно любопытна.

Учителем физкультуры в Спрингфилдском колледже (штат Массачусетс, США) служил доктор Джеймс А. Найсмит. Начальство уже давно обратило внимание на то, что уроки физкультуры в колледже проходят из рук вон плохо.

— Нет, надо что-то придумать,— заметил однажды учителю директор,— необходимо оживить ваш предмет.

И Найсмит придумал. Во всяком случае, когда директор пришел в следующий раз на урок физкультуры, здесь царило оживление. Воспитанники все вместе гонялись друг за другом по площадке, стараясь завладеть мячом и забросить его в одну из двух плетеных корзин из-под персиков.

Неизвестно, сообщил ли учитель директору, что за основу своего изобретения он взял древнейшую индейскую игру, но то, что прообразом его послужил Найсмиту









пок-то-пок, ни у кого не вызывает сомнений.

Играли в корзину-мяч (баскет-бол) по девять человек в каждой команде. Конечно, народу было многовато, и на площадке царило столпотворение. Но как учитель мог поступить иначе, если воспитанников у него было восемнадцать и все хотели непременно играть?

Вскоре весть о новой игре разнеслась по всему колледжу, и «поболеть» приходило много зрителей, размещаясь внизу вокруг площадки и вверху на балконах. Но тут случилось непредвиденное. Балконы находились невдалеке от корзин, и болельщики, стараясь помочь своим, ловили неудачно брошенный мяч и собственными руками направляли его в корзину. Пришлось корзины оградить от предприимчивых зрителей кусками фанеры. Так появился на свет баскетбольный щит.

Если бы доктор Найсмит мог каким-то чудом побывать на баскетбольном матче наших дней, его, наверно, удивило бы, как быстро бегают игроки по площадке и как молниеносно перекидывают они друг другу мяч. Он был бы поражен и ростом большинства из них...

М. БАСКЕТБОЛЬНЫЙ. Да, большинство баскетболистов — гулливеры. Чем выше игрок, тем ему легче забросить мяч в корзину на высоту 2 метра 75 сантиметров. «Подходящий» рост у наших бывших «сборников»: Анзора Лежавы (210 сантиметров), Александра Петрова (211 сантиметров), Яниса Круминьша (218 сантиметров). Но даже и эти великаны признавали высоким своего товарища Увайся Ахатева, рост которого — 2 метра 34 сантиметра.

Но вот передо мной письмо Юры Подольного из города Запорожье.

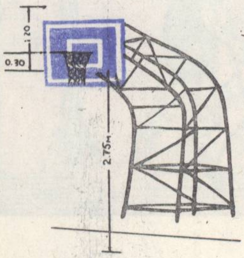
«Мой рост — один метр шестьдесят девять, а я люблю баскетбол и мечтаю стать классным баскетболистом. Что мне делать?»

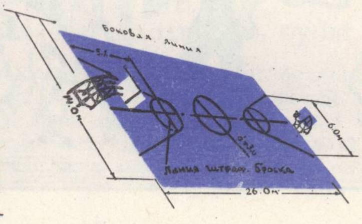
Что делать? Я попросил своего специального корреспондента Юрия Буринского связаться с заслуженным тренером СССР Семеном Суреновичем Спандаряном.

Что делать Юре?

На этот вопрос Семен Суренович ответил так.

На юге Латинской Америки вплоть до Огненной Земли простирается страна Патагония. Прославленный мореплаватель Магеллан, увидавший впервые жителей этой отдаленной окраины континента, был несказанно поражен: таких высоких людей ему еще не приходилось видеть. Каждый из них достигал в высоту не менее двух метров. Магеллан прозвал этих удивительных великанов длинноногими.





Допустим, что основной критерий успеха в баскетболе — рост. Тогда жители Патагонии должны быть лучшими баскетболистами? Но патагонцы вовсе не прославились в баскетболе. Рост — это несомненный выигрыш, но не главный!

Ребята наверняка знают да и видели в игре «малыша» сборной СССР Арменака Алачачяна. Он невысок — всего метр семьдесят четыре сантиметра,— и у него было немного шансов вести борьбу у корзины; он не обладал дальним и точным броском... И тем не менее Алачачян был незаменим в сборной команде. Зрители называют его и гуттаперчевым, и молниеносным, и вездесущим...

— Семен Суренович, каким же тогда должен быть баскетболист?

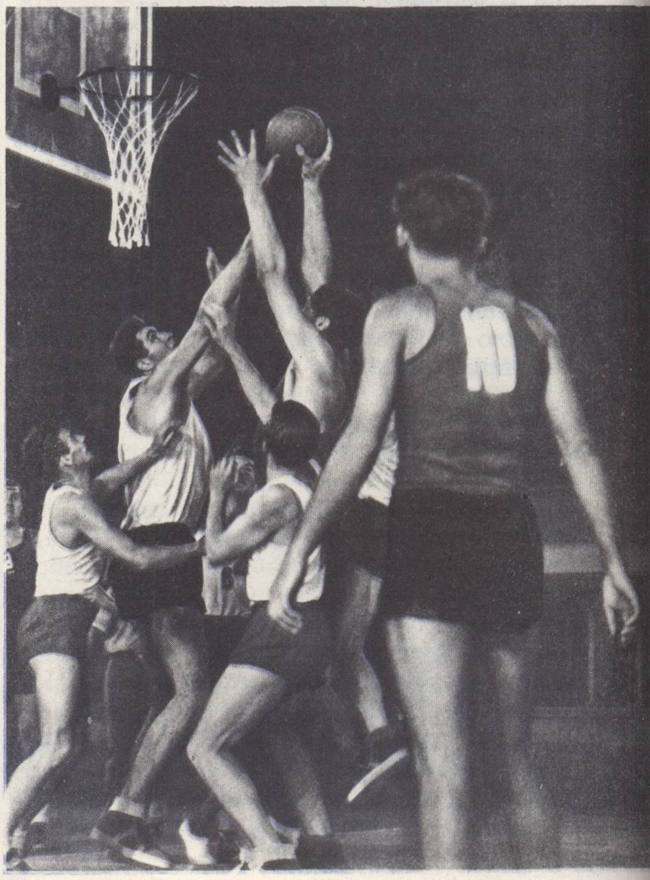
— Чтобы быть блестящим баскетболистом, нужны определенные данные. И многие из них можно в себе воспитать.

— А что и как воспитывать?

— Так и быть, половину известных мне секретов я Юре выдам, ему и всем, кто предан баскам, а другие они, я надеюсь, откроют сами. В игре. Идет?

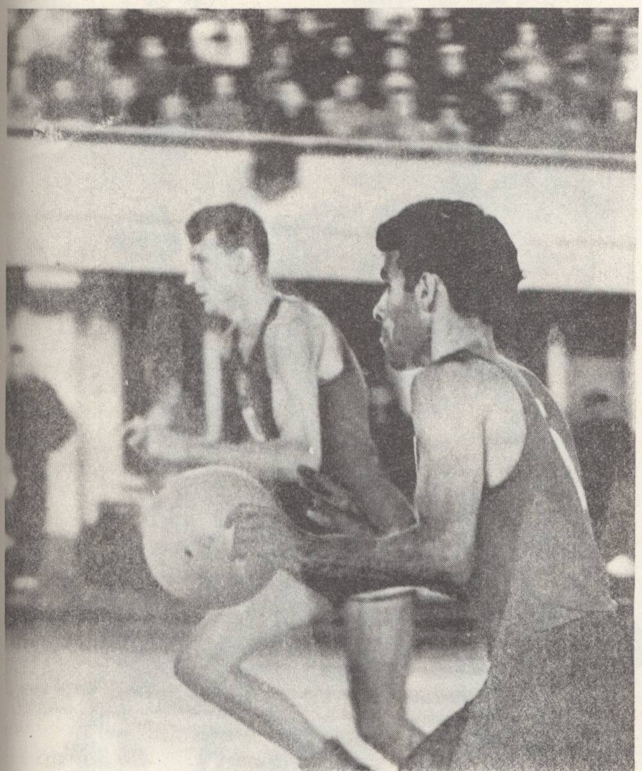
ПЕРВОЕ: воля. Без силы воли победу не вырвешь.

Если бы доктор Найсмит увидал баскетбольный мяч наших дней, он очень бы удивился.



ВТОРОЕ: глазомер. Начертите на площадке квадраты или круги и, передвигаясь по площадке, старайтесь попасть в них мячом. Или на бегу бросайте мяч прямо в руки игроку, стоящему поодаль, бросайте его с отскоком от земли на «своего» партнера издалека и по кольцу.

Арменак Алачачян «в ударе».



ТРЕТЬЕ: прыгучесть и быстрота. Лучше всего отрабатывать прыгучесть у кольца с мячом и особенно при блоке. Не забывайте легкую атлетику. Бег, прыжки, снова бег. На короткие дистанции и на длинные. И регулярно, без отлынивания.



ЧЕТВЕРТОЕ: меткость броска, особенно дальнего.

Зрители всегда награждают аплодисментами того, кто издали, из любого положения «кладет» мяч в корзину. Такими виртуозами всегда были Паулаускас, Вольнов, Круминьш и другие участники сборной команды СССР. Это настоящие снайперы. Любители баскетбола хорошо помнят, что, когда для нашей команды наступали критические моменты, тренеры выпускали на площадку этих игроков, и чаша весов, как правило, перевешивала в нашу пользу!



Итак, двести бросков в корзину сегодня, столько же завтра, послезавтра, каждый день.

ПЯТОЕ: умение видеть площадку. Просто удивительной наблюдательностью обладает все тот же Алачачян. Он мгновенно подмечает уязвимые места в обороне противника, просачивается туда, увлекая за собой остальных.



ШЕСТОЕ: сверхувлеченность игрой. Только истинная влюбленность поможет вам овладеть мастерством в баскетболе!

С мячом по глобусу
Зарубежный калейдоскоп

В этот раз путешествует по глобусу с баскетбольным мячом Георгий ЮРМИН.

●

Все тренеры стараются включить в свою команду рослых игроков, и в женские команды тоже.

Самая высокая баскетболистка — пятнадцатилетняя американка Долорес Пулард. Рост ее 248 сантиметров!

●

Среди баскетболистов немало блестящих мастеров штрафного удара.

Один из них подряд, без единого промаха, забросил в корзину четыреста девяносто девять мячей, потом разок промахнулся, страшно на себя рассердился и забросил еще триста семьдесят один мяч. Восемьсот семьдесят попаданий из восьмисот семидесяти одного возможного!

●

Подсчитано, что во время баскетбольного матча каждый игрок пробегает по пяти километров со средней скоростью семнадцать километров в час (иногда, разумеется, чуть больше, иногда — меньше) и совершает при этом до двухсот прыжков.

●

В семье названий, включающих в себя слово мяч-бол, совсем недавно появилось еще одно — кенгурубол.

Изобретатель кенгурубола Брайен Николес — директор игрушечной фабрики в городе Суонси (Англия). Однажды он увидел, как какой-то мальчишка подпрыгивал, сидя на обыкновенном буе. Это навело его на мысль — изготовлять на своей фабрике надутые воздухом баллоны высотой в один метр.

Сверху у баллона есть два ушка, за которые можно держаться, чтобы не упасть. Мастера этого «вида спорта» могут прыгать в высоту больше чем на два метра.

Баскетбольная викторина

ОТВЕТЬ:

Когда и где в России впервые стали играть в баскетбол?
Когда состоялся в нашей стране самый первый розыгрыш по баскетболу?
Объясни, что такое в баскетболе «спурт»?
Что имеют в виду, говоря об «эре ТТТ»?

Джордано Бруно из Глазатова

Л. КУЗНЕЦОВА



Известно немало случаев, когда ребята находили и сохраняли небесные камни, помогали ученым в поисках. Один из метеоритов, поступивших в коллекцию Академии наук СССР в последние годы, Помоздино,— был найден пятиклассником Толей Уляшевым из Коми АССР.
Метеориты падают на Землю совершенно внезапно.
Никто не может предсказать время и место их падения. Но каждый из нас может оказаться случайным свидетелем приземления гостя из космоса.
Если вы заметите падение или услышите характерные звуки, вызываемые приближающимся к земле метеоритом,— свист, жужжание, гул и, наконец, удар камня о грунт,— начинайте поиски. Метеориты и все сведения о них, собранные вами во время поисков, направляйте в Комитет по метеоритам Академии наук СССР.
Вам могут попасться метеориты, упавшие давно. Поэтому внимательно относитесь к попадающимся кускам железа и необычным черным (покрытым корой плавления) камням. От «подозрительного» камня отделите небольшой кусочек и пошлите его в комитет.

В архивах Комитета по метеоритам Академии наук СССР хранится старинная, пожелтевшая от времени фотография. На фотографии трое: два мальчика — один лет двенадцати, в фуражке, другой поменьше, в надвинутой на глаза кепке — и высокий худой мужчина в очках, с бородой. Все трое стоят на пашне, возле круглой ямы, заполненной водой.

Как попала эта фотография в архивы Академии наук? Какое отношение к науке могли иметь эти мальчики?

Эта история произошла более пятидесяти лет назад. В конце февраля 1918 года возле деревни Глазатово, недалеко от города Кашина, упал на землю небесный камень — метеорит.

Метеориты — это каменные и железные тела, которые с бешеной скоростью носятся по Вселенной. Случается, путь одного из них скрещивается с нашей планетой, и небесный странник падает на Землю.

Метеориты — большая ценность для науки. Они «вещественные представители» космоса на Земле, которые можно взять в руки или рассмотреть, пощупать, исследовать в лаборатории.

Метеориты миллионы лет странствовали по космическим путям-дорогам. Эти чужеземцы на собственной «шкуре» познали прелести космического житья-бытья: действие сверхвысоких температур и ужасы ледяного холода, небывалые скорости и высочайшее давление, в течение всей своей жизни подвергались безжалостной бомбардировке космическими лучами. Все это, конечно, оставило следы на камнях. Изучая эти следы, ученые проникают в тайны космоса.

Ну, а теперь вернемся к небесному камню, упавшему в деревне Глазатово, возле города Кашина.

Метеорит упал в полдень. День был пасмурный, серый. Темные, тяжелые облака низ-



ко нависали над землей. Шел снег. В такую погоду увидеть падение метеорита мог только тот, кто находился поблизости от места его приземления. А поблизости оказались двое мальчишек, братья Николаевы, двенадцатилетний Ваня и семилетний Федя.

Федя услышал, как где-то совсем рядом «сперва стрельнуло — «бух» — шибко, и стало греметь — «грууу» — шибко». Он увидел, как что-то упало на землю и полетели комья земли. «Потом гляжу — упало, думал, листья полетели, а это грязь». Федя был один в поле, далеко от дома.

— Я не плакал, — рассказывал он позже, — только слезы потекли, и убежал домой: напугался.

А брат его Ваня возвращался в то время из школы домой. Вдруг он услышал сильный грохот. «Сперва шибко бухнуло, а потом зажужжало — «бух-жжж» — как один шмель, только очень шибко». Мальчик увидел, как на поле полетела в разные стороны земля. Больше он ничего не видел, и это оказалось впоследствии очень важным.

Ваня испугался, но очень быстро любознательность победила в нем страх, и он припустил что было духу к тому месту, откуда полетела земля. Подбежал и увидел: «камень лежит, ушел в землю, а верх видать; кругом землю шибко по снегу набросало — большие комки». Ваня осмелился — дотронулся до камня и тотчас же отдернул руку. Потом подошел вплотную к камню и стал трогать его уже смелее. «Он был холодный, пару от него не было».

А между тем из деревни уже бежали люди. Все дивились чуду, и все единогласно решили, что оставлять камень в поле не годится, а надо немедленно перевезти его в деревню. Здесь, в самом центре деревни, у пруда, расчистили от снега площадку и положили метеорит.

Теперь камень можно было хорошо разглядеть. Он был больше обычного ведра, почти круглый, но не гладкий, а угловатый, весь покрытый тонкой, черной, местами блестящей корочкой. На поверхности его виднелись многочисленные ямки-вмятины.

Все это — и ямки-вмятины и черная корочка — имеет в науке свое объяснение.

Прежде чем попасть из космоса на Землю, метеорит должен проделать трудный путь через земную атмосферу. Когда метеорит с огромной скоростью влетает в атмосферу, он встречает сопротивление воздуха. В схватке с воздухом поверхность метеорита нагревается и расплавляется. Воздух срывает и разбрызгивает на мельчайшие капельки расплавленное космическое вещество. Небесный камень уменьшается, обычно раскалывается на части. Воздушные струи, как сверла, сверлят метеорит. Результат этой «обработки» — ямки-вмятины, которые ученые называют регмаглиптами.

Воздух тормозит движение метеорита. Небесный камень теряет космическую скорость, его нагревание прекращается. Расплавленная поверхность камня мгновенно остывает и затвердевает, одевая его тонкой пленкой — корой плавления. Теперь метеорит летит на Землю, как любое свободно падающее тело...

Камень с неба!

Эта весть быстро распространилась далеко за пределами Глазатова. В деревню нача-

лось настоящее паломничество. У камня круглые сутки толпился народ.

Люди разглядывали небесного странника. Они безжалостно обкалывали его. Каждый хотел принести домой хотя бы кусочек «небесного дара». По признанию одной из жительниц Глазатова, деревенские мужики «все топоры изломали о него».

Хорошо еще, что метеорит был очень крепким. Только это спасло его от полного уничтожения.

Кашинский районный Совет — Совдеп, как его тогда называли, послал за метеоритом трех красногвардейцев, однако крестьяне камня им не отдали.

Тогда Совдеп послал в Глазатово трех вооруженных солдат, и они доставили наконец камень в город, откуда он был переправлен в Москву, в Академию наук. Здесь он получил свое название — Кашин.

Сейчас метеорит Кашин находится в Минералогическом музее Академии наук.

Камень увезли. Но у местных жителей осталось много осколков. А главное — осталась молва о нем. А молва утверждала вещи самые необыкновенные.

Говорили, что камень этот — дар божий. Утверждали, что если обмыть осколки водой и этой водой умыться, — как рукой снимет всякую болезнь, а если положить осколки за божницу, — в дом никогда не ударит молния. Из уст в уста передавалась весть, что в полночь на месте падения загорается свеча. Какой-то мальчик лет пятнадцати клялся, что видел там ночью огонек. Больные и калеки сбрасывали повязки, касались больными местами «святой» земли и уверяли, что им сразу делалось легче.

Монашки и какие-то таинственные старухи, которых в Глазатове стало очень много, уговаривали крестьян построить на месте падения часовню и положить в ней осколки камня. Крестьяне уже начали сбор средств на часовню.

Все без конца расспрашивали Ваню и Федю Николаевых.

— Ну, а огонь, огонь был? Было сияние? Глас тебе был? Жар от камня был? — с нетерпением спрашивали Ваню.

— Нет, огня не было. Сияния не было, — повторял мальчик много раз настойчиво и упрямо, не давая сбить себя с толку.

«Паломники» бросились к Феде.

— Пусть дитя малое скажет. Устами младенца глаголет истина.

Но и Федя повторял одно и то же:

— Нет, не было огня.

— А видение тебе было?

— Не-е, не было.

Мальчикам сулили гостинцы, конфеты, игрушки. Но братья твердо стояли на своем.

Мальчик, тот, что якобы видел ночью в поле горящую свечу, грозился избить Ваню. Но Ваня упрямо повторял:

— Огня не было. Ничего такого не было...



Леонид Алексеевич Кулик с Ваней на месте падения метеорита.

Метеорит был еще в пути из Кашина в Москву, когда о нем узнал замечательный русский ученый академик В. И. Вернадский.

Он решил послать в Кашин сотрудника для изучения обстоятельств падения и сбора осколков. Его выбор пал на молодого минералога Леонида Алексеевича Кулика. Правда, Кулик не занимался до этого метеоритами. Но он был энергичный, пытливый и знающий человек. Ему можно было доверить.

Кулик быстро собрался в дорогу.

Забегая вперед, можно сказать, что эта поездка решила научную судьбу Кулика. Изучая обстоятельства падения метеорита, Кулик серьезно заинтересовался метеоритикой. Впоследствии Кулик стал известным ученым-метеоритоведом, одним из создателей советской метеоритики. Он разыскал и исследовал множество небесных камней.

А пока молодой ученый едет в Глазатово. Крестьяне встречают его неприветливо и настороженно. Они ждут, что же предпримет этот высокий, худой человек, которого за глаза называют «очкариком».

А Кулик предпринял следующее. Начал он с исследования места падения — круглой ямы диаметром в один метр, которую образовал метеорит при ударе о землю.

Затем приступил к опросу местных жителей. Ему необходимо было установить точное время (час и минуты) падения метеорита, направление его полета, уточнить, какая была в тот день погода, разузнать о явлениях, сопутствовавших полету.

Он хотел также выяснить, каков был вес и вид метеорита сразу после его падения.

Леонид Алексеевич подробно расспрашивал крестьян, он тщательно записал рассказы десятков свидетелей. Конечно, самым подробным образом были записаны рассказы Вани и Феди.

Кулик постарался восстановить картину полета. Он выяснил, что метеорит летел с юго-запада на северо-восток. Интересными

были данные о звуковых явлениях, сопровождавших полет. Люди, находившиеся вблизи от места приземления небесного камня, слышали лишь удар и гул. А вот жители деревень Чагино, Мялицино, Климотино, лежащих к северо-востоку от Глазатова, до которых метеорит не долетел, рассказывали ученому о настоящем урагане: в этих деревнях дрожали избы, звенели стекла в окнах, валились трубы, были повреждены крыши, истошно кричали животные, падали лошади. Отчего же это произошло?

Наука объясняет это так: метеорит, пролетая через атмосферу, сжимает воздух перед собой. Образуется так называемая головная воздушная волна, которая летит впереди метеорита. Она-то и вызвала ураган в деревнях, до которых сам метеорит не долетел.

Леонид Алексеевич внимательно изучал попавший к нему осколок и определил, что Кашин относится к каменным метеоритам. (Метеориты делятся на три типа: каменные, железные и железо-каменные.)

Метеорит в Глазатове, конечно, никто не взвешивал. Но крестьяне, перевозившие его с поля в деревню, считали, что он весил пудов 10, а может быть, и 12, то есть 160—200 килограммов. По их словам, он «имел $^3/_4$ аршина во все стороны», то есть примерно 50 сантиметров по всем трем измерениям.

В Академии наук метеорит был взвешен. Его вес оказался равным 121,23 килограмма. Кулик считал, что при обкалывании он потерял более пуда.

Это большой вес для каменного метеорита. Много потерявший в весе Кашин остается одним из самых больших каменных метеоритов в мире.

Закончив опрос свидетелей, Кулик приступил к сбору осколков у населения. Но крестьяне ни за что на свете не хотели отдавать ученому осколки.

Ученый ходил по деревням, по избам. Иногда его приглашали к столу, и он беседовал со всей семьей. В другой раз, собрав вокруг себя крестьян, он прямо на деревенской улице объяснял своим слушателям, что в нашей солнечной системе, кроме Земли, есть и другие большие планеты, а кроме больших планет, еще множество мелких — астероидов. Метеориты и являются, по всей вероятности, осколками этих астероидов.

Кулику было нелегко. Против него стояло многовековое невежество, неграмотность, недоверие, которое испытывали к нему, горожанину, крестьяне. А кроме того, вели свою работу тихие, благообразные старухи и старики, которые зачастили в крестьянские избы.

Кулику помогали Ваня и Федя. Он брал мальчиков с собой на беседы, и они рассказывали все как было: что камень «просто упал», безо всякого огня и жару. Им верили:

— Дитя малое — оно врать не станет.

— Своими глазами видели.



Рисунки С. ТРОФИМОВА.

Конечно, Феде и особенно Ване попадало потом от соседей и родственников. Но они не сдавались. Говорили только правду.

Кулик знал, как не просто мальчикам говорить эту простую правду. Вот тогда-то он и назвал их «маленькими Джордано Бруно из Глазатова». И рассказал им о Джордано Бруно, который принял мучительную смерть на костре, но не отрекся от своих убеждений.

Время шло. Беседы Кулика начали мало-помалу приносить свои плоды. Крестьяне стали вытаскивать из тайников заветные осколки. Правда, за первые принесенные осколки Кулик заплатил.

Потом стали приносить без всякого выкупа.

Всего Кулик получил в осколках 923,7 грамма метеоритного вещества.

Кулик собирался в обратную дорогу.

Провожать его собралась вся деревня. Леонид Алексеевич со всеми прощался, как со старыми друзьями. Особенно грустно ему было расставаться с Ваней и Федей. Он сказал им:

— Спасибо вам, ребята. — А потом добавил: — Помните, кем бы вы ни стали, — Джордано Бруно всегда и везде остается Джордано Бруно...

Теперь вы, конечно, догадались, что на фотографии, хранящейся в архивах Академии наук, снят Кулик с Ваней и Федей.

Мы не знаем, кем стали Ваня и Федя. В Кашине нам не удалось разыскать братьев Николаевых.

Но хранится в научных архивах снимок двух деревенских мальчишек, мальчишек — помощников большой науки, верных, мужественных защитников истины. Они были одними из первых.



НОВЫЕ СТИХИ

А. МИЛН

Черная курица

Бэрримен и Бакстер,
Приттибой и сын,
И толстый фермер Джерри —
Пять больших мужчин —
Бегут за черной курицей
Дружно, как один.
Бегом бегут по улице,
Не жалея ног,
Приттибой за Бакстером,
За ним его сынок.
А я скачу на палке,
Как всадник на коне,
И курица, конечно,
Прыгает ко мне.
Маленькая курица
Шепчет мне: — Привет!
— Здравствуй, здравствуй,
курица! —
Я шепчу в ответ, —
Может, ты расскажешь мне,
Если не секрет,
Чего хотят от курицы
Мужчины средних лет?
Маленькая курица
Дышит мне в лицо:
— Хотят они, чтоб курица
Снесла для них яйцо.
Да будь они хоть принцы,
Но ты меня прости,
Нет времени у курицы
Яйца им нести!
— Курица, я тоже
Не принц и не герой,
И ни одна принцесса
Мне не была сестрой.
Но я ныряю в речку,
Считаю до пяти;
Скажи, ты не могла бы
Яичко мне снести?
Отвечает курица:
— Ишь какая прыть!
А что ты мне за это
Можешь подарить? —
— Скажу тебе СПАСИБО!
ПОЖАЛУЙСТА скажу,
Медведя в зоопарке
Тебе я покажу,
И родинку на пятке,
И шишку на сосне,
А ты за это, курица,
Снеси яичко мне.



Рисунки И. ГАЛАНИНА.

— Не надо мне медведя
И шишки от сосны,
СПАСИБО и
ПОЖАЛУЙСТА
Мне вовсе не нужны.
Но если эти пятеро
Уберутся прочь,
На родинку на пятке
Взглянуть бы я не прочь.
Бэрримен и Бакстер
Скрылись за углом,
И курица потрогала
Родинку крылом:
«Смотри, ныряет в речку
Считает до пяти,
Могла бы я, пожалуй,
Яйцо ему снести».
Утром я проснулся,
Вышел на крыльцо,
И вижу я, что курица
Уже снесла яйцо.
Не королю, не принцу,
Не лорду на коне,
Нет, маленькая курица
Снесла яичко мне!
Бэрримен и Бакстер,
Приттибой с сынком
И толстый фермер
Джерри
Бегают гуськом,
Бегают за курицей
Дружно впятером.
Бегают за курицей
Уже четыре дня,
Бегают по улице,
Курицу кляня,
НО МАЛЕНЬКАЯ
КУРИЦА
СТРАШНО ЗАНЯТА,
МАЛЕНЬКАЯ
КУРИЦА
СТРАШНО ЗАНЯТА,
ДА, МАЛЕНЬКАЯ
КУРИЦА
СТРАШНО ЗАНЯТА:
Она несет на завтрак
яйца для МЕНЯ!

Перевела с английского
Н. ВОРОНЕЛЬ.



Карл КОРД

Лесные моды

Даже звери, мошки, птицы
Не смогли договориться,
Между ними до сих пор
Из-за мод звериных спор.

Леопард рычит на всех:
— Разве плох
пятнистый
мех?

Кто-то вежливо из мошек
Хвалит крылышки
в горошек.

А змея шипит в овраге:
— Я ношу одни зигзаги!
Выбор сделала тигрица:
Все в полоску ей годится.

Хвалит рыжих олененок,
А лягушка — всех зеленых.
Рыбе хочется, как прежде,
Быть в серебряной одежде,
Черепахе — в костяной,
А овечке — в шерстяной.

Спорят птицы,
спорят звери:
Кто за мех, а
кто за перья?
Я за перья и за мех:
Я люблю наряды всех!

Перевела с польского
Юнна МОРИЦ.

Театр Фонарик





Валерий **МЕДВЕДЕВ**

Рисунки А. БОРИСОВА.

Со словами «Здравствуйте, ребята! Начинаем наш концерт!» на сцену выходит Коля. За длинный рост его в школе прозвали Большим Колей. Сделав несколько шагов, Большой Коля спотыкается и чуть не падает.

КОЛЯ. Что такое? **(Рассматривает что-то на полу.)** Ну конечно, гвоздь... Это называется приготовили сцену к концерту. Безобразие! Пришли сегодня с Мишкой за час до концерта — гвоздь торчал, час прошел — он палец о палец не ударил... А что сложного?.. Нагнулся... **(Нагибается.)** За шляпку... и... и ведь гвоздик-то маленький... Вытащить — раз плюнуть... Ну ладно, это Мишке так не пройдет. **(Кричит в сторону кулис.)** Миша!

На сцене появляется Миша. Миша в отличие от Коли небольшого роста. Поэтому его в школе зовут Мишей Маленьким.

МИША. Я здесь.

КОЛЯ **(ребятам)**. Интересно, споткнется или нет?

Маленький Миша спотыкается, падает.

КОЛЯ **(хохочет)**. Так я и знал... **(Грозно.)** Это что такое?

МИША **(смотрит на пол)**. Гвоздь...

КОЛЯ. А почему ты его не вытащил?

МИША. А я думал, ты его вытащил.

КОЛЯ. А почему это я должен вытаскивать? По-моему, мы с тобой отвечаем за сцену одинаково.

МИША. Ты отвечаешь больше!

КОЛЯ. Почему?

МИША. Потому что ты больше. Ты Большой Коля! А мое дело маленькое. Я Миша Маленький...

КОЛЯ. А гвоздь большой, что ли?

МИША. Гвоздь маленький.

КОЛЯ. Ты и вытаскивай. Попадется большой — я выдерну.

МИША. Хитрый, я этот маленький вытащу, а большой тебе вдруг не попадется.

КОЛЯ. Хорошо, что ты предлагаешь?

МИША. Давай вытащим его вместе.

КОЛЯ. Вместе! Такой маленький гвоздь! Буду я руки марать!

МИША. И я не буду.

КОЛЯ. Нам же с тобой здесь ходить, номера объявлять.

МИША. Ну и что?

КОЛЯ. Спотыкаться будем...

МИША. Еще чего! Мы же с тобой знаем, где он торчит.

КОЛЯ. Ну, знаем.

МИША. Значит, будем обходить его стороной.

КОЛЯ. А ребята?

МИША. Не зацепятся. Гвоздик-то пустячный, а разговору... Вон Сережка идет... Сейчас проверим...

Выходит Сережа.

КОЛЯ. Зацепится.

МИША. Не зацепится. Спорим на билет в кино... на тридцать копеек.

КОЛЯ. Спорим.

СЕРЕЖА. Ребята, почему мы не начинаем концерт? (**Цепляется ботинком за гвоздь, падает на пол. Встает, закрывая один глаз рукой. Когда отнимает руку от лица, мы видим под глазом у Сережи синяк.**)

СЕРЕЖА. Ой, как же я с таким фонарем петь буду?.. Безобразие! Сцену не могли приготовить!.. (**Уходит.**)

КОЛЯ. Я выиграл. Давай тридцать копеек...

МИША (**достает из кармана мелочь**). Держи!.. Вот Толя с балалайкой идет. Спорим на шестьдесят копеек, что зацепится.

КОЛЯ. Спорим.

На сцену выходит Толя, в руках у него балалайка. Он спотыкается о гвоздь — падает. Ломает балалайку.

ТОЛЯ (**поднимается**). Безобразие! Куда вы смотрите?

КОЛЯ. В чем дело? Под ноги надо смотреть...

Толя уходит.

МИША. Давай шестьдесят копеек.

КОЛЯ. Действительно безобразие! (**Отдает деньги.**) Больше никто не идет?

МИША. Нет.

КОЛЯ. Жаль. Что же делать?

МИША. Давай вытаскивать. (**Нагибается.**)

КОЛЯ (**останавливает**). Хитрый. Выиграл — и сразу вытаскивать... Я еще должен вернуть свои деньги обратно...

МИША (**берет с рояля молоток и щипцы**). Поздно. Давай.

КОЛЯ (**берет молоток**). Предлагаю вытащить.

МИША. Лучше забить.

КОЛЯ. Хорошо, забивай.

МИША. Молоток у тебя — ты и забивай.

КОЛЯ. Я предлагаю вытащить.

МИША. Тащи.

КОЛЯ. У тебя клещи, ты и тащи.

МИША. Так мы не сговоримся... (**Достает монетку.**) Давай метнем... Так — тебе, так — мне...

На сцену выходит танцевальная группа.

ГЕНА. Коля, Миша, в чем дело? Почему вы не начинаете концерт? (**Спотыкается о гвоздь, падает. Идущие сзади мальчишки и девчонки валятся на него.**)

ГЕНА (**выбираясь из кучи-малы**). Ой!.. Ой!.. (**Хромает.**) Ой, я ногу ушиб... Ой, и подметку оторвал...

ЛЕНА. А у меня платье порвалось!..

КОЛЯ (**Гене**). Чего ты разнюнился?

ГЕНА. Мне вальс танцевать, а у меня подметка хлопает... Я отказываюсь участвовать в таком концерте...

ЛЕНА. И я отказываюсь.

СЕРЕЖА. Я тоже не буду. У меня голос на нервной почве совсем пропал...

Все расходятся.

КОЛЯ. Ребята! Куда же вы? Из-за какого-то маленького-маленького гвоздика срываете концерт!

МИША. В конце концов спотыкались все, а вытащить — никого нет.

Сцена пуста.

КОЛЯ. Что же делать?

МИША (**замахивается на гвоздь**). Давай на прощание...

КОЛЯ. Не стоит... Нам сегодня с тобой больше по этой сцене не ходить... (**Спотыкается о гвоздь. Падает.**) Ой!

КОЛЯ. Давайте занавес!

МИША. И доктора!

Медленно закрывается занавес. Коля и Миша появляются на просцениуме. У Миши в гипсе рука, у Коли — нога. Оба на костылях.

КОЛЯ. М-да...

Внезапно за сценой раздается страшный грохот.



МИША. Что там еще?

КОЛЯ (**заглядывает на сцену**). Пожарник разбился.

МИША (**машет безнадежно рукой**). Дорогие ребята! Все... Вот так наш концерт и закончился...

КОЛЯ. Бы...

МИША. Если бы...

КОЛЯ. За полчаса до начала...

МИША. Этот маленький гвоздь, который принес концерту такие большие неприятности, не вытащил бы из пола... Может...

КОЛЯ. Скромность украшает человека. Может... (**указывает на Мишу**). Он...

МИША (**указывает на Колю**). Может, он...

КОЛЯ (**указывает на появившуюся Лену**). А может, она.

ЛЕНА (**обращается к танцевальной группе**). А может, они!

ПОЖАРНИК (**высовывая голову из-за занавеса**). А может, я?

ВСЕ. А может, он!

КОЛЯ. Дорогие ребята. Начинаем наш концерт!

МИША. И никаких гвоздей!

И КОНЦЕРТ НАЧАЛСЯ.

*

Януш КОРЧАК

ЛЮБОВЬ

ШУТОЧНАЯ ПЕДАГОГИКА

Ладно. Согласен. Ты права. Ты его не любишь, но он тебе нравится. Очень нравится. Все другие мальчики — нет, они какие-то горластые, приставучие, а вот он один — да. Ты даже сама не знаешь, почему. И ты за него боишься. Ты скрываешь эту свою — нет, нет не любовь (для этого надо иметь аттестат зрелости и вообще быть взрослой) ты скрываешь, что он тебе нравится, и ужасно удивлена: откуда я-то знаю. А я один раз видел, как ты срывала с ромашки лепестки и загрустила, когда получилось «не любит».

Уверяю тебя, и ты ему нравишься, он просто не подает вида, боится, как бы вас не засмеяли. Ведь он самолюбив.

Помнишь, тогда пирожные? Он взял себе одно и будто бы с пренебрежением придвинул тарелочку к тебе, ты отказалась, и второе съела та, другая. Он пришел в ярость, что она, а не ты, и со зла выпалил, что у нее красный нос (это он, признаться, выдумал). Конечно, после этого тебе уже неудобно было брать то пирожное, что еще оставалось, ты гордо отказалась.

После этого он тоже гадал на лепестках ромашки и сразу повеселел, стал даже насвистывать: получилось «любит»!

Мальчишек я хорошо знаю, а вот девочкой не был, так, кое-что читал, кое-что слышал от них самих...

Вот, например, одна девочка призналась мне, что любит перед сном поплакать. Наревется вволю и тогда уж заснет спокойным, безмятежным сном. Или положит голову на подушку, и вдруг половина подушки (в ее воображении) — зима, а вторая — весна, цветы, бабочки. И кровать не кровать, а корабль в бушующем море, и рисуются ей путешествия, дальние страны... Или вдруг то, что случится через пять лет.

Кто-то из вас бунтует, кто-то покоряется, а кто-то мечтает, как бы все изменить, чтобы на свете жить стало лучше. О тебе знаю: ты ласковая, умная, ты все понимаешь. Но другие девчонки почти всегда недовольны мальчиками. Хотя они ни чуточки не хуже девочек, они просто другие. Я это изучил с математической точностью, ведь математика — королева наук.

Итак, я вел счет: сколько у девочек и у мальчиков клякс и пятен в тетрадях, сколько красивых строчек, сколько отдали сапожнику за подметки мальчишечьи и девчоночьи, сколько у одних и у других грязных ногтей, сколько потеряно мячей, сколько дыр на чулках и разбитых стекол, сколько синяков и перевязок, сколько сломанных перышек и карандашей, сколько потерянных шапок, носовых платков, сколько драк и ссор отдельно у пятидесяти девочек и у пятидесяти мальчиков.

Да, число их непоколебимо, но сколько возражений вызвали мои подсчеты у тех и других!

Мальчик заявляет: «Вы считаете одни драки, посчитайте-ка лучше ссоры, сплетни, жалобы и обиды».

Девочка недовольна: «Вы записали мне шишку на лбу, а ведь это мальчишка толкнул, я из-за него упала. А мой рваный рукав? Ведь, когда мы играли, я первая сказала, что хватать за рукав нельзя. Кляксу в моей тетради мальчишка поставил и ластик взял у меня и потерял. Перевязку вы тоже записали зря, палец я уколола иголкой, когда штопала мальчишечий носок. Из-за него палец стал нарывать».

Учительница без конца жалуется: «От мальчиков никакого спасения: лодыри, грязнули, хулиганы. — Но тут же добавляет: — Все же с мальчиками легче договориться».

Вот и девочки говорят, что без мальчиков как-то тихо и, пожалуй, даже скучно.

Но что же сказала королева наук?

Мальчики в четыре раза подвижнее девочек и в четыре раза шумливее. Не в сто и не в тысячу раз, а именно в четыре. Они горластее в четыре раза и во столько же раз быстрее и живее. От этого никуда не денешься. Народ беспокойный. Вот почему подметок, заплат и штопок на их счету в четыре раза больше. И все они теряют и пачкают и буквы кривые пишут. Для мальчиков сущее страдание — долго сидеть на одном месте, писать, уроки готовить. Уши у них грязные — мальчики мыться не любят, ведь мыться надо, стоя на одном месте, не побежишь с тазом.

А девочки больше любят сидеть, и не удивительно, что пишут в тетрадях они аккуратнее (конечно, есть и исключения).

Мальчики иные, но они ничуть не хуже. На них сыплются жалобы и упреки, но сквозь обиды и укоры проглядывают и дружба и любовь.

Итак, он тебе нравится, очень нравится: ты боишься за его жизнь, ведь он решил стать летчиком. А тебе хочется из двух зол выбрать меньшее: пусть уж лучше станет моряком. Правда, и на море бывают штормы, но на воде спасение вероятнее. Ты хочешь, чтобы он был капитаном корабля, и тогда ты будешь плавать вместе с ним.

Ты боишься, что он вообще умрет. Не расстраивайся, не умрет.

Помнишь, он заболел? Съел кило вишен, четыре яйца вкрутую, три огурца, яблоко и еще что-то, я забыл что, и заболел. А спустя два дня он уже был здоров. Значит, организм у него крепкий. И не такой уж он легкомысленный, как тебе кажется. Вчера сидели мы с ним за столом; он съел всего пять бутербродов с творогом, потянулся было за шестым и вдруг сказал: «Нет, хватит». Видишь, учитывает свой печальный опыт. Не хочет болеть.

Не думай, что любому доверят самолет.

Если у кого-то заболел живот оттого, что он объелся вишен, это неважно его характеризует как летчика. Самолет, видишь ли, дорогое сооружение, его не доверят такому оболтусу.

Но он не оболтус, я знаю. Он смелый, в волейбол играет — заглядишься, и на велосипеде ездит лучше всех, и не стал плакать, когда ему досталось в драке, да и подрался-то он из-за тебя.

А как красиво он плавает! Правда, он уверял, что ни за что не стал бы спасать тонущих девочек, но это же была шутка! Ты ведь знаешь: не может мальчик сознаться, что у него доброе сердце. Вот еще — сердце! Парень — и вдруг сердце. Сразу назовут бабой или сумасшедшим.

С каждым годом самолеты становятся все совершеннее и полет безопаснее. Потом он еще слишком юн для летчика. Ты, конечно, можешь посоветовать ему стать моряком, но ведь и на море бывают штормы, есть рифы и мели, хотя есть шлюпки и спасательные круги. К тому времени, когда он станет летчиком, наверное, придумают какие-нибудь спасательные аппараты на случай воздушной катастрофы. Ты можешь осторожно намекнуть, что летчик должен лучше учиться, иначе останется на второй год, и тогда кое-кто не будет с ним в одном классе...

Ты права: никто не знает, что его ждет.

Помню, давно было дело, во время русско-японской войны служил в царской армии офицер, ужасный трус. Как только атака и бой, он притворялся больным и отправлялся в лазарет. Ну и вот отпустили его как-то в город в отпуск на две недели. Он рад, в городе безопасно: можно принять ванну, выспаться на удобной постели в гостинице, в театр пойти. И вдруг поднялся ураган и на голову офицера свалилась вывеска. Мало того, вывеска парикмахера! И что еще хуже, дамского мастера. Врачи кинулись туда-сюда: что делать? Тем временем у офицера началось какое-то осложнение на мозг — что-то еще привязалось, что-то пристало и — пфф, и нет его. Не от вражеской пули, от вывески парикмахера погиб.

Ты не вздумай расстраиваться. Такой мальчишка, как он, не подведет. Он виртуозно играет в волейбол и плавает, надо будет, бешеного пса застрелит, велосипед у него мчится, словно птица, и кучер разрешает ему править лошадьми, он зараз съедает шесть бутербродов с творогом и, смотри, все-таки перешел в следующий класс.

Ну пусть себе болтает, что бог на душу положит, зато он всерьез задумывается над проблемами, которые человечество не может решить вот уже сотни и тысячи лет.

Хочешь его перевоспитать? Попробуй. Мягко и доброжелательно. Ты скорее это можешь, чем взрослые, они слишком много ворчат, читают мораль, а есть вещи, где нужно не холодное, умное, опытное слово, а теплый, добрый, задушевный совет ровесницы. Друга.

Перевела с польского
Евгения МОЙТЛИС.

Про книги серьёзные, книжки смешные, и книж



И. РАХТАНОВ

Ее талант

Жизнь Эммы Иосифовны Выгодской прошла на берегу державной Невы в Ленинграде. Но книги ее переносят читателя в страны и районы, очень далекие от нас, от севера. Уже в первой повести, написанной писательницей в 1930 году, читатель путешествует по желтой, мутной гигантской реке Миссисипи с веселым пареньком Сэмом Клеменсом, будущим писателем Марком Твеном.

В следующем году Выгодская перенесла читателя из одного полушария в другое, на юг, в Испанию, потом в Алжир вместе с одним молодым человеком, которому предстояло стать великим Сервантесом, автором бессмертного «Дон-Кихота».

Проходит еще немного времени, и в 1934 году начинается работа над созданием образа одного из самых удивительных и благородных людей, голландского писателя Эдварда Деккера, назвавшего свою первую книгу «Макс Хаавелар, или кофейные аукционы Нидерландского торгового общества» и подписавшегося под ней «Мультатули», что означает в переводе с латинского «Тот, кто много перенес».

Литературная судьба Выгодской складывалась в большом угловом здании на Невском проспекте, где разместилась знаменитая Публичная библиотека имени Салтыкова-Щедрина,— она была человеком книги, Эдвард Деккер же — весь в действии, он не раз пересек океаны, путешествовал и работал в южных морях, на островах Яве, Суматре и Целебесе, был конторским учеником, ассистент-резидентом, почти губернатором территории, которая могла бы вместить несколько небольших европейских государств.

Свою первую книгу он писал на чердаке амстердамского дома, голодный, не знающий, что принесет ему завтрашний день. И хотя ему не хватало денег, чтобы купить склянку настоящих чернил, хотя водянистые буквы его рукописи выглядели бледными и расплывались на дешевой бумаге, книга «Макс Хаавелар», выйдя в свет, произвела впечатление взрыва. Народная слава сама постучалась к Эдварду Деккеру, подписавшемуся «Мультатули», в его чердачную дверь.

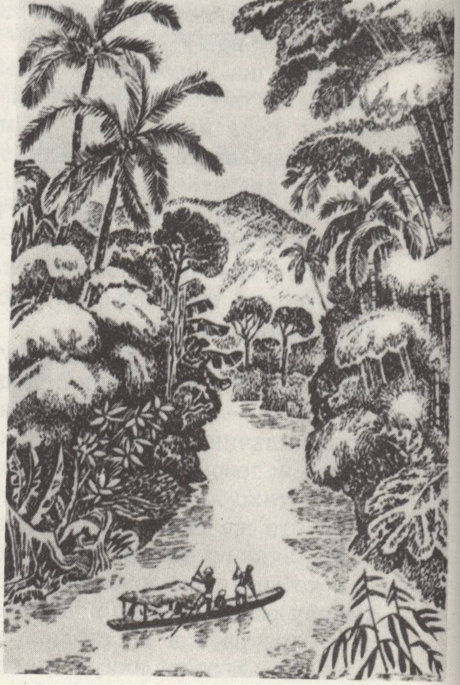
Повесть Выгодской о Мультатули издавалась не однажды. Юные читатели, к которым она была направлена, встретили ее с восторгом.

Нужно сказать, что Эмма Выгодская владела удивительным секретом писать интересно. Начав чтение любой ее книги, вы погружаетесь в мир страстей, где нет ни единой строки спокойствия, где все движется, живет, переливается пестрыми южными красками. Никогда не покидая пределы холодного низкого северного неба, Выгодская отдала все свое творчество широким горизонтам, где ярко пылает созвездие Южного Креста.

Это объясняется не пристрастием писательницы к экзотике, но ее глубоким интересом к истории, к народам, выходившим в начале и в середине XIX века на широкую политическую арену.

Все деятели, о которых писала Эмма Выгодская, и Эдвард Деккер, и Марк Твен, и Мигель Сервантес,— если говорить широко, были демократами: боролись за справедливость, за гуманизм, за светлые идеалы будущего. Вот почему, несмотря на различие частностей, несмотря на детали, подробности, повести Э. Выгодской кажутся написанными в один присест, все они на едином дыхании.

Передают, что Вильям Шекспир, прежде чем написать свою первую пьесу, долго работал в театре переписчиком ролей. Никак не сравнивая Э. Выгодскую с Шекспиром, хочется рассказать вам, что до начала своей писательской деятельности она перевела на русский язык не один десяток иноязычных книг. Выгодская свободно владела английским, французским и немецким языками. В 1922 году будущая писательница окончила историко-филологический факультет.

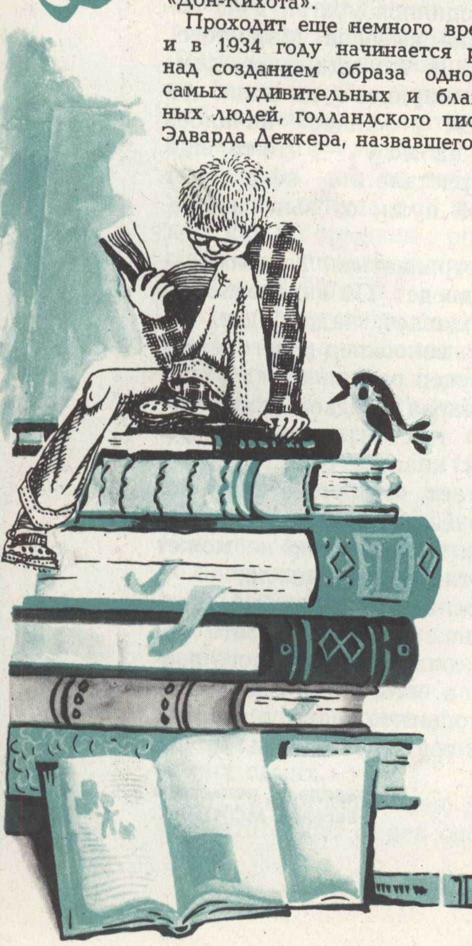


Две черты выделялись в ее облике человека и писателя. Первая из них — трудолюбие, вторая — скромность. В короткое время Выгодская написала множество страниц, нашла и изучила множество документов. По ним она совершала свои воображаемые путешествия, перенося читателей на край света, в неведомые страны.

Конечно, помогало здесь знание иностранных языков, о котором я уже сказал, а значит, проникновение в чужое мышление, в чужую культуру, в чужую жизнь.

Умение рисовать картины, присущее Выгодской, позволяет ей с кажущейся легкостью одинаково уверенно создавать атмосферу тропического леса, индийского города, кофейных плантаций на Яве, рабовладельческого американского Юга. И когда перо ее касается времен более отдаленных, когда оно воссоздает странствия по выжженным солнцем испанским дорогам обедневшего гидальго, в котором уже проступают увиденные им однажды в зеркальной поверхности горного озера черты «рыцаря печального образа», то же мастерство преобразования биографического материала в художественную ткань повествования увлекает читателя.

Сама ее фраза, сам способ видения художественны, живописны. Слово в ее устах цветет, искрится, благоухает, она знает его набатную силу и пишет о том, как мужает эта сила, как все громче бьют барабаны народных восста-



Про книги о

ки-малышки, и книги большие,

ний. Стиль писательницы живописный и образный.

Недаром все творчество она адресовала так называемому старшему возрасту, то есть читателю, глубоко чувствующему романтическую направленность.

Мне очень жаль, что все это написано в прошедшем времени. Эммы Иосифовны не стало рано, слишком рано. Сколько хороших и добрых книг могла бы она написать, в какие далекие, а может быть, и близкие страны и края привел бы нас ее живой талант!

КНИГИ Э. ВЫГОДСКОЙ

«Приключения Марка Твена», «Алжирский пленник», «История Эдварда Деккера», «Пламя гнева», «Опасный беглец»

Важное событие в жизни Оди

Когда мальчик Одя ехал летом в Крым, он даже не мог предположить, что, кроме моря и скал, которых он никогда не видел, в его жизнь воидет что-то очень для него важное.

Поначалу он бездумно бродит по берегу моря и, скучая, греется на солнышке. Очень хотелось бы ему познакомиться с местными ребятами, принимать участие в их играх, пройти вместе с ними на недоступный Дельфиний мыс, названный так потому, что он своими очертаниями похож на играющего в волнах дельфина. Но ребята не обращают внимания на толстого, неловкого мальчишку, а если и замечают Одю, то только для того, чтобы посмеяться над ним, бросить ему в лицо медузу, толкнуть его.

Но случилось так, что однажды все переменилось и Одя стал чуть ли не героем, а ребята поняли, что такое подлинное мужество, верная дружба. И сам Одя многое понял, смог взглянуть на себя со стороны. И мы знаем, что Одя вернется в Москву совсем другим человеком.

Обо всем этом рассказывает писатель **Анатолий Мошковский** в повести **«Дельфиний мыс»**.

Е. ВОЛОДИНА



Любимая папка проф. М.П.Коллекциани-Собирайлова

Герцогская забота

Герцог Орлеанский, современник Вольтера и тогдашний правитель Франции, прочитав вольнодумные стихи поэта, приказал немедленно заточить его в тюрьму Бастилия. В тюрьме Вольтер написал свое первое драматическое произведение, трагедию «Эдип», и вскоре один из парижских театров поставил ее. После просмотра спектакля, пользовавшегося большим успехом, герцог Орлеанский приказал освободить Вольтера из тюрьмы.

Когда на следующий день Вольтер явился в замок, чтобы поблагодарить герцога, тот сказал:

— На будущее будьте благоразумнее, а уж я о вас позабочусь.

— Весьма признателен,— сказал Вольтер,— однако пусть ваша светлость лучше не беспокоится в будущем о кровле над моей головой.

Любимцы знаменитых писателей

Вам, вероятно, интересно узнать о необычных любимцах знаменитых писателей.

Так, французский поэт Шарль Бодлер очень любил своего ежа, а у американского писателя Эдгара Аллана По был белый ворон, который почти все время сидел на его письменном столе. У автора «Трех мушкетеров» Александра Дюма была белая мышка. А любимицей его сына, тоже Александра Дюма, была дрессированная черепаха.

На премьере

Премьера пьесы Бернарда Шоу «Пигмалион» была встречена зрителями Лондона с неописуемым восторгом. Когда начал опускаться занавес, публика настойчивыми, бурными аплодисментами стала вызывать автора. Бернард Шоу вышел на сцену. После шумной встречи рукоплескания стали понемногу стихать, и тогда в зале неожиданно раздался недовольный возглас одного зрителя, которому не понравилась пьеса. Шоу посмотрел в его сторону, пожал плечами и сказал: «О, сэр, я с вами вполне согласен, но какое значение имеет наше обоюдное мнение против суждения толпы?»

Карикатура

— Ни одна карикатура не имеет ни малейшего сходства со мной,— жаловался Бернард Шоу.— Но раз я зашел к своему знакомому и у него наконец увидел карикатуру, которая показалась мне вполне приличной. Разумеется, она была зла, как, впрочем, и полагается карикатуре. Я уже было собрался обратить на нее внимание моего друга, как вдруг она шевельнулась, и я понял, увы, что это — мое отражение в зеркале...

Намыленная картина

Начинающий художник показал Брюллову этюд водопада. Он ждал восторженной похвалы.

А Брюллов только спросил:

— Как вам вздумалось, словно цирюльнику, намылить всю картину? Из-за пены совершенно не видно воды.

читайте, ребята, на этих страницах

странах, животных и птицах

ВЕСЁЛЫЕ СТИХИ

Эмма МОШКОВСКАЯ

КРЫШИ

Крыши, крыши, крыши, крыши,
а на крышах — трубы, трубы,
а на трубах — небо, небо,
в небе — звезды, звезды, звезды...
И, конечно, есть одна,
на которой есть дома.
Крыши, крыши, крыши, крыши,
а на крышах — трубы, трубы,
а на трубах — небо, небо,
в небе — звезды, звезды, звезды...
На какой-нибудь звезде
на какой-нибудь домишко
влез какой-нибудь мальчишка...
Тоже думает об этом,
тоже лежа на спине...



ЖИВОЙ УГОЛОК

У меня
пока
не живет кабарга.
Пока
горилл
мне никто не дарил.
Макак
никак
достать я не мог.
Но есть у меня
живой уголок...
Пока
малька
поймал я в реке.
И вот он — живой!
И он — в уголке!





КЛУБ „СОРО́К СОРО́К"

Выпуск подготовил
Эдуард УСПЕНСКИЙ.

— Ну что? Какие новости? — спросила сорока Белобока.

— А вот какие,— ответила сорока Завирайка и стала рассказывать

ПРО МЕДВЕЖОНКА КУЗЮ

Это случилось в одном таежном поселке. У шофера Виктора Ивановича был день рождения. Ему подарили очень много подарков: набор галстуков, шерстяной костюм, электропилу, апельсины и маленького живого медвежонка Кузьму.

Виктор Иванович очень обрадовался подаркам. А его жена была просто тронута до слез. Потому что, как только она отвернулась, медвежонок немедленно съел апельсины, рукав шерстяного костюма и начал грызть электропилу.

— А вот и неправда! — вмешалась в рассказ сорока Проверяйка.— Медведи не едят шерстяных костюмов!

— Да? — сказала сорока Завирайка.— А овец медведи едят?

— Едят.

— А они их стригут перед едой?

— Нет.

— Значит, они едят и овечью шерсть! Съела? — И она стала рассказывать дальше.

Медвежонок рос очень быстро. Скоро он знал, что можно есть, а что нельзя. Он научился растапливать печку и даже включать телевизор.

— Кузьма,— очень часто говорил Виктор Иванович,— сходи-ка ты в сарай и принеси гаечный ключ шесть на девять!

И медвежонок шел в сарай и приносил ключ. И домкрат, и карбюратор, и коробку скоростей, и все, о чем его просили.

И все люди в поселке очень полюбили медвежонка. Они всегда угощали его конфетами.

...Время шло, и хозяин Кузьмы начал брать медведя в рейсы и знакомить с устройством двигателя.

А через год медведь сам уже сел за

баранку. Он никогда не нарушал правил уличного движения, и на его счету не было ни одной аварии. Он работал и шофером, и грузчиком, и сторожем своей машины и всегда выполнял план на 271 процент.

Скоро весть об ученом медведе дошла до Москвы, и в поселок позвонили из Московского цирка.

— Ваш медведь нам совершенно необходим! Немедленно отправьте его нам.

И Кузьма поехал в Москву. В мягком вагоне. Теперь он живет в цирке на втором этаже. У него есть свой телефон. А работает он шофером. Водит легковую машину. Вот почему так популярен Московский цирк.

— Все, может быть, так и было,— заявила на это сорока Проверяйка,— но чтобы у медведя был свой телефон, в это я никогда не поверю.

— Да? — сказала Завирайка.— А ты помнишь стихотворение Чуковского «Телефон»?

«А потом позвонил медведь
И как начал, как начал реветь...»



— Помню,— неохотно ответила Проверяйка.

— Ну так как же он мог звонить, если у него телефона не было?

После этого Проверяйка замолчала.

А теперь новости с сорочьего хвоста



СЛУЧАЙ В ДЕРЕВНЕ

Из Нижнего Тагила сообщили: на днях в лесу возле деревни Сосновка заблудился восьмилетний школьник Вова Качанов.

На поиски мальчика вышел отряд добровольцев. Через сутки мальчик сам пришел домой. Отряд добровольцев до сих пор еще не найден.

В ЧЕМ ОШИБКА УЧЕНЫХ?

При раскопках одного греческого города археологами были найдены необычные штаны черного цвета. Ширина штанов в точности равнялась их длине. Ученые решили, что штаны принадлежали древнему физику Архимеду.

СИГАРЕТЫ ДЛЯ РЕБЯТ

В ближайшее время табачные киоски начнут широкую продажу сигарет и папирос для школьников. В табак добавляется специальное красящее вещество. Мальчик, который выкурит такую сигарету, становится фиолетовым на несколько дней. Таким образом будут выявлены все курильщики среди ребят.



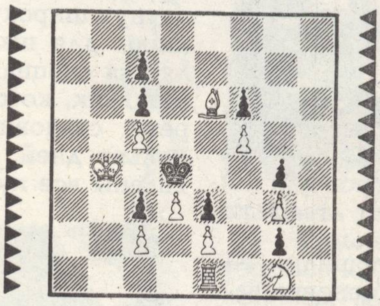
Рисунки А. Вовиковой.



Пешкин получает фото-телеграмму

Почтальон был обыкновенный, с толстой сумкой на ремне. Прибыл он в страну шаха на слоне и вручил Пешкину такую телеграмму: «Дорогой Пешкин. Начинается турнир. Срочно объясни, что такое цугцванг. Жду. Вова Зимин».

Незадолго до этого Пешкин как раз получил интересную задачу от восьмиклассника из Кизляра Левы Серебрякова. Лева — перворазрядник, немало он знает о шахматах, и в его задаче цугцванг — главная пружина.



Король в клетке

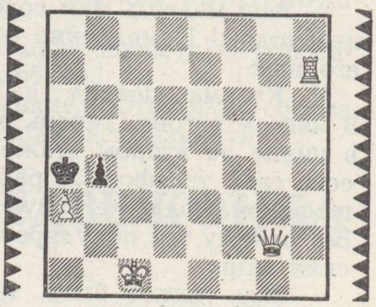
Да, попался черный король в западню. В его распоряжении только два хода.

С поля d4 лежит путь черного короля только на e5, а с поля e5 — обратно на d4. Это и есть цугцванг, когда один из противников вынужден делать определенный ход, даже если этот ход губителен. Выбора у него нет.

Используя цугцванг, белые в этой задаче дают мат черному королю в пять ходов.

Итак, раз, два, три, четыре, пять. Кто сумеет отгадать?

Мотивы цугцванга присутствуют и в следующей позиции, в которой Пешкин так ловко жонглирует фигурами.



Это не обычная задача. Здесь белая ладья мчится вверх и вниз по линии «h». Сейчас она расположена на h7. Но можно эту ладью поставить и на h3 и на h4, h5, h6. И во всех случаях белые, начиная игру, дают мат в два хода черному королю.

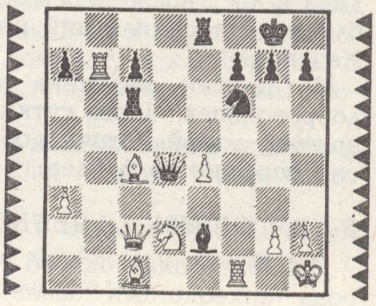
Итак, пять задач на одной диаграмме! Вот как Пешкин распоряжается фигурами! И ему очень хочется, чтобы и вы, ребята, поскорее одолели все шахматные премудрости.

Пешкин совершенно не согласен с Лидой Сизовой, которая прислала ему из Воронежа такое письмо: «Я думаю, что хорошо играть в шахматы могут только люди, у которых есть особый на это талант. Вот я шахматы люблю, а играю плохо, и ничего у меня не выходит».

Ну что же, Лида, пока «не выходит», но все обязательно пойдет на лад, если ты будешь тренироваться, участвовать в турнирах и не бояться поражений.

Вот в селе Травники, Чебаркульского района, Челябинской области, живет Таня Скрипова.

Тане одиннадцать лет, но она уже вышла победительницей на областных соревнованиях взрослых сельских шахматисток. Она успешно сражалась с опытными противниками.

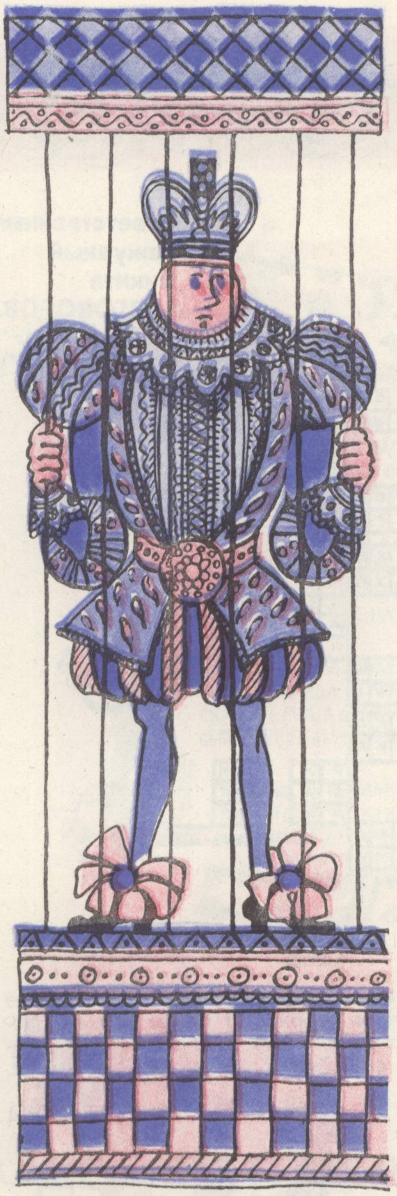


На этой диаграмме вы видите положение, которое возникло в партии Тани Скриповой с перворазряднице О. Стреловой, бывшей несколько лет назад чемпионкой РСФСР.

Смелой комбинацией Таня, игравшая черными, получила большое преимущество. Сейчас она могла простым ходом 20... С : с4 доказать правильность своего плана. Слабее... С : f1 ввиду 21. С : f7 +.

В партии было 20... Л : с4 21. К : с4 С : f1 22. Ке3, и белые получили достаточные контршансы.

Пешкину очень нравится, как играет Таня Скрипова. К тому же Таня отлично учится в школе. Пешкин желает тебе, Таня, успеха и награждает «Грамотой ферзя и ладьи».



Рисунки
Н. ДОБРОХОТОВОЙ

Две интересные фотографии

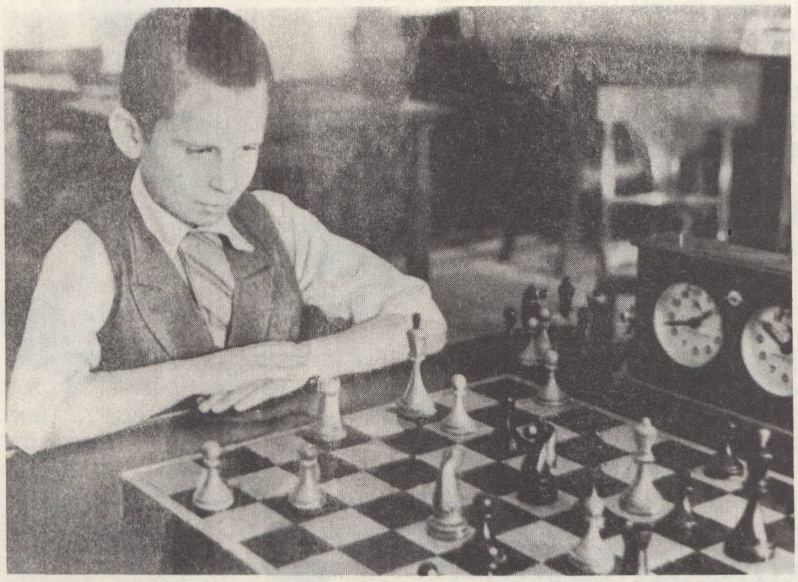
В справочное бюро Пешкина пришли письма от москвича Сережи Зорина, Коли Пономарева из Свердловска, Наташи Сергеевой из Вологды и других ребят. Они просят рассказать о том, как начинал свой спортивный путь гроссмейстер Борис Спасский.

Вот что рассказал Борис Васильевич Спасский:

«В 1941 году нас со старшим братом эвакуировали из Ленинграда. Жили мы в детском доме в Кировской области. Там я и узнал правила игры. Больше всех фигур понравилась ладья, своей прямолинейностью, что ли...



Чемпион мира
Б. Спасский



Летом 1946 года вернулись в Ленинград. Гуляя как-то в Центральном парке культуры, я увидел шахматный павильон с красивым черным конем — с тех пор стал буквально фанатиком. Утром павильон открывался, вечером закрывался. Все это время я был там».

Здесь вы видите десятилетнего Борю Спасского. Он сражается в турнирной партии первенства школьников страны 1947 года.

Другая фотография сделана в дни недавнего матча на первенство мира между Тиграном Петросяном и Борисом Спасским. Упорный труд, настойчивость, большой талант — вот что дало возможность Спасскому овладеть вершинами шахматного мастерства.



Ответственный дежурный Никита **РАЗГОВОРОВ.**



С каждым днем все больше и больше писем в шкатулке, где я храню полученные от вас ответы.

Я их с удовольствием перечитываю, рассматриваю конверты, на которых в строке «Адрес отправителя» стоят названия самых больших городов нашей Родины и маленьких деревень и поселков. Как я рад, что везде у меня есть друзья! Шкатулку я потом запираю на три замка. В этом году они устроены немного по-другому. Но и теперь достаточно расположить буквы на ключе так, чтобы при накладывании его на замок получались одинаковые слова по горизонтали и вертикали, и замок сразу же открывается. Проверьте это сами.

В отдельной шкатулке лежат письма, в которых вы прислали мне своих Колобков. Этими письмами я очень дорожу. И чтобы они не пропали, каждый день какой-нибудь Колобок несет стражу около этой шкатулки. Сегодня дежурит Колобок Нины Огурцовой, ученицы 4-го класса из села Горьковское, Оренбургской области.

ВАШ ДЕД БУКВОЕД

ЖОНГЛЁР КНОЛУ



Жонглер Кнолу поражает всех своим мастерством. Он выходит на арену и держит на носу пять кубиков. Буквы на них составляют его имя.

Кнолу подбрасывает кубики вверх и умудряется удерживать их снова на кончике носа, причем все три раза на кубиках получается новое слово!

Уверяю вас, что этого нелегко добиться, даже просто «жонглируя» этими буквами на бумаге. Попробуйте!

Рисунки А. БОРИСОВА.

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ ИЗ № 7

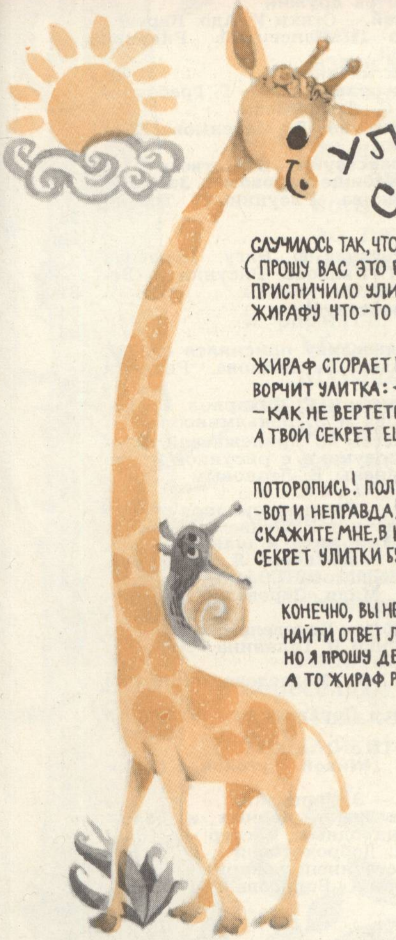
Летние задания
Сколько ежик съел сороконожек?
Ежик съел очень много сороконожек, четверть ведра.

Тень короля Рузазу
Осталась тень, нижняя справа.

Тришкина заплата
Разрезав прямоугольник на две таких части, можно из них сложить квадрат.



Ума палата



Улиткин секрет

СЛУЧИЛОСЬ ТАК, ЧТО РАНО УТРОМ В СРЕДУ
(ПРОШУ ВАС ЭТО ВСЕ ЗАПОМИНАТЬ!)
ПРИСПИЧИЛО УЛИТКЕ ПО СЕКРЕТУ,
ЖИРАФУ ЧТО-ТО НА УХО СКАЗАТЬ.

ЖИРАФ СГОРАЕТ ВЕСЬ ОТ НЕТЕРПЕНЬЯ.
ВОРЧИТ УЛИТКА: — ШЕЕЙ НЕ ВЕРТИ!
— КАК НЕ ВЕРТЕТЬ? СЕГОДНЯ ВОСКРЕСЕНЬЕ,
А ТВОЙ СЕКРЕТ ЕЩЕ НА ПОЛПУТИ.

ПОТОРОПИСЬ! ПОЛЗЕШЬ ТЫ ЕЛЕ-ЕЛЕ!
- ВОТ И НЕПРАВДА! Я ПОЛЗУ СТРЕМГЛАВ!
СКАЖИТЕ МНЕ, В КАКОЙ ЖЕ ДЕНЬ НЕДЕЛИ
СЕКРЕТ УЛИТКИ БУДЕТ ЗНАТЬ ЖИРАФ?

КОНЕЧНО, ВЫ НЕ МАЛЕНЬКИЕ ДЕТИ,
НАЙТИ ОТВЕТ ЛЕГКО УДАСТСЯ ВСЕМ
НО Я ПРОШУ ДЕРЖАТЬ ЕГО В СЕКРЕТЕ,
А ТО ЖИРАФ РАССТРОИТСЯ СОВСЕМ!

Идём за грибами

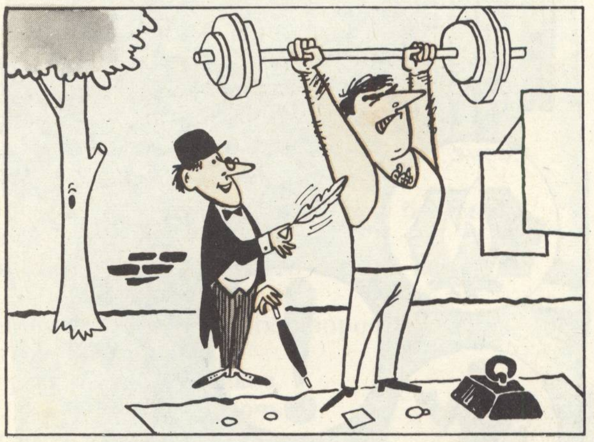
На лесной полянке растут восемь грибов. Большая желтая лиси-

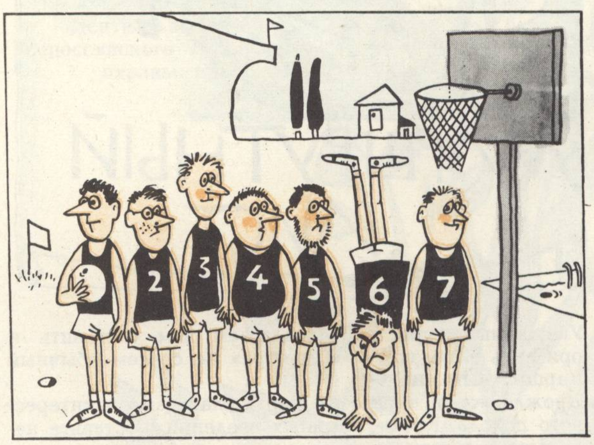


чка видна сразу, а остальные семь так попрятались, что от них только по одной буковке торчит. Но настоящий грибник, конечно, мимо них не пройдет.

Найдите грибы, заполняя строчки по горизонтали. Будьте внимательны, не положите в свой кузовок какую-нибудь поганку!

7:0 в пользу остроглазых





Мы уже рассказывали вам об итальянском художнике Фортуне и любимом герое его рисунков, могучем Пьерро, который с блеском выступает в самых различных видах спорта. На этих рисунках вы видите, что Пьерро обладает не только стальными мускулами, но и железными нервами, а своеобразие его тактики при игре в баскетбол заключается в том, что он бегает... на руках, а мяч забрасывает в корзину ногами. Как всегда, на рисунках Фортуне семь мелких совпадающих деталей.

Они упрятаны хитро,
Но нервничать не надо,
Пример берите вы с Пьерро,
Когда грызет досада!



Уважаемые туристы! Предлагаем вам составить и прислать в редакцию «Пионера» не совсем обычный маршрутный лист.

Прежде всего нарисуйте карту-план самого интересного похода. Кроме обычных сведений, поставьте несколько специальных знаков:

Знак: костер на фоне палатки. Такой знак на вашей карте указывает удобное место для ночлега.

Знак: человек поднял руку для приветствия. Такой знак, поставленный рядом с населенным пунктом, поможет найти человека, хорошо знающего свой край. Не забудьте написать его имя, отчество, фамилию, адрес.

Знак: восклицательный. Знак восклицательный подскажет нам: «Здесь интересно. Остановитесь!».

Рассказ о поразивших вас уголках природы, об удивительных памятниках, о научных открытиях, сделанных в походе (словом, о том, что отмечено на карте восклицательным знаком), присылайте в редакцию вместе с маршрутным листом.

ЛУЧШИЕ МАРШРУТНЫЕ ЛИСТЫ И РАССКАЗЫ О ПОХОДАХ БУДУТ НАПЕЧАТАНЫ В ЖУРНАЛЕ. ОТКРЫТОЙ И ИССЛЕДОВАННОЙ ВАМИ ДОРОГОЙ ПОЙДУТ ВАШИ ТОВАРИЩИ, ЧИТАТЕЛИ «ПИОНЕРА».

СОДЕРЖАНИЕ

Главный редактор **Н. В. ИЛЬИНА.**

Художественный редактор
С. Ю. Сахарова.

Редакционная коллегия:

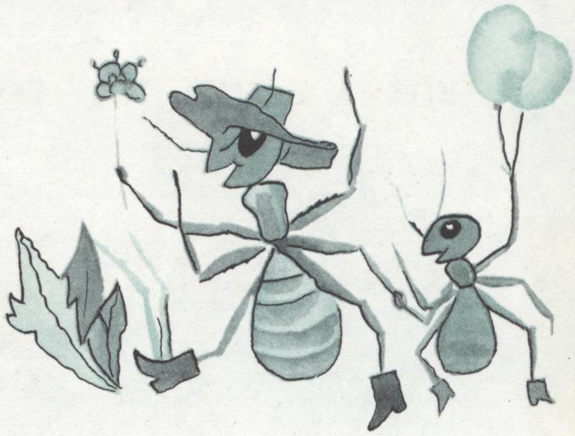
Т. В. Голубцова, В. И. Каверин, Л. А. Кассиль, Е. Л. Коваленко (ответственный секретарь), **Ф. В. Лемкуль, В. Ф. Матвеев** (заместитель главного редактора), **А. И. Мошковский, А. И. Мусатов, А. С. Некрасов, В. И. Орлов, В. А. Поддубная, М. П. Прилежаева.**

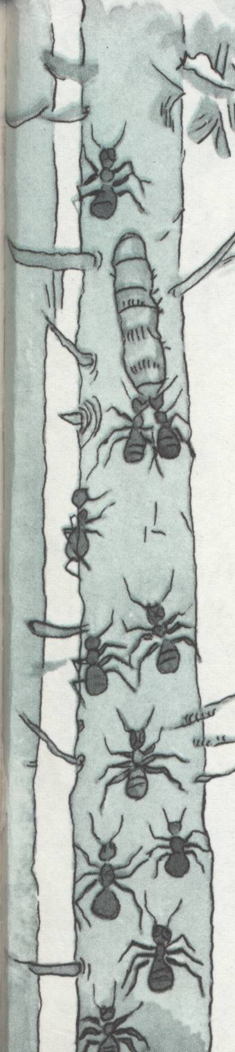
**Адрес редакции: Москва, А-15,
Бумажный проезд, 14. 11-й этаж.
Телефон 253-30-73.**

Рукописи не возвращаются.
Технический редактор **В. Назарова.**

А 00143. Подписано к печати 2/VII 1969 г. Формат бумаги $84\times60^{1}/_{8}$. Объем 9,33 усл. печ. л. 11,24 учетно-изд. л. Тираж 1 115 000 экз. Изд. № 1413. Заказ № 1739.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.





Муравьи — гроза для вредных насекомых.

С ранней весны до самой поздней осени муравьи истребляют взрослых вредителей, их гусениц, личинок, вылупившихся из коконов, на почве, на деревьях, до тысячи на каждом дереве.

С апреля по октябрь жители одного муравейника съедают от трех до пяти миллионов вредителей.

Рыжие лесные муравьи истребляют всех до одного насекомых на своем «охотничьем» участке, а он не малый — до четверти километра в радиусе.

Муравьи улучшают структуру лесных почв.

Муравьи — активные лесные санитары. Они уничтожают трупы ящериц, лягушек, ужей, дождевых червей и т. д.

Вокруг муравейников не живут мышевидные грызуны и змеи.

Кто же вредит муравьям, кто разоряет муравейники?

Медведи, суслики, лисы, барсуки, кроты и... люди. Ради бессмысленного любопытства и забавы.

Ребята! Оберегайте муравейники! Рассказывайте всем, как полезны муравьи.

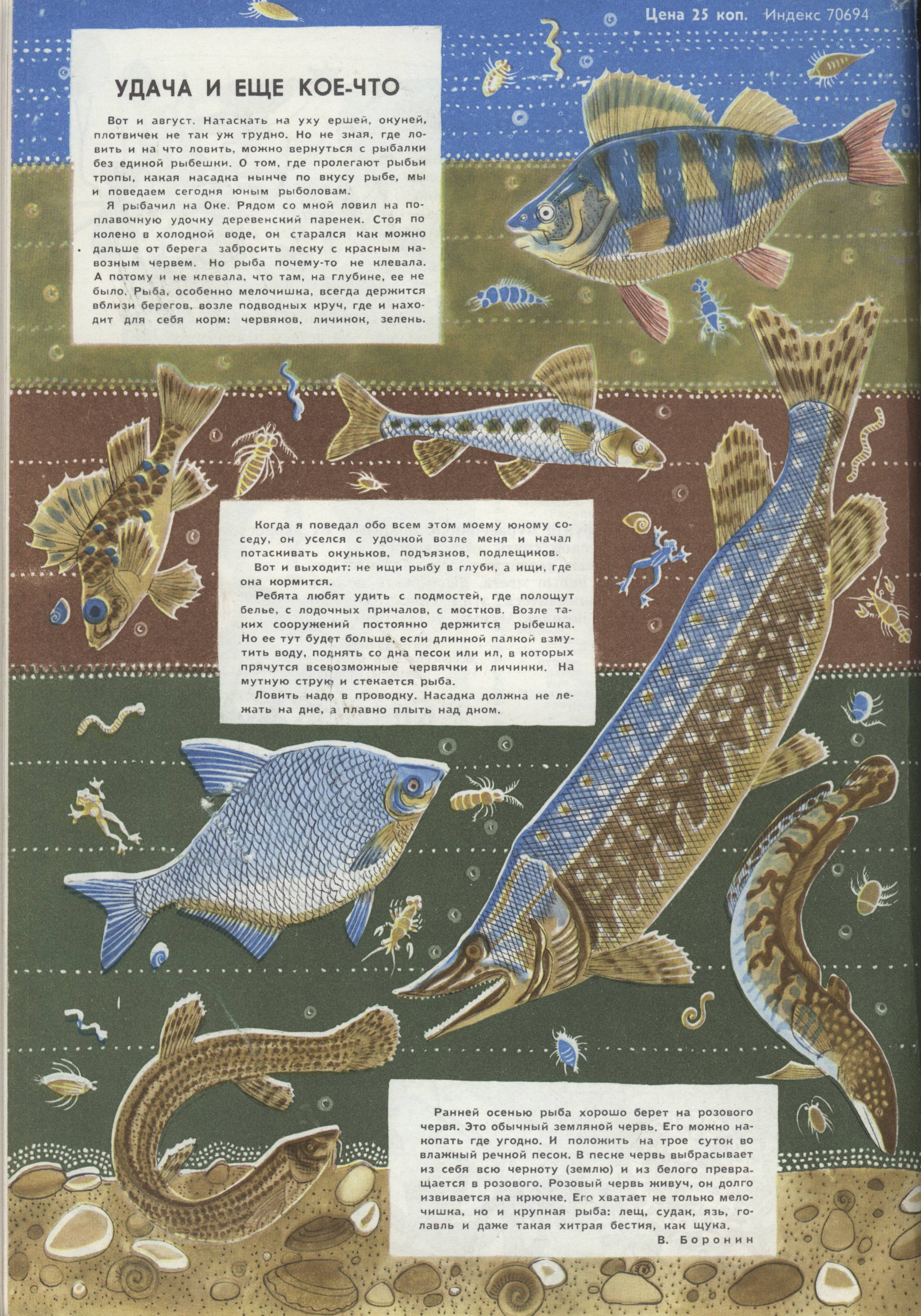
Осенью маскируйте муравейники, покрывая их хворостом. Только не забудьте весной снять этот хворост.

Работники лесных хозяйств расселяют муравьев, переселяют их на новые места. Вы можете помочь им. Только не занимайтесь этим самостоятельно. Предложите свою помощь лесным хозяйствам.

Центральный совет
Всероссийского общества
охраны природы



Цена 25 коп. Индекс 70694



УДАЧА И ЕЩЕ КОЕ-ЧТО

Вот и август. Натаскать на уху ершей, окуней, плотвичек не так уж трудно. Но не зная, где ловить и на что ловить, можно вернуться с рыбалки без единой рыбешки. О том, где пролегают рыбьи тропы, какая насадка нынче по вкусу рыбе, мы и поведаем сегодня юным рыболовам.

Я рыбачил на Оке. Рядом со мной ловил на поплавочную удочку деревенский паренек. Стоя по колено в холодной воде, он старался как можно дальше от берега забросить леску с красным навозным червем. Но рыба почему-то не клевала. А потому и не клевала, что там, на глубине, ее не было. Рыба, особенно мелочишка, всегда держится вблизи берегов, возле подводных круч, где и находит для себя корм: червяков, личинок, зелень.

Когда я поведал обо всем этом моему юному соседу, он уселся с удочкой возле меня и начал потаскивать окуньков, подъязков, подлещиков.

Вот и выходит: не ищи рыбу в глуби, а ищи, где она кормится.

Ребята любят удить с подмостей, где полощут белье, с лодочных причалов, с мостков. Возле таких сооружений постоянно держится рыбешка. Но ее тут будет больше, если длинной палкой взмутить воду, поднять со дна песок или ил, в которых прячутся всевозможные червячки и личинки. На мутную струю и стекается рыба.

Ловить надо в проводку. Насадка должна не лежать на дне, а плавно плыть над дном.

Ранней осенью рыба хорошо берет на розового червя. Это обычный земляной червь. Его можно накопать где угодно. И положить на трое суток во влажный речной песок. В песке червь выбрасывает из себя всю черноту (землю) и из белого превращается в розового. Розовый червь живуч, он долго извивается на крючке. Его хватает не только мелочишка, но и крупная рыба: лещ, судак, язь, голавль и даже такая хитрая бестия, как щука.

В. Боронин